

Н. Д. Финкельберг

АРАБСКИЙ ЯЗЫК

Теория и технология перевода

Рекомендовано Учебно-методическим объединением по образованию в области лингвистики Министерства образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов, обучающихся по специальности 031202 «Перевод и переводоведение» направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

**ВОСТОЧНАЯ
КНИГА**

Москва • 2010

УДК 811.41:81'25
ББК 81.61
Ф59

Финкельберг Н. Д.

Ф59 Арабский язык: теория и технология перевода: учебное пособие / Н. Д. Финкельберг. — М.: Восточная книга, 2010. — 400 с.

ISBN 978-5-7873-0422-0

Настоящая книга — первый фундаментальный учебник по частной теории и технологии перевода арабского языка.

Содержит сведения о базовых понятиях общей теории перевода и предлагает системное изложение теории и технологии арабско-русского перевода. Дает представление об особенностях арабского языка и арабского менталитета, релевантных для русского переводчика. Создает научную базу для выработки стратегии и тактики принятия переводческих решений с учетом особенностей речевого и коммуникативного поведения арабского коммуниканта.

Для студентов, аспирантов и преподавателей переводческих, лингвистических, филологических и культуроведческих факультетов, а также для научных работников, занимающихся этнопсихолингвистикой и лингвокультурологией, и для всех тех, кого интересуют вопросы ментально-лингвальных процессов межкультурной коммуникации.

УДК 811.41:81'25
ББК 81.61

© Н. Д. Финкельберг, 2010
© ООО «Восточная книга», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	9
Введение	12
Принципы структуры.....	17

Глава 1. Общие положения

1. Объект и предмет теории перевода. <i>Краткие сведения об этапах формирования объекта теории перевода. Современная парадигма переводоведения. Общая теория перевода. Частные теории перевода. Методы исследования в переводоведении. Теория перевода — конструктивная наука.....</i>	23
2. Перевод как профессия. <i>Сфера использования переводческой деятельности. Виды переводческой деятельности. Формы перевода. Состав деятельности переводчика: собственно перевод, гетеровалентное языковое посредничество; реферирование</i>	32
3. Перевод как вид деятельности. <i>Модель одноязычной коммуникации: деятельность адресанта и деятельность адресата; компетенции общающихся субъектов, необходимые для успеха акта речевой коммуникации. Вербальная коммуникативная деятельность одноязычных адресанта и адресата: докоммуникативный образ ситуации, коммуникативный образ ситуации, текст. Особенности вербальной коммуникативной деятельности переводчика в акте двуязычного общения: профессиональные компетенции переводчика; фазы деятельности, сопряжение интенционального и реципиентного смыслов, степень свободы при выборе языковых изобразительных средств.....</i>	40

4. Текст в переводе (содержательный аспект). <i>Текст как система. Материальные и идеальные элементы текста. Значение языковых знаков. Содержание текста. Смысл и значение Восприятие и понимание. Алгоритм переводческой стратегии</i>	57
5. Текст в переводе (функциональный аспект). <i>Целостная характеристика системы акта речевой коммуникации. Текст и каналы информации. Прагматическая ориентация текста. Теория уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова</i>	71
6. Критерии оценки перевода. <i>Адекватность перевода. Буквальный и вольный перевод. Единица перевода. Норма в переводе. Инвариант в переводе</i>	85
7. Приемы перевода. <i>Приемы перевода. Единица переводческого ориентирования. Типы соотношения разноязычных знаков, объективирующих в тексте сходные значения. Теория постоянных соответствий. Микроперевод и макроперевод</i>	98
8. Несоответствие в переводе	112

Глава 2. Проблематика частной теории перевода арабского языка

1. Проблематика частных лингвистических теорий перевода. <i>Объект частной лингвистической теории перевода. Основные проблемы частных лингвистических теорий перевода</i>	121
2. Лингвистические проблемы в частной теории перевода арабского языка. <i>Блоки лингвистических проблем в ЧТПАЯ. Отечественные ученые, чьи труды внесли вклад в разработку этих проблем</i>	124
А. Сопоставительное изучение функционирования в речи номинативных единиц (слов, словосочетаний, фразеологизмов, терминов)	124
Б. Сопоставительное изучение основных семантических категорий, функционально-семантических полей и категориальных ситуаций («качеств текста») ...	128

В. Сопоставительное изучение функционально-стилистических параметров текста.....	129
3. Психосемантические проблемы в частной теории перевода арабского языка.....	130
4. Лингвосоциокультурная проблематика частной теории перевода арабского языка.....	137
А. Проблема реалий.....	137
Б. Проблема диглоссии и другие вопросы, связанные с языковой ситуацией в стране обитания иноязычного этноса.....	139
В. Проблема регионализмов.....	140

Глава 3. Особенности системы арабского языка и перевод

1. Номинация. Понятие номинации. Основные и коннотативные значения арабского слова. Национально маркированные разделы арабского вокабуляра; арабская языковая картина мира.....	143
А. Коннотативные значения арабского слова.....	145
А.1. Корневая номинативная база. Аллотега. Метатеза.....	146
А.2. Простое словопроизводство.....	151
А.3. Первичная номинация. Вторичная номинация.....	153
А.4. Каналы экспликации коннотативных значений.....	156
Б. Национально маркированные разделы арабского вокабуляра.....	162
Б.1. Дейктические средства.....	162
Б.2. Глаголы состояния.....	164
Б.3. Словосочетания, ориентированные в лексикон.....	166
Б.4. Реалии.....	168
Б.5. Слова широкого значения.....	171
В. Лексико-семантические поля.....	172
2. Арабская языковая картина мира. Вокабуляр как отражение национального миропобраза. Теория файлов. Тезаурус. Соотношение сигнификатов разноязычных слов, направленных на одну и ту же действительность.	

Приемы перераспределения каналов информации на уровне отдельного языкового знака	176
3. Словари: помощь переводчику. Значение справочной литературы для переводчика. Типы словарей. Особенности подачи материала в словарях.....	185
1. Толковые словари.....	186
2. Двуязычные словари.....	192
3. Специальные словари.....	193
4. Грамматические категории.....	198
А. Категория частей речи.....	199
Б. Категория неопределенности.....	200
В. Категория числа.....	204
Г. Категория вида.....	207
Д. Категория времени.....	210

Глава 4. Особенности арабской речи и перевод

1. Референция отдельного знака. Отличие референции от номинации. Национально маркированные обозначения в арабском тексте. Предпочтительные типы файлов, используемые арабским адресантом для обозначения референтов.....	221
2. Референция отдельной ситуации. Понятия реальной, референтной и речевой ситуации. Сопоставление референции отдельной реальной ситуации по параметрам полноты, латентности и точности. Основные национальные отличия обозначения целостного образа ситуации в арабском тексте.....	236
1. Определечивание референтной ситуации на основе интегрированного понятия о строевых единицах синтаксиса.....	242
2. Определечивание референтной ситуации на основе интегрированных понятий о синтаксических отношениях между строевыми единицами сообщения.....	243
3. Определечивание референтной ситуации на основе интегрированных денотативных понятий.....	249

3. Текстологический аспект ЧТПАЯ	259
А. Текст как система. Содержание и смысл. Функциональные качества (категории) текста. Текст и дискурс	259
Б. Связность и цельность арабского текста. Средства оформления связности и цельности в арабском тексте: способы кореферентности, особенности союзного соединения, «мозаичный синтаксис». Понятие грамматики широкого контекста	261
В. Темпоральное качество арабского текста. Факторы, формирующие темпоральное качество текста. Реальное и авторское время. Роль арабского глагола в формировании темпорального качества текста. Таксис. «Плоскостной синтаксис» арабского текста ..	268
Г. Эмоционально-оценочное качество арабского текста. Формы оценки. Виды оценки. Логика оценки	274
Д. Стилистическое качество арабского текста. Понятие стиля. Влияние языковой ситуации на стилистическую стратификацию арабской речи; переводческое сопоставление функциональных стилей в арабском и русском дискурсе; способ исполнения (выбор и композиция языковых средств) некоторых конкретных типов речевых актов в арабском дискурсе; основные переводческие трудности при решении стилистических проблем	284

Глава 5. Социокультурный аспект ЧТПАЯ

1. Экстралингвистические особенности явления «чужеродности» в межкультурном общении. Этнический менталитет. Концепт. Этническая концептосфера. Прецедентные феномены. Особенности риторического уровня межкультурной коммуникации	301
2. Экстралингвистические особенности явления «чужеродности» в устном межкультурном общении. Особенности работы сознания устного переводчика; особенности распределения каналов информации при устном об-	

	<i>щени; национальные особенности паралингвистических средств; ролевые отношения коммуникантов и переводчика; поведенческие пристрастия коммуникантов.....</i>	310
3. Языковая ситуация		320

Глава 6. Алгоритмы переводческих действий

1. Понятие технологии перевода. Действия переводчика по организации своей работы в зависимости а) от этапа переводческой деятельности, б) от способа перевода, в) от формы перевода и г) от социального заказа		323
2. Выбор слова при переводе. Десемантизация и сверхсемантизация. Введение дополнительной информации при переводе. Опускание информации при переводе. Устойчивые арабские модели словосочетаний.....		331
3. Прием компенсации потерь при переводе.....		346
4. Перевод нарративных и аффективных текстов. Нарративные и аффективные тексты. Декодирование смысла. Поиск пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры. Особенности информации, передающейся в нарративных и аффективных текстах. Языковые особенности арабских нарративных и аффективных текстов.....		348
Контрольные вопросы		365
Краткий словарь переводческих терминов.....		378
Список литературы.....		392
Словари		397

ОТ АВТОРА

В книге объединены краткие сведения о центральных понятиях общей теории и технологии перевода (глава 1) и авторское видение проблем частной теории и технологии перевода арабского языка (главы 2–6).

Середина прошлого столетия была отмечена резким увеличением контактов между Арабским Востоком и Россией. Появилась острая потребность в подготовке профессиональных переводчиков. Возникла сложная ситуация, когда нужно было решать целый комплекс теоретических, практических и дидактических проблем. Теория перевода как самостоятельная наука только начинала разрабатываться. Практика переводческих контактов была очень бедна, особенно в области устного межкультурного общения. В преподавании арабского языка господствовало направление, когда главный упор делался на изучение грамматики и лексики арабского литературного языка, который обслуживал только письменное общение. В этих условиях потребовалось одновременно, с одной стороны, разрабатывать методику обучения будущих переводчиков, а с другой стороны, переходить от академической системы обучения арабскому языку к обучению тому арабскому языку, которым пользуется современное арабское лингвосоциокультурное сообщество в различных сферах общения, а не только в сфере письменного общения.

Ситуация обострилась в 60-х и 70-х годах XX века, когда началась арабо-израильская военная конфронтация. Срочно потребовались военные переводчики, на подготовку которых отводилось мало времени. С этими задачами пришлось справляться молодой кафедре вновь созданного Военного института иностранных языков (ВИИЯ). В преподавательский состав кафедры входили выпускники «старого» ВИИЯка, которые уже имели опыт практической работы,

и выпускники Института восточных языков при МГУ им. М. В. Ломоносова (нынешнего Института стран Азии и Африки при МГУ) и восточного факультета Ленинградского государственного университета (теперь Санкт-Петербургского государственного университета). От молодых преподавателей потребовались самоотверженные совместные усилия, которые корректировались практическими результатами обучаемых и новых выпускников, лучшие из которых позже вошли в состав кафедры. Арабисты кафедры целенаправленно изучали опыт переводческого сопоставления арабского и русского языков, анализировали типовые переводческие ошибки, осваивали достижения общей теории перевода и частных лингвистических теорий перевода, писали и корректировали учебную литературу по переводу. Создались условия для плодотворного соединения научной рефлексии с проверкой предлагаемых гипотез на практике, как переводческой, так и дидактической.

Со временем обучение переводу в специализированных высших учебных заведениях становилось все более эффективным с точки зрения тех практических умений и навыков, которые получали их выпускники. Одновременно с этим укреплялась научная база данных об особенностях процессов арабо-русского и русско-арабского переводов, вырабатывались основы частной лингвистической теории перевода для арабско-русской комбинации языков.

Предлагаемая читателю книга отражает нынешнее состояние частной теории и технологии перевода арабского языка, те представления об особенностях арабского языка и арабского менталитета, которые являются релевантными для русского переводчика. В книге нашли развитие идеи, высказанные в предыдущих работах автора.

Книга призвана дать обучаемым инструментарий, который поможет им анализировать особенности речевого и коммуникативного поведения арабского коммуниканта в условиях межкультурного общения с тем, чтобы определять стратегию и тактику принятия своих переводческих решений, опираясь на научную базу данных. Эта книжка может оказаться полезной для преподавателя, который собирается читать или читает аналогичный курс. Кроме того, она может быть использована студентами, изучаю-

щими аналогичный курс в вузе, для подготовки к занятиям и к экзаменам.

По мнению автора, книга может оказаться полезной для тех, кто собирается заниматься переводческой деятельностью и хочет углубить теоретические знания, приобретенные в курсе общего перевода, познакомившись с основами частной теории перевода для арабско-русской комбинации языков. Автор целиком и полностью разделяет точку зрения З. Д. Львовской, что развитие частных теорий перевода «является единственной возможностью дальнейшего развития науки о переводе»¹.

Книга может быть полезна и для тех, кто планирует заниматься научной деятельностью, исследовать в сопоставительном плане ментально-лингвальные процессы, комплексы и дискурсы, особенно если в сферу научных интересов исследователя попадает сопоставление европейских и восточных лингвосоциокультурных сообществ.

Автор надеется, что к книге проявят интерес ученые, занимающиеся этнопсихолингвистикой и лингвокультурологией, найдя теоретический и фактический материал, до сих пор еще не входивший в научный обиход.

Следует, очевидно, добавить, что концепция, которая предлагается в рамках данного курса, прошла апробацию на переводческих факультетах Военного университета МО РФ и Московского государственного лингвистического университета.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность друзьям и коллегам по кафедре ближневосточных языков ВУ и по диссертационному совету и переводческому факультету МГЛУ, без чьих ценных идей и без чьей поддержки эта работа не была бы выполнена.

Особую благодарность автор выражает рецензентам доктору филологических наук иранисту Константину Никитичу Хитрику и кандидату филологических наук синхронному переводчику-арабисту Николаю Александровичу Шамраеву, которые взяли на себя труд ознакомиться с рукописью и чьи важные и конструктивные дополнения и замечания оказались очень полезными.

¹ Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. М., 2007. С. 169.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий курс частной теории перевода арабского языка при рассмотрении переводоведческой проблематики основывается на применении системного подхода.

При системном подходе перевод рассматривается через призму основных системологических принципов и категорий. Основными *принципами* являются представления о целостности объектов мира, о соотношении целого и его частей, о взаимодействии объекта со средой, об общих закономерностях функционирования и развития систем. Основными *категориями* являются понятия — система и надсистема, материальные и идеальные системы, элемент системы, отношение, функция, структура и т. д.

Системная концепция перевода есть результат интеграции накопленного знания и коррекции многих прежних положений теории перевода в свете новых научных данных. В рамках этой концепции перевод выделяется в качестве целостного объекта на фоне иных объектов действительности, с которыми перевод связывают определенные внешние системные характеристики — совместная деятельность людей, знаковое (языковое и неязыковое) взаимодействие, одноязычная и двуязычная коммуникация.

Системный подход предусматривает возможность множественности описания объекта при допустимости различных его членений, однако исходным пунктом изучения объекта должна стать его цело-частная характеристика в системе целого, установление его *внешних* связей с системами, для которых его система является подсистемой. В рамках этого требования перевод может быть квалифицирован как «вид двуязычной коммуникации, которая, в свою очередь, является *родом* языковой коммуникации, входящей в ранге *подкласса* в коммуникацию вообще как

класс объектов»¹. Качественная специфическая определенность перевода состоит в том, что перевод есть **«знаковое, языковое, двуязычное, опосредованное взаимодействие социальных субъектов»**².

На основе системного подхода определяются и *внутренние характеристики* перевода. К ним относятся *состав элементов, их свойства и связи*.

Согласно системологическим постулатам, внутренние системные характеристики объекта взаимообусловлены его внешними характеристиками: «с одной стороны, функция и свойства объекта, будучи заданными надсистемой, в свою очередь сами задают состав элементов объекта, которые должны обладать определенными свойствами, характеризующими их предрасположенность к вступлению в определенные связи, т. е. к выполнению определенных функций; с другой стороны, то или иное изменение состава элементов объекта или его свойств, ведущее к тому или иному изменению связей между ними, влияет на изменение функции и свойств объекта как целого»³. Так, если при двустороннем переводе требуется жесткое ограничение времени звучания текста перевода, переводчик будет использовать прием речевой компрессии. Но если вместо компрессии переводчик ограничится кратким изложением целей адресанта, т. е. кардинально изменит функции и свойства объекта, то перевод как объект перестанет существовать, а его место займет иной вид двуязычной коммуникации — пересказ или реферат. При зрительно-письменном переводе, т. е. в условиях отсутствия требования надсистемы ограничить объем переводного текста, тот же исходный текст будет переведен с большей степенью эквивалентности.

Выход в системную парадигму переводоведения был продиктован всей логикой развития теории перевода и органической связью, которая существует между различными науками в ходе поступательного развития научной мысли, сколь бы ни были

¹ Пыриков Е. Г. Коммуникативные аспекты перевода и терминология: методическое пособие. М., 1992. С. 42.

² Там же.

³ Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. С. 368.

велики эти различия. Как известно, системный подход оказался особенно результативным в науках, для которых характерен объект исследования, не данный в прямом наблюдении, с неясными субстанциональными, структурными и функциональными характеристиками. Переводоведение принадлежит именно к таким наукам, поэтому последовательная разработка теоретических проблем перевода в рамках системной парадигмы, которая вобрала все достигнутое в рамках лингвистической, психолингвистической и деятельностно-коммуникативной концепций, имеет большое будущее.

Системный подход обеспечивает не только высокий объясняющий потенциал теории, но и дальнейшее развитие самой теории. По мере выделения элементов системы перевода произошло объективное расширение области исследования объекта теории. Перевод перестал мыслиться как переход от знаков одного языка к знакам на другом языке, а стал пониматься как способ решения *неречевой* задачи в условиях межкультурной коммуникации с участием переводчика. В объекте теории перевода кроме *лингвистического* аспекта стали выделяться *психолингвистический* аспект, *социокультурный* аспект и, наконец, *деятельностный* аспект. Усилиями многих ученых удалось определить иерархические отношения между этими аспектами в системе двуязычной коммуникации и сформировать более адекватное представление об объекте молодой науки.

В последнее десятилетие определилось повышенное внимание к системным качествам переводчика и разноязычных (разнокультурных) коммуникантов, что привело к тому, что появились новые направления в изучении элементов их сознания.

Одним из этих направлений в развитии теории перевода является исследование *концептуальных различий* в сознании разнокультурных коммуникантов, участвующих в переводческом процессе. Поскольку интерес к концепту в последнее время проявляют ученые самых разнообразных гуманитарных наук, появляется возможность использовать определенные результаты, полученные ими, и в теории перевода. Так, проводятся сопоставительные исследования интернациональных концептов, таких как *человек*, *семья* и т. п.; ведутся активные поиски методик обнаружения

национальных концептов; выявляются формы экспликации концептов, характерные для одной из контактирующих культур, но отсутствующие в другой.

Что касается частных лингвистических теорий перевода, то разработка этих теорий идет параллельно и во взаимодействии с развитием общей теории перевода, взаимно обогащая друг друга. Объекты обоих видов теорий относятся к сверхсложным открытым системам, которые в системологии называются синэргетическими.

В частной теории перевода арабского языка с 70-х годов прошлого века велось изучение *связи между особенностями мышления и особенностями языковой системы и дискурса*. Так, проведенное автором диссертационное исследование обнаружило, что в системе арабского литературного языка, арабского дискурса и оценочной деятельности сознания арабофонов присутствуют общие черты, квалифицированные как *психосемантические установки*, которые являются элементами системы таких установок. Система психосемантических установок (далее — СПСУ) есть глубоко имплицитированная система, связанная одновременно с психикой языкового субъекта и с семантикой языковых и речевых форм, которая существенно детерминирует отражательную деятельность сознания, с одной стороны, и операции по материализации результатов отражательной и когнитивной деятельности в языковых и речевых формах, с другой стороны. Действие этой системы обнаруживается в системе языка и на всех этапах речемыслительной деятельности (фазы ориентирования, планирования, исполнения и контроля). Именно эта система обеспечивает механизм соединения внеязыковой (мыслительной) и языковой (лингвистической) разновидностей сознания человека, обнаруживая для исследователя принципиальную связь между ними. Система психосемантических установок определяет реакции сознания человека в общении с внешним миром и является фактором, детерминирующим его поступки, в том числе и речевые поступки.

Глубокая импликация СПСУ объективно ведет к тому, что этим универсальным механизмом люди пользуются интуитивно. Приблизиться к его рациональному осознанию удалось лишь

тогда, когда в системе перевода стало ощущаться присутствие элемента, от которого зависела «чужеродность» смыслообразования, не получающая объяснения в известных научных терминах. В. Н. Комиссаров в своей теории уровней эквивалентности отнес этот элемент к *уровню описания ситуации*. Особенный интерес к этому элементу стали проявлять исследователи частных теорий перевода восточных языков, так как именно при переводческих контактах с представителями Востока русские переводчики часто сталкивались с подобной «чужеродностью».

Многолетняя аналитическая работа позволила автору выделить в сознании представителей арабоязычного сообщества некоторые *контрастные* психосемантические установки по сравнению с психосемантическими установками в сознании представителей русскоязычного сообщества. Такими установками являются установка на большую интеграцию семантических представлений, установка на приоритет чувственного сознания над сознанием рациональным и установка на устойчивость.

Знание контрастных психосемантических установок в сознании представителей контактирующих лингвосоциокультур позволяет осуществлять сопоставительный анализ их ментальных компетенций, а следовательно, помогает заложить основу для правильной организации переводческого межкультурного общения.

ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРЫ

В основу структуры книги положено стремление выдерживать следующие *научные принципы*: научная обоснованность, логичность доказательств, четкость формулировок, необходимая и достаточная иллюстративная база, соединение доказанных в науке данных с постановкой проблемных задач и выявление перспективных направлений дальнейшего исследования, упоминание ученых, чьи труды внесли вклад в разработку исследуемых проблем.

Также в основу структуры книги положены следующие *содержательные принципы*.

Книга состоит из нескольких разделов, достаточно автономных, но взаимосвязанных: общие положения (глава 1), частная теория арабского перевода (главы 2–5) и технология перевода (глава 6), контрольные вопросы, краткий словарь переводческих терминов и список литературы. Каждый из разделов имеет собственные задачи, объединенные общей целевой установкой — дать целостное представление о переводе в условиях, когда перевод осуществляется в рамках встречи двух конкретных лингвосоциокультур.

Основная стратегическая задача первой главы — познакомить читателя с основными понятиями общей теории перевода, которые утвердились в современном научном обиходе. Если читатель знаком с этими понятиями, данный раздел будет ему полезен, чтобы уточнить, в каком значении в последующих главах автор употребляет некоторые термины, которые в научной литературе имеют разночтения.

Основная стратегическая задача частной теории арабского перевода (главы 2–5) — обеспечить (насколько это позволяет нынешний уровень научного знания предмета) понимание будущими

переводчиками особенностей смыслообразования и смысловыражения в арабском тексте.

Автор исходит из понимания того, что перевод — это встреча двух межкультурных сознаний, выраженных в языковой материи. Поэтому первоочередная задача частной теории перевода виделась в том, чтобы выявить чужеродные элементы сознания арабоязычного участника переводческого процесса. Под этим углом зрения рассматриваются все лингвистические, лингвосоциокультурные и психолингвистические проблемы арабско-русского перевода.

Каналами экспликации работы сознания являются язык, речь, текст, поведение и поступки человека. Признание за лингвистическими каналами приоритетной роли для проникновения в чужеродный «язык мозга» определило последовательность глав: проблематика частной теории перевода арабского языка (глава 2); особенности системы арабского языка и перевод (глава 3); особенности арабской речи и перевод (глава 4); социокультурная проблематика частной теории арабского перевода (глава 5).

В третьей главе рассматриваются те системные особенности арабского языка, которые закладывали основу арабской языковой картины мира и без знания которых нельзя понять многие особенности вербальных и невербальных поступков современных арабоязычных коммуникантов, поскольку языковая система опосредованно влияет на ментальность арабского этноса. В отдельных рубриках первой части главы рассматриваются особенности арабской номинативной подсистемы, включая корнеобразование, словообразование, значимые для перевода разделы арабского вокабуляра, арабскую лексикографию. Во второй части главы рассмотрены пять арабских грамматических категорий, которые отличаются от русской грамматики и значимы для понимания особенностей работы сознания арабофонов. В число данных категорий попали: категория частей речи, категория неодушевленности, категория числа, категория вида и категория времени.

В четвертой главе под переводоведческим углом зрения рассмотрены три проблемы арабской речи: референция отдельного объекта, референция отдельной ситуации и текстологический аспект референции. В последнем разделе выделены в отдельные

рубрики: текст как система и функциональные качества (категории) арабского текста (связность и цельность, темпоральное качество, эмоционально-оценочное качество и стилистическое качество). В главе подчеркивается сходство особенностей работы сознания арабофонов, которые были отмечены для системы языка, с особенностями работы сознания, проявляющимися в речи арабских адресантов, в дискурсе.

В пятой главе социокультурная проблематика частной теории перевода представлена тремя подразделами: экстралингвистические особенности явления «чужеродности» в межкультурном общении, экстралингвистические особенности явления «чужеродности» в устном межкультурном общении, языковая ситуация. В частной теории арабского перевода эта проблематика только начинает разрабатываться. Однако нельзя не заметить, что и в этом «нелингвистическом» аспекте теории мы сталкиваемся с теми же особенностями арабского языка мозга, которые были выявлены в лингвистических аспектах теории. Все это вместе взятое подтверждает объективное присутствие в сознании человека системы психосемантических установок, детерминирующих его реакции и взаимодействие с материальными объектами. В переводе этими объектами являются внешние факторы окружающего мира, с одной стороны, и материя языка, с другой стороны.

Известно изречение о том, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Однако в книге, кроме основной стратегической задачи частной теории арабского перевода, была поставлена задача увязать теорию перевода с умением вырабатывать стратегию и тактику практических действий. Эта задача решалась несколькими путями. Во-первых, иллюстративный материал в главах 1–5 снабжен переводами, что позволяет не только конкретизировать понимание теории, но и давать представление о базовых умениях практического характера, показывая, каким должен быть результат перевода. Во-вторых, глава 6 целиком посвящена вопросам, которые имеют особую значимость для технологии арабско-русского перевода. В нее включены два раздела об отдельных приемах перевода (выбор слова при переводе, введение дополнительной информации, опущение избыточной информации и прием компенсации потерь при переводе) и раздел об алгоритме пере-

вода нарративных и аффективных текстов. В-третьих, определенную роль может играть материал, включенный в контрольные вопросы по разделам книги, а именно в те вопросы, которые имеют значок (+ +). Чтобы ответить на эти вопросы, читатель должен самостоятельно поработать со словарями, текстами и дополнительной литературой по переводу, после чего может представить собственные переводческие решения.

Для того чтобы материал книги мог использоваться как учебник по теории перевода, в основу структуры и содержания книги заложены следующие *дидактические принципы*: логическая последовательность изложения проблем, их научная обоснованность, четкость терминологии, рубрикации и формулировок, необходимая и достаточная иллюстративная база.

Особая роль отводится развитию умений работать с научной литературой, развитию научной рефлексии и эвристических способностей, что достигается, в частности, постановкой проблемных задач. В этом отношении следует обратить внимание на раздел контрольных вопросов, которые могут быть использованы как для самоконтроля, так и для организации семинарских занятий при аудиторной работе. По степени сложности когнитивных усилий, требующихся для ответов, эти вопросы подразделяются на четыре типа. Вопросы, ответы на которые находятся в соответствующей главе в виде точных формулировок, не имеют различительных значков. Это самые простые вопросы с точки зрения поиска ответа на них. Вопросы, ответы на которые не находятся в соответствующей главе в виде точных формулировок, обозначены символом (+). Естественно, что для ответа на такие вопросы потребуется не только память, но и определенная аналитическая работа над изложенным материалом. Вопросы, для ответов на которые предусматривается работа над дополнительными источниками, снабжены символом (+ +). Наибольший эвристический труд потребуется при ответах на проблемные вопросы, имеющие значок (!). К ним относятся проблемы, не получившие еще однозначного ответа в научной литературе.

Дидактическую направленность имеют также краткий словарь переводческих терминов и список литературы.

Глава 1

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Краткие сведения об этапах формирования объекта теории перевода. Современная парадигма переводоведения. Общая теория перевода. Частные теории перевода. Методы исследования в переводоведении. Теория перевода — конструктивная наука.

1. Краткие сведения об этапах формирования объекта теории перевода

Известный русский историк Василий Осипович Ключевский писал: «Успехи человеческого общежития, приобретения культуры и цивилизации, которыми пользуются в большей или меньшей степени отдельные народы, не суть плоды только их деятельности, а созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов»¹. Перевод как вид человеческой деятельности возник на заре цивилизации и, обеспечивая посредничество между разноязычными коллективами в торговле, в создании многонациональных государств, в распространении идей, тем самым выступил как объективный ускоритель исторического процесса. Недаром Александр Сергеевич Пушкин назвал переводчиков «почтовыми лошадьми просвещения», сравнив их с самым быстрым в его время средством передвижения.

Однако, несмотря на многотысячелетнюю практику перевода, теория перевода как учение, как система научных принципов и идей, обобщающих практический опыт, а также как совокуп-

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. М., 1956. С. 16.

ность определенных положений и правил возникла лишь в середине XX столетия. Такой значительный разрыв объясняется рядом причин.

Во-первых, хотя любая теория начинается с практики и проверяется практикой, степень адекватности ее идей объекту исследования зависит от уровня научного представления об объекте. Поскольку основная часть деятельности переводчика происходит в формах, недоступных прямому наблюдению, осознание перевода как объекта изучения особой наукой требовало определенных качественных изменений научной мысли. Такие изменения произошли только в XX веке, когда научно-техническая революция и **осознанный системно-структурный подход к явлениям внешнего мира** сделал возможным обнаружение общего подобия в строении вселенной, единых принципов ее устройства, выявление скрытых свойств и качеств различных объектов. В 50-х годах этого столетия практически во всех областях науки открывается новый этап развития: в физике начинается изучение структуры элементарных частиц, в биологии — структуры генетического кода, в социологии — структуры общества, в психологии — структуры психологической деятельности человека. Появляются новые науки — семиотика (наука о знаковых системах), кибернетика (наука о системах управления), а также возникают многие смежные науки — биохимия, биофизика, психолингвистика, социолингвистика, морфология и т. д.

Особую роль в появлении науки о переводе сыграли **успехи, достигнутые в фундаментальных по отношению к переводу науках**: лингвистике, где был накоплен ценный опыт сравнительно-сопоставительного анализа различных пар языков, теории текста, теории речевой деятельности. Все это позволило нарождающейся новой науке обрести необходимую научную базу для дальнейшего утверждения и развития.

Во-вторых, до XX века **межнациональные контакты и сопровождающее их вовлечение в практику перевода комбинирующихся пар языков** никогда не знали подобного размаха. Процесс консолидации разноязычных человеческих коллективов и их взаимодействие на различных уровнях приобрели динамичный характер. Возникают новые многонациональные государства, соз-

даются многочисленные международные организации, региональные союзы государств, неуклонно растет объем международной торговли, развиваются международные дипломатические отношения, расширяются культурные связи, проводятся различные международные кампании. XX век стали называть «веком конференций», число которых неуклонно росло. Если в 1920–1930-х годах число конференций приближалось к 3000, в следующем десятилетии — к 4000, то уже к 1950 г. их насчитывалось 10 000, к 1960 г. — 14 000, а в 1983 г. зафиксирована цифра 4000 конференций *ежедневно*.

В-третьих, до XX века практика перевода не была столь разнообразна по видам переводческой деятельности. Новый период характеризовался качественными изменениями, связанными с **появлением новых видов перевода**. В 1928 г. в СССР на заседании 4-го конгресса Коминтерна впервые был применен синхронный перевод, утвердивший себя впоследствии во время Нюрнбергского процесса. В 50-е годы появляются первые опыты машинного перевода. Привычными видами перевода стали последовательный перевод с записями, перевод текста, записанного на магнитную пленку, радиоперехват и т. д.

Таким образом, к середине XX века на фоне значительных качественных изменений, произошедших в развитии научной мысли, четко обозначился запрос практики перевода, для которой **требовались квалифицированные переводчики для различных видов переводческой деятельности и для работы с различными парами контактирующих языков**, особенно переводчики по редким и экзотическим языкам. Этот запрос мог быть удовлетворен только в том случае, если бы удалось наладить квалифицированное обучение массовых отрядов переводчиков, что требовало разработки методики преподавания на основе выявленных закономерностей в столь сложном процессе перевода, который на первый взгляд не поддавался никаким обобщениям.

Итак, позднее появление науки о переводе объясняется тем, что только в XX веке сложились необходимые предпосылки научного и практического характера, которые позволили сформировать адекватное научное представление об объекте переводоведения.

Определение любой науки начинается с определения объекта исследования данной науки. Объект есть явление внешнего мира, на которое направлена научная деятельность ученых, занимающихся в данной области научного познания. Чем сложнее явление, тем труднее определяется оно как объект научного изучения. Именно так происходило с объектом теории перевода. Даже будучи декларирована как самостоятельная наука, теория перевода определенное время довольствовалась тем, что ее рассматривали главным образом как часть прикладного языкознания, обслуживающую нужды переводческой практики. Объект теории перевода мыслился как «семантически тождественные разноязычные тексты»¹, как «речевое произведение в его соотношении с оригиналом и в связи с особенностями двух языков и с принадлежностью материала к тем или другим жанровым категориям»². После того как произошло объективное расширение области исследования перевода и он перестал мыслиться как переход от знаков одного языка к знакам на другом языке, а стал пониматься как способ решения *неречевой* задачи, в объекте теории перевода кроме *лингвистического* аспекта стали выделяться *психолингвистический* аспект, *социокультурный* аспект и, наконец, *деятельностный* аспект. Усилиями многих ученых удалось определить иерархические отношения между этими аспектами в системе двуязычной коммуникации и сформировать более адекватное представление об объекте молодой науки.

2. Современная парадигма переводоведения

Таким образом, в 90-х годах XX столетия оформилась современная парадигма переводоведения. **Объект теории перевода** —

¹ Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975. С. 28. («Переводом называется процесс преобразования речевого произведение на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения». С. 11).

² Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 10.

процесс перевода как система опосредованной двуязычной коммуникации, которая формируется и функционирует в надсистеме совместной деятельности разноязычных монолингвов. В основной своей части перевод является *психологическим*, или *психосемантическим*, процессом, поскольку три его стадии имеют психологическую, скрытую от наблюдения природу: понимание текста, «отмысливание» его от форм исходного языка и выбор формы языка перевода. В этой формулировке значимы и расширительны значения всех выделенных курсивом лексем, о чем речь пойдет в следующих параграфах.

Исследование объекта дает возможность получить определенные сведения об объекте, которые составляют предмет науки.

Предмет теории перевода составляют прежде всего *базовые понятия*, получившие обоснование в ряде монографий и статей по переводу. К этим понятиям относятся: *адекватный перевод, инвариант в переводе, единица переводческого ориентирования, виды перевода, переводческие трансформации* и др. Большинство понятий получили четкие дефиниции и включены в краткие словари переводческих терминов в монографиях А. Д. Швейцера и Р. К. Миньяра-Белоручева. Кроме того, в предмет теории перевода включаются *модели, объясняющие процесс перевода* и появившиеся на различных этапах развития представления об объекте науки и переводе. Эти модели входят в научный обиход под названием «теория...». Например: теория закономерных соответствий, наиболее полно разработанная в трудах Я. И. Рецкера; ситуативная теория, приверженцем которой является такой крупный лингвист, как В. Г. Гак; трансформационная теория перевода, которую в нашей стране разработали И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, а за рубежом — Ю. Найда; теория уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова; информационная теория Р. К. Миньяра-Белоручева и др. В предмет теории перевода включаются и *знания о наиболее эффективных путях подготовки переводчика*, которые воплотились в отдельных статьях и легли в основу многих учебников по переводу для конкретных пар языков.

3. Общая теория перевода

Процесс перевода отличается большим разнообразием. Он может отличаться по тому, кто выступает в роли переводчика — человек или машина; по условиям работы переводчика-человека; по жанровым характеристикам текстов, которые приходится переводить переводчику; наконец, по тому, с какими конкретными языками имеет дело переводчик. Тем не менее во всех вариантах перевода сохраняются признаки, отличающие двуязычную коммуникацию от одноязычной. В связи с этой особенностью переводческой деятельности принято различать *общую* теорию перевода и *частные* теории перевода.

Общая теория перевода раскрывает сущность переводческой деятельности и процесса порождения текста перевода, моделируя процесс перевода в его типических и повторяющихся проявлениях. Общая теория перевода создает понятийный аппарат для описания перевода и тем самым формирует концептуальную базу для построения частных теорий перевода.

4. Частные теории перевода

Частные теории перевода учитывают наиболее существенные различия, которые возникают в переводческой деятельности в зависимости от ее функционально-коммуникативной направленности. Частные теории перевода различаются по следующим основаниям:

- тип посредника в двуязычной коммуникации (человек или машина);
- виды перевода (художественный или специальный);
- формы перевода (устный перевод или письменный перевод и их разновидности);
- конкретная пара языков (русский — английский, арабский — русский и пр.).

По конкретному основанию разрабатываются относительно самостоятельные теории: теория машинного перевода; теория художественного перевода, теория военного перевода; теория устного перевода, теория последовательного перевода с записями; перевод с русского языка на английский, перевод с арабского языка на русский и пр. Также разрабатываются и частные теории перевода по смешанным основаниям. Например, теория военного перевода для арабско-русской комбинации языков.

Объект частных теорий перевода по сравнению с объектом общей теории перевода усложняется, так как в каждой конкретной частной теории появляется дополнительный объект исследования. Так, в лингвистической частной теории перевода объектом является не только процесс переводческой деятельности (ее лингвистические, психолингвистические и социокультурные детерминанты), но и *текст* как промежуточный результат этой деятельности (различия исходного и переводного текстов с точки зрения понимания смысла и возможного достижения тождественных реакций у разноязычных получателей текста оригинала и текста перевода).

Постоянная взаимосвязь общей и частных теорий перевода ведет к взаимному обогащению разделов науки о переводе.

5. Методы исследования в переводоведении

Теория перевода, как всякая наука, располагает своими методами исследования. К методам исследования в общей и частных теориях перевода относятся:

- метод дедуктивных творческих построений, в частности при создании моделей переводческой деятельности¹;
- метод переводческого эксперимента²;
- сопоставительный анализ переводов;

¹ Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 6–16.

² Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика (лингвистический очерк). М., 1974. С. 3–6.

- опрос информантов-переводчиков и самонаблюдение за собственной переводческой деятельностью;
- литературоведческий анализ на сопоставлении художественно-эстетического воздействия текстов оригинала и перевода;
- точные методы (например, при исследовании особенностей синхронного перевода);
- привлечение данных истории и этнографии;
- метод сопоставительного изучения общих содержательных категорий типа «движение», «нахождение в пространстве», «обладание» и пр.;
- сопоставительное изучение темпоральных, оценочных и др. качеств текста и т. п.

6. Теория перевода — конструктивная наука

В заключение целесообразно сказать несколько слов о специфике теории перевода, отличающей ее от других наук.

Известно, что в точных науках под теорией понимается некоторое множество формул и правил вывода из них. Все рассуждения в рамках этих теорий доказательны, а их результаты неоспоримы и окончательны. Всякое утверждение оценивается как истинное или ложное.

В теории перевода рассуждения носят не доказательный, а правдоподобный характер. Всякое утверждение расценивается как более правдоподобная или менее правдоподобная догадка¹. Поэтому теория перевода может быть отнесена к тем объяснительным теориям современной науки, которые называются *конструктивными*, их задачей является «построение картины сложных явлений на основе некоторых относительно простых предположений»². В основе разработки таких теорий лежит принцип двухступенчатости, т. е. принцип сочетания наблюдения с постулирова-

¹ См.: Фрумкина Р. М. Роль статистических методов в современных лингвистических исследованиях // Математическая лингвистика: Сб. М., 1973.

² Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. I. М., 1965. С. 677.

нием абстрактных научных понятий, появление которых в значительной степени связано с творческой фантазией, творческой интуицией ученого. В этом смысле объект конструктивных наук есть явление исторического характера и ему свойственна изменчивость, а предмет конструктивной науки лишен нормативности.

«В нашем стремлении понять реальность, — писал Эйнштейн, — мы отчасти подобны человеку, который хочет понять механизм закрытых часов. Он видит циферблат и движущиеся стрелки, далее слышит тиканье, но он не имеет средств открыть их корпус. Если он остроумен, он может нарисовать себе некую картину механизма, которая отвечала бы всему, что он наблюдает, но он никогда не может быть вполне уверен в том, что его картина единственная, которая могла бы объяснить его наблюдения. Но он, конечно, уверен в том, что по мере того, как возрастает его знание, его картина реальности становится все проще и проще и будет объяснять все более широкий ряд его чувственных восприятий»¹.

Дополнительная литература

1. *А. Д. Швейцер*. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
2. *Е. Г. Пыриков*. Коммуникативные аспекты перевода и терминология. М., 1992. С. 4–15.
3. *Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни*. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М., 2006.
4. *В. Н. Комиссаров*. Современное переводоведение. Курс лекций. М., 1999.
5. *Л. Л. Нелюбин*. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.
6. *З. Д. Львовская*. Современные проблемы перевода. М., 2008.

¹ Там же. Т. IV. С. 379.

2. ПЕРЕВОД КАК ПРОФЕССИЯ

*Сфера использования переводческой деятельности.
Виды переводческой деятельности. Формы перевода.
Состав деятельности переводчика: собственно перевод, гетеровалентное языковое посредничество; реферирование.*

1. Сфера переводческой деятельности

Перевод охватывает все области вербального общения людей. Переводчики нужны:

- в науке (устный перевод на международных конференциях и симпозиумах, письменный перевод научной литературы);
- на производстве (устный перевод на строящихся и работающих объектах; письменный перевод документации);
- в сфере образования (устный перевод в учебном процессе; письменный перевод учебной литературы);
- в средствах массовой информации (устный и письменный перевод материалов иностранной печати, радио и телевидения);
- для нужд делового и бытового общения разноязычных коммуникантов;
- в области установления культурных контактов (письменный перевод произведений художественной литературы) и т. д.

2. Виды переводческой деятельности

Профессиональная деятельность переводчика делится по видам на *художественный перевод* и *специальный перевод*.

Художественный перевод — это особый вид межкультурной коммуникации, где фокусируются все национальные особенности контактирующих лингвосоциокультур. Теоретической базой исследования *художественного перевода* является литературоведческий подход к тексту оригинала и тексту перевода. Перевод художественного текста ориентирован на проникновение в идейный замысел автора, на оценку использованных автором изобразительных средств и раскрытие национально маркированных коннотаций (аллюзий, ассоциаций).

Специальный перевод — это перевод материалов, относящихся к какой-либо отрасли знаний со своей терминологической номенклатурой. Теоретической базой специального перевода является лингвистический подход. Этот вид перевода функционирует в сферах общения на общественно-политические, научные, технические, административно-хозяйственные, юридические, дипломатические и другие специальные темы и предметные отрасли.

Несколько особняком стоят темы публицистических статей, ораторских выступлений, а также темы повседневного речевого общения. Для этих материалов показательно смещение черт художественного и специального видов перевода.

3. Формы перевода

Формы перевода делятся на устный перевод, письменный перевод и их разновидности.

При *устном* общении разноязычных коммуникантов перевод может быть двусторонним (перевод беседы, перевод допроса военнопленного), односторонним (перевод радио- или телевизионных сообщений, перевод кинофильмов, перевод ораторских выступлений), а также смешанным (перевод во время экскурсий, во время сопровождения иностранца по стране).

При *письменном* общении перевод по преимуществу носит односторонний характер — перевод исходного письменного текста для определенного или предполагаемого адресата. Исключение составляет перевод текстов официальной, деловой и частной переписки.

Перевод при устном общении и письменном общении имеет и другие существенные отличия.

Во-первых, от переводчика требуется высокая языковая компетенция в области знаний *различий между письменной и устной формами речи в обеих языковых системах*. Например, если устная и письменная речь образованного русского человека имеет лишь небольшие отличия, преимущественно синтаксического характера, то арабский коммуникант, даже образованный, в устном общении использует не литературный арабский язык, а обиходно-разговорный идиом или диалектную форму, имеющую системные отличия от литературного языка.

Во-вторых, присутствие в устном двуязычном акте коммуникации одновременно всех трех субъектов — адресанта, переводчика и адресата — резко *повышает роль в общении экстралингвистических факторов*, таких как обстановка общения, межличностные отношения адресанта и адресата, а также коммуникантов и переводчика, мимика, жесты и т. п. По мнению профессора Р. Бердвистелла из университета в Кентукки, в беседе словесное общение занимает менее 35 % в объеме передаваемой информации, а 65 % информации передается с помощью невербальных средств общения. С одной стороны, это облегчает работу переводчика, так как при устном общении переводчик имеет возможность корректировать свою деятельность непосредственно по реакциям коммуникантов, а иногда и запрашивать у них недостающую для перевода информацию. Но, с другой стороны, устный перевод требует от переводчика умения оценить значение экстралингвистических фактов, быть готовым к спонтанному изменению хода мысли коммуникантов, в ряде случаев изменять свою роль переводчика на роль посредника или референта, о чем речь пойдет ниже.

При письменном общении участники акта двуязычной коммуникации разделены временем и пространством. Переводчик вынужден конструировать в своем сознании качества отсутствующих разноязычных адресанта (автора текста оригинала) и гипотетического адресата (получателя текста перевода) для того, чтобы обеспечить сопряжение их вневербальной мозговой деятельности,

обеспечить решение неречевой задачи с помощью текста перевода. Задача усложняется, если переводчик должен перевести текст художественной литературы, особенно если речь идет о текстах художественной классической литературы. Известный отечественный переводчик Лев Гинзбург в романе-эссе «Разбилось лишь сердце мое» писал об огромной ответственности переводчика перед умершим автором оригинала, говоря: «он доверился тебе, он вынужден гласить твоими устами, ты единственный в эту минуту, кто знает правду — что он хотел сказать. Смеешь ли ты не сделать все, что возможно, чтобы выполнить свой долг перед ним?»

В-третьих, устная и письменная формы общения предъявляют различные требования к *скорости принятия переводческих решений*. При устном общении переводчик работает «в прямом эфире», и поэтому он должен обладать высоким автоматизмом владения технологией перевода и оперативной гибкостью, полагаясь лишь на собственные знания, навыки и умения. При письменной форме общения переводчик работает в достаточно свободном временном режиме, что позволяет ему использовать справочную литературу и неоднократно возвращаться к тексту оригинала.

Различия в деятельности переводчика при устном и письменном общении столь велики, что на практике происходит разделение переводчиков по специализации устного или письменного перевода. В этой связи следует упомянуть программу подготовки переводчиков в Женевской школе перевода, которая готовит кадры для работы в ООН. В школу принимаются билингвы, которым через 2 года их обучения по специальной программе присваивается диплом письменного переводчика. Этот диплом дает переводчику право осуществлять перевод повседневной корреспонденции, бюрократических бумаг, статей, брошюр и книг по специальности. Дополнительный год обучения позволяет получить диплом письменного и устного переводчика, после чего он уже может сопровождать соотечественников за рубежом, а иностранцев по своей стране. Еще один дополнительный год обучения в школе позволяет получить звание переводчика международных конференций, что «не ограничивает права его держателя и пред-

полагает владение тайнами как синхронного, так и последовательного перевода с записями»¹.

По условиям поступления текста оригинала (графический или звуковой ввод) и по условиям выхода текста перевода (графический или звуковой выход) выделяются следующие разновидности форм перевода.

1. **Зрительно-письменный перевод.** При этом виде перевода оба текста — оригинала и перевода — имеют письменную форму. Этот вид классического перевода до сих пор считается самым распространенным.

2. **Зрительно-устный перевод.** При зрительно-устном переводе текст оригинала имеет письменную форму, а текст перевода — устную. Он представлен двумя разновидностями в зависимости от скорости совершения перевода: *перевод с листа* (перевод осуществляется без предварительной подготовки) и *зрительно-устный перевод с подготовкой* (переводу предшествует знакомство со всем текстом или он осуществляется по абзацам с предварительным ознакомлением со всем абзацем).

3. **Письменный перевод на слух.** При этом виде перевода текст оригинала имеет устную форму, а текст перевода — письменную. Из-за разности скоростей звукового ввода информации и графического ее выхода такой вид перевода встречается редко и имеет специальный характер. Примером может служить перевод текста с печатанием на пишущей машинке или учебный перевод — диктовка. Как в том, так и в другом случае текст оригинала произносится в замедленном темпе.

4. **Устный перевод на слух,** при котором оба текста — оригинала и перевода — имеют устную форму. Этот распространенный вид перевода имеет ряд разновидностей.

Устный перевод на слух может осуществляться после того, как закончилось звучание текста оригинала. В этом случае различаются:

- *абзацно-фразовый перевод*, который означает перевод по группам предложений, реже по отдельным предложениям;

¹ Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М., 1994. С. 22.

- *последовательный перевод с записями*, когда перевод делается с использованием записей, осуществляемых по определенной системе во время звучания оригинала;
- *двусторонний перевод*, во время которого переводчик попеременно переводит то с одного, то с другого языка, обслуживая беседу разноязычных адресанта и адресата;
- *синхронный перевод*, при котором текст перевода звучит одновременно со звучанием текста оригинала, при этом на отдельных участках перевод либо отстает от речи на исходном языке с минимальным разрывом во времени (несколько слов), либо забегает вперед. Синхронный перевод прочно вошел в практику международных форумов, где переводчики, находясь в специально оборудованных кабинках, принимают речь выступающего через наушники и параллельно произносят текст перевода в микрофон.

4. Состав профессиональной деятельности переводчика

Профессиональная деятельность переводчика включает: собственно перевод, гетеровалентное языковое посредничество; реферирование.

Собственно перевод — основная часть профессии переводчика. Под словом перевод понимается:

- 1) опосредованный знаковый речевой двуязычный акт коммуникации с участием посредника — переводчика;
- 2) текст на одном языке (ЯП), коммуникативно равноценный тексту на другом языке (ИЯ).

Гетеровалентное языковое посредничество — это переложение содержания исходного текста в определенных ситуациях общения. Чаще всего к такому посредничеству переводчик прибегает в том случае, когда его знания менталитета иноязычного коммуниканта, а также социокультурных норм общения в стране намного превосходят знания этих экстралингвистических факторов у получателя текста перевода. В этом случае он начинает сам

вести диалог ради того, чтобы быстрее и качественнее выполнить неречевую задачу, которую хотел бы решить его подопечный, но не может в силу недостаточной компетенции. Например, снимая в Каире квартиру для русского специалиста, переводчик вступает в торг с хозяином квартиры и спрашивает его о кондиционере, об условиях платы за телефон и о других мелочах, которые могут быть неизвестны русскому специалисту и из-за незнания которых условия найма квартиры могут для него оказаться менее выгодными.

Референтская деятельность включает выполнение переводчиком специальных заказов по подготовке всевозможных обзоров печатных материалов, справок по определенным темам, касающимся событий, происходящих в стране изучаемого языка, отчетов о проведенных переговорах и т. д.

Выполнение посреднических и референтских функций, помимо переводческого знания двух языков, требует большой общей эрудиции, аналитических качеств, гибкости в выборе правильной тактики поведения, общей высокой культуры.

Завершая рассмотрение темы о профессиональной деятельности переводчика, необходимо еще раз подчеркнуть, что этот труднейший вид деятельности предъявляет к исполнителю достаточно жесткие требования когнитивного, психологического, физического и поведенческого характера. Так, помимо переводческой компетенции, переводчик должен обладать хорошим объемом оперативной и долговременной памяти, хорошим вниманием, быстрой реакцией; у него должен быть хороший слух, четкая артикуляция, физическая выносливость; в его характере обязательны такие черты, как коммуникабельность, собранность, дисциплинированность, смелость в принятии решений, находчивость, чувство товарищества.

Дополнительная литература

1. *Р. К. Миньяр-Белоручев. Учебное пособие по теории перевода.* М., 1976. С. 14–19.

2. *В. А. Иовенко.* О концепции переводчика в переводоведении // Сб. статей. № 29–30. М., 1993. С. 66–72.
3. *А. Чужакин, П. Палажченко.* Мир перевода — 2000. М., 2000. С. 3–115.
4. *Ю. С. Зеленов.* Переводческое действие: компоненты сознания и переводческие навыки // Сб. статей. № 29–30. М., 1993. С. 44–51.
5. *И. Левин.* Записки военного переводчика. М., 1996.
6. *Г. Мирам.* Профессия: переводчик. Киев, 1999.

3. ПЕРЕВОД КАК ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Модель одноязычной коммуникации: деятельность адресанта и деятельность адресата; компетенции общающихся субъектов, необходимые для успеха акта речевой коммуникации. Вербальная коммуникативная деятельность одноязычных адресанта и адресата: докоммуникативный образ ситуации, коммуникативный образ ситуации, текст. Особенности вербальной коммуникативной деятельности переводчика в акте двуязычного общения: профессиональные компетенции переводчика; фазы деятельности, сопряжение интенционального и реципиентного смыслов, степень свободы при выборе языковых изобразительных средств.

1. Теория деятельности и речевая коммуникация

Любая деятельность включает в себя: 1) *мотив* — то, ради чего человек стремится к определенной цели; 2) *цель* — субъективно осознаваемый конечный результат, на достижение которого направлена деятельность, включая и промежуточные цели, подчиненные главной цели; 3) *действия* — субъективно осознаваемые поступки, речевые и неречевые, рассчитанные на достижение осознаваемой цели; 4) *операции* — субъективно не осознаваемые речевые и неречевые поступки, совершаемые автоматически, но в прежнем опыте бытовавшие как действия.

Эта модель, предложенная известным отечественным ученым А. А. Леонтьевым, приложима и к деятельности участников вербальной коммуникации. Проиллюстрируем это положение на следующем конкретном примере.

Так, человек за обедом, ощутив недостаток соли в супе (реальная ситуация), хочет исправить этот недостаток (мотив). Заметим, что эта же реальная ситуация при некоторых обстоятельствах может не привести к речевому поступку (например, в гостях человек не станет обращать общее внимание на кулинарные промахи хозяйки). Но продолжим. Человек видит, что солонка стоит на другом конце стола и ему следует обратиться за помощью, чтобы солонка была ему передана (цель). Этот мыслительный конструкт он может объективировать в различных речевых формах: «Димочка, передай, пожалуйста, соль»; «Дима, дай-ка соль»; «Пожалуй, мне нужно подсолить. Дима!»; «Дима, господи, опять недосолено!» и т. д. Очевидно, что за формой, в которой материализовалась цель адресанта, скрывается дополнительная информация о самом адресанте (культура его поведения, его настроение и т. п.) и об отношениях адресанта с адресатом (дружеские, официальные, натянутые и т. п.). Так, в процессе вербального общения появлению текста предшествует превращение реальной ситуации (материальной или идеальной) в некий обобщенный образ, формирующийся в сознании Источника благодаря нейрофизиологической деятельности его мозговых центров. Отраженный образ ситуации — *дознаковый образ ситуации /ДОС/* — не имеет материальной линейности, т. е. *симультанен*, и недоступен восприятию других людей, т. е. *индивидуален*. Если у Источника появляется желание изменить ситуацию (мотив и цель) и включить в свою биодинамическую мозговую деятельность некоего Реципиента, он материализует *дознаковый образ ситуации /ДОС/* в превращенную знаковую форму, в *коммуникативный образ ситуации /КОС/*. С этого момента работа сознания Источника приобретает *социальную* характеристику. Чтобы добиться своей цели, Источник должен оценить всю совокупность условий, в которых будет происходить общение, и на этой основе выбрать форму знакового

кодирования (языковое выражение, жест, мимика и т. п.). Избрав форму языкового выражения, Источник превращает КОС в линейно развернутую, т. е. *сукцессивную*, цепочку языковых знаков, обладающих *социально осознаваемыми*, а значит, понимаемыми Реципиентом значениями. В результате *коммуникативный образ ситуации* /КОС/ получает материальную (звуковую или графическую) форму, форму *текста*.

По мере превращения дознакового образа ситуации в коммуникативный образ ситуации и текст в речемыслительной деятельности человека происходит уменьшение индивидуального начала и увеличивается доля социального, поскольку, материализуя свою мысль, Источник вступает во взаимодействие с системой языка во всей сложности составляющих ее подсистем: фонетической, морфологической, словообразовательной, синтаксической и семантической. Используя языковые и речевые знаки, Источник действует в рамках «присвоенного» им знания о значениях используемых знаков. При этом существуют пределы, за которые Источник не может выйти в своем индивидуальном знании, не осознаваемом социально другими носителями языка, если он не хочет, чтобы нарушилось понимание его мысли собеседником.

Таким образом, *текст* является не только *превращенной формой* сознания, но и, в известной степени, *отчужденной его* формой.

Текст дает возможность Реципиенту получить доступ к деятельностно-психическим сущностям не через суммирование значений единиц, составляющих текст, а через осознание сверхсуммарной сущности — смысла. Смысл создается не в отмеренных словах, а *между* ними, в создаваемом ими напряженном пространстве. Смысл не слышится и не читается, а *переживается*. Смысл есть имплицированный конструкт, создаваемый под действием разносущностных факторов: психосемантическая близость коммуникантов, степень сложности предмета речи, важность акта речевого поступка для коммуникантов, условия осуществления акта коммуникации, языковые ресурсы и языковая коммуникативная компетенция коммуникантов и т. п.

Под воздействием этих факторов происходят изменения того смысла, который намеревался вложить в текст Источник, материализуя в знаках языка и речи деятельностно-психические сущности. Изменения первоначального, *интенционального*, смысла начинаются с процесса вербализации, развертывания симультанной мысли в сукцессивный вербальный ряд («Мысль изреченная есть ложь»). Необходимо признать, что в процессе восприятия в сознании Реципиента из-за множественности разносущностных факторов конструируется в лучшем случае только сопряженный смысл, *реципиентный*, близкий к интенциональному лишь в главных чертах. Обычно неизбежные потери и приращения смысла, как правило, не нарушают акта речевой коммуникации, не фиксируясь в сознании коммуникантов и не изменяя сути их речевых поступков. Однако при значительных несовпадениях интенционального и референциального смыслов надречевая задача, которую преследовал адресант, может оказаться невыполненной, и может возникнуть непредусмотренная им коллизия. Так, в приведенном выше примере с просьбой передать соль цель адресанта, выраженная в форме «Дима, господи, опять недосолено!», может быть истолкована адресатом как очередной упрек в его адрес, и адресант вместо соли рискует получить неприятный разговор.

Отмеченные выше факторы, влияющие на формирование смысла в сознании коммуникантов, действуют по различным *каналам информации*, используемым в акте речевой коммуникации. По данным профессора Альберта Мейерабиана из Калифорнии, в обществе передача информации за счет вербальных средств происходит только на 7 %, за счет звуковых сигналов — на 35 %, за счет невербальных и незвуковых — на 55 %.

В теории перевода информацию, передаваемую в актах двуязычной коммуникации через нетекстовые каналы, принято называть *фоновой* информацией. Для передачи фоновой информации наиболее эксплицитными каналами ее передачи являются: *речевая ситуация* (ситуация переводческого акта общения разноязычных монолингвов); *предметная ситуация* (реальная ситуация, описываемая в тексте или упоминаемая в тексте); *кинестиче-*

ские средства (выразительные жесты и взгляды, мимика, позы); *визуальные средства* (схемы, карты и т. п.).

Информация, передающаяся в акте речевой коммуникации по различным каналам, неоднородна. Она включает интеллектуальную, оценочную, эстетическую, фатическую, волюнтаривную, метаинформацию, а также информацию о личностях и социальном статусе коммуникантов. При этом существует определенная закреплённость передачи того или иного вида информации за тем или иным каналом информации. Например, метаинформация, т. е. информация, связанная с языком как объектом реального мира, не может быть передана по нетекстовым каналам; оценочная и волюнтаривная информация может передаваться как по текстовому каналу, так и с помощью мимики и жестов; информацию о личностях и социальном статусе коммуникантов даёт форма их речи, а также внешний вид и манеры, выбранный ими предмет речи и т. д. Однако единственным каналом, через который адресант имеет возможность передать любой тип информации, причем передать на уровне, социально осознаваемом адресатом в большей степени, чем при передаче информации по другим каналам, является текст.

Текст в системе речевой коммуникации является главным материальным способом передачи Реципиенту информации о мыслительной деятельности Источника. При этом Источник, будучи заинтересован в успехе этой передачи, оформляет свою речь таким образом, чтобы создать оптимальные условия для восприятия Реципиентом его мыслей и таким образом позволит Источнику решить его определенную неречевую задачу.

Итак, в речевой коммуникации мы имеем дело с *особым видом деятельности*, для которой характерны следующие черты:

- основная работа скрыта от прямого наблюдения и происходит в области мозговых операций рационального и чувственного сознания коммуникантов;
- результат деятельности делится на промежуточный результат (текст) и конечный результат (решение неречевых задач коммуникантов);

- деятельность сознания коммуникантов попеременно ориентирована на различные объекты экстралингвистической и лингвистической природы;
- речевая деятельность коммуникантов имеет смешанный индивидуально-социальный характер.

2. Модель одноязычной коммуникации: деятельность адресанта и деятельность адресата

При одноязычной вербальной коммуникации отправитель (*адресант*) материализует в языковых знаках, организованных по определенным правилам (*текст*), свою коммуникативную цель: передать получателю текста (*адресату*) информацию о событиях и фактах; заставить адресата выполнить тот или иной поступок; сообщить о своих чувствах; вызвать у адресата определенные эмоции и т. д. Адресат, поняв текст, осознает цель, которую преследовал адресант. В итоге совместной речемыслительной деятельности адресанта и адресата, которая включает три основных компонента: нейрофизиологическую деятельность мозговых центров (*церебрация*), объективацию мыслительной деятельности в языковых фактах (*фонация*) и восприятие переданной информации (*аудиция*), решаются некоторые *неречевые задачи* коммуникантов. Для иллюстрации приведем простейший пример.

Предположим, что адресанту нужно жилье (*мотив*) и он решил арендовать квартиру (*цель*). Свою мысль он оформляет в виде определенного текста. Адресат (хозяин квартиры), уяснив из текста желание адресанта, соглашается сдать квартиру, если это согласуется с его собственными намерениями (*цель*), за которыми скрывается определенный *мотив* (например, ему нужны деньги или эта квартира в данное время ему не нужна). Таким образом, благодаря опосредованной языковой коммуникации достигается удовлетворение потребностей обоих коммуникантов, решается неречевая задача коммуникации.

Акт речевой коммуникации осуществляется в широком социокультурном контексте, который детерминирует речевые поступки коммуникантов в социальном, культурном и психологическом аспектах. Это предполагает у адресанта и адресата наличие определенных сопрягаемых качеств, компетенций, языкового и неязыкового характера.

3. Компетенции общающихся субъектов, необходимые для успеха акта речевой коммуникации

Рассмотрим формирование этих качеств в динамике становления «мыслящего говорящего человека» /*homo sapiens sapiens*/.

Каждый ребенок рождается с определенной генетической программой физического и интеллектуального развития, но реализуется эта программа уже в определенных условиях окружающего его объективного мира. Знакомство с этим миром и формирование первых представлений начинается у ребенка с довербального опыта и с довербального общения.

Затем ребенок, развиваясь в определенной социальной и языковой среде, начинает постепенно использовать знаковые средства общения, и со временем знаковое языковое общение выходит у него на первое место. Речевой опыт общения вместе с накоплением вневербального опыта жизни в определенных материальных условиях деятельного социума начинают, с одной стороны, приобщать ребенка к концептуальным ценностям языкового коллектива, а с другой стороны, способствуют постепенному овладению им языковой системой. Происходит формирование трех важнейших элементов: концептуальной системы, языковой компетенции и языковой коммуникативной компетенции.

Концептуальная система есть «непрерывно конструируемая система информации (мнений, знаний), которой располагает индивид о действительном и возможном мире»¹. Элементами концептуальной

¹ Павленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983. С. 280.

системы являются концепты. Концепт — это единица *сознания* этноса, в которой аккумулируются опыт и знания конкретного лингвокультурного сообщества. В отличие от понятия как лингвистической категории, с которым концепт роднит их общее сущностное подобие (представление — по Н. И. Жинкину), концепт и понятие — единицы разных систем: концепты суть элементы концептосферы, понятия суть элементы лексико-семантического поля. Концепты могут получать языковое выражение (номинированные, вербализованные концепты), но могут оставаться и только как закрепленные в сознании чувственные образы (неноминированные, невербализованные концепты), понятия всегда номинированы. Под влиянием внешнего раздражителя языкового или внеязыкового характера концепты принимают участие в детерминации речевых и неречевых поступков индивидуумов. По мере овладения языком вербальный опыт индивидуума начинает все активнее влиять на дальнейшее формирование его концептуальной системы. Концепты эксплицируются в языковых формах (слова, словосочетания, фразеологизмы, прецедентные тексты), в поликодовых текстах (реклама, комиксы, вокальные произведения), в сюжетах литературных произведений, в поступках человека, в его речемыслительной деятельности, отражая накопленный веками опыт данного языкового сообщества. Отдельный индивидуум присваивает часть этого опыта, корректируя концепты на основе своего накопленного жизненного опыта.

Языковая компетенция есть присвоенное (интериоризованное) субъектом знание языковой системы, в том числе знание знаковых моделей, более или менее адекватно отражающих фрагменты концептуальной системы в превращенной форме. В естественных условиях становления языкового субъекта приобретение им языковой компетенции происходит в процессе общения с другими людьми, говорящими на том же языке, т. е. одновременно с формированием его языковой коммуникативной компетенции.

Языковая коммуникативная компетенция есть интериоризованная субъектом (на основе его собственного коммуникативного опыта в процессе организации совместной деятельности с другими членами языкового коллектива) целостная совокупность еди-

ниц определенного языка и социокультурных норм речевого поведения, характерных для данного языкового этноса. Языковая коммуникативная компетенция «включает также общепсихическую способность формировать на основе коммуникативного опыта иные образы, необходимые для осуществления коммуникативной деятельности»¹. В формировании этой системы аккумулируются довербальный, невербальный и вербальный опыты языкового субъекта.

Помимо этих качеств в сознании языкового субъекта складывается система психосемантических установок, регулирующих его речемыслительную деятельность на уровне смыслообразования и смыслопонимания в виде предпочтительных операций.

Система психосемантических установок есть глубоко имплицитированная система, связанная одновременно с психикой языкового субъекта и с семантикой языковых и речевых форм, которая существенно детерминирует отражательную деятельность сознания, с одной стороны, и операции по материализации результатов отражательной и когнитивной деятельности в языковых и речевых формах, с другой стороны. Действие этой системы обнаруживается на всех этапах речемыслительной деятельности (фазы ориентирования, планирования, исполнения и контроля).

Таким образом, человек, вступая в вербальное общение с другими членами своего деятельного языкового коллектива, располагает качествами, которые в общих чертах сходны с качествами этих членов, поскольку заложенная в них генетическая программа развивалась в сходных языковых и природных условиях. Социальное и индивидуальное начала интегрируются в процессе развития человека в его менталитет, в котором значительная доля относится к общенациональному качеству. Эксплицитированным проявлением менталитета человека в обществе являются его поступки, в том числе и речевые.

¹ Пыриков Е. Г. Основы системной концепции перевода /терминологический аспект/. Автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1993. С. 23.

4. Профессиональные компетенции переводчика

Теперь вернемся к переводчику. Профессиональная функция переводчика состоит в том, чтобы обеспечить решение неречевой задачи, определенным образом организовав совместную речемыслительную деятельность адресанта и адресата, представляющих две различные лингвокультуры. Различия касаются всех качеств разноязычных коммуникантов: невербального опыта, когнитивной системы, языковой компетенции, языковой коммуникативной компетенции, системы психосемантических установок. Это означает, что переводчик должен совмещать в своем сознании качества двух монолингвов, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам. Его собственная языковая личность, сформировавшаяся в естественных условиях, должна быть обогащена за счет формирования аналога языковой личности представителя иной лингвокультурной общности, «вторичной языковой личности». Качества *естественного монолингва* формируются в сознании человека как представителя родной для него лингвосоциокультурной среды, в которой он вырос. Но, чтобы стать переводчиком, он должен усвоить и определенный объем качеств монолингва, сформировавшихся в той лингвосоциокультурной среде, к которой принадлежит иноязычный монолингв. Формирование этих качеств у будущего переводчика происходит не в естественных, а в специально создаваемых условиях, что дает основание говорить о формировании качеств *искусственного монолингва*.

Основные отличия естественного монолингва от искусственного проходят по двум основаниям:

- по условиям формирования лингвистической личности;
- по характеру качеств в сопоставительном плане.

По условиям формирования становление искусственного монолингва отличается от становления естественного монолингва: 1) по порядку формирования качеств; 2) по внешним условиям, в которых происходит формирование этих качеств, и 3) по возраст-

ным параметрам становления естественного и искусственного монолингвов.

1. Как было отмечено выше, сознание *естественного* монолингва начинает формироваться с приобретения довербального опыта общения с последующим переходом на речевое общение, и лишь позже естественный монолингв овладевает языком как системой, причем параллельно происходит формирование его языковой коммуникативной компетенции и интуитивное овладение им системой психосемантических установок. Формирование *искусственного* монолингва начинается с овладения системой иностранного языка, и лишь на этой базе он начинает приобретать опыт речевого общения на иностранном языке.

2. Формирование *естественного* монолингва происходит в среде обитания этноса, пользующегося для организации своей совместной деятельности тем же языком, на котором общается монолингв. При формировании качеств *искусственного* монолингва языковой субъект находится в среде обитания этноса, пользующегося для организации своей совместной деятельности другим языком.

3. *Естественный* монолингв формируется с момента своего рождения и в основном приобретает языковую коммуникативную компетенцию в детском возрасте. *Искусственный* монолингв начинает изучать иностранный язык чаще уже во взрослом состоянии, когда у него не только прочно сформирован собственный менталитет в родной для него лингвосоциокультурной среде, но и значительно ослабли природные способности к овладению языком.

По характеру качеств, формирующихся в сознании переводчика, можно выделить следующие различия: 1) различия концептуальных систем; 2) различия языковых компетенций; 3) различия языковых коммуникативных компетенций и 4) различия систем психосемантических установок.

1. Концептуальная система *искусственного* монолингва всегда отличается от концептуальной системы *естественного* монолингва. С одной стороны, в ней меньше тех мнений и знаний о действительном и возможном мире, которые естественный

монолингв получает из невербального опыта жизни в его родной среде обитания, а также тех понятий, которые накоплены в вербальном опыте языкового этноса (в филогенезе) и в вербальном опыте самого естественного монолингва (в онтогенезе). Другими словами, объем концептуальных знаний и мнений, которыми располагает носитель иностранного языка, объективно богаче того объема, который усваивает переводчик — искусственный монолингв. Однако, с другой стороны, сознание переводчика хранит те знания, мнения и понятия, которые он получил как представитель своего языкового этноса, как естественный монолингв. Поэтому суммарный объем концептуальной системы переводчика объективно больше объема этой системы, которым располагает естественный монолингв, принадлежащий к иной лингвокультуре.

2. Языковая компетенция переводчика — искусственного монолингва, напротив, мало отличается от языковой компетенции инокоммуниканта, иностранного естественного монолингва, а в ряде случаев оказывается даже выше. Переводчик — всегда лингвист по определению, тогда как инокоммуникант обычно знает систему своего языка только как пользователь.

3. Языковая коммуникативная компетенция переводчика — искусственного монолингва как конструкт, зависящий от невербального и вербального коммуникативного опыта, может в лучшем случае только приближаться к языковой коммуникативной компетенции естественного иномонолингва.

4. Система психосемантических установок связана одновременно с психикой языкового субъекта и с семантикой языковых форм и проявляется в предпочтениях, которые отличают отражательную деятельность его сознания и объективацию результатов этой деятельности в языковых и речевых формах. У естественного монолингва эта система формируется более на сенсорном, чувственном, чем на рациональном уровне сознания. В силу этого обстоятельства переводчик с трудом осваивает иную систему психосемантических установок. При этом, как показывает переводческая практика, чем больше в этой системе отличного от его родной системы психосемантических установок, тем сильнее эта

последняя мешает усвоению переводчиком нового психосемантического регулятора речевого действия.

Однако переводчик не просто объединяет в своем сознании сознания двух разноязычных монолингвов, естественного и искусственного. Чтобы стать переводчиком, недостаточно быть простым билингвом. Переводчик, помимо приобретения качеств искусственного монолингва, должен приобрести еще одно качество — переводческую компетенцию.

Переводческая компетенция включает в себя: рецептивную компетенцию понимания иностранного текста; продуктивную компетенцию формулирования текста перевода; жизненный опыт переводчика в качестве фонового знания; идиоматическое владение языком перевода; знание элементов двух соприкасающихся в процессе перевода культур. «Переводческая компетенция представляет собой сложную многомерную категорию, включающую все те квалификационные характеристики, которые позволяют переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации: *особое переводческое владение двумя языками* (как минимум рецептивное владение исходным языком и репродуктивное владение языком перевода), при котором языки проектируются друг на друга; *способность к «переводческой» интерпретации* исходного текста (т. е. к видению его глазами носителя другого языка и другой культуры); *владение технологией перевода* (т. е. совокупностью процедур, обеспечивающих адекватное воспроизведение оригинала, включая модификации, необходимые для преодоления «культурного барьера»); *знание норм языка перевода*; *знание переводческих норм*, определяющих выбор стратегии перевода; *знание норм данного стиля и жанра текста*; *определенный минимум «фоновых знаний»*, необходимых для адекватной интерпретации исходного текста, и в частности, что называется «знанием предмета», необходимым для успешного перевода в рамках специализации переводчика»¹.

¹ Швейцер А. Д. Указ. соч. С. 28.

5. Отличия речемыслительной деятельности переводчика от речемыслительной деятельности одноязычных коммуникантов

Процесс перевода есть деятельность **переводчика** по сопряжению речемыслительной деятельности двух *разноязычных* монологгов в акте речевой коммуникации с использованием двух языков. Внешнему наблюдателю может показаться, что переводчик просто попеременно выполняет роли адресата и адресанта. Разница только в том, что сначала он исполняет роль адресата как носитель исходного языка, а потом — роль адресанта как носитель языка перевода. Однако деятельность переводчика в процессе перевода имеет более существенные отличия от деятельности одноязычного адресата и деятельности одноязычного адресанта.

Во-первых, деятельности разноязычных адресанта и адресата состоят из *одной фазы*. Для адресанта – это деятельность по замещению деятельностно-психических сущностей своего сознания предметными знаками (акустическими или графическими), расположенными в определенной последовательности, т. е. превращения мысли в текст. Для адресата – это деятельность по воссозданию на основе смыслового восприятия текста деятельностно-психических сущностей, сопряженных с деятельностно-психическими сущностями адресанта, т. е. превращение текста в мысль. Деятельность переводчика в отличие от однофазовой деятельности адресанта и адресата состоит из *двух фраз*. *Первая фаза* — это смысловое восприятие иностранного текста и воссоздание на его основе деятельностно-психических сущностей, сопряженных с деятельностно-психическими сущностями адресанта, другими словами — это понимание мысли адресанта, принадлежащего исходной лингвокультуре. *Вторая фаза* состоит из замещения понятий сущностей знаками и знаковыми последовательностями таким образом, чтобы у адресата, принадлежащего иной лингвокультуре, возникла мысль, сопряженная с мыслью, высказанной иноадресантом. Другими словами, переводчик не просто последовательно играет роль адресата ИЯ (первая фаза деятельности) и роль адре-

санта ЯП (вторая фаза деятельности), а связывает сознания представителей двух различных лингвокультур. В результате этого сознание переводчика приходит в особое состояние, не свойственное обычному человеку.

Во-вторых, в акте двуязычной коммуникации адресант ИЯ и адресат ЯП удовлетворяют собственную потребность в общении, тогда как переводчик *удовлетворяет потребность в общении других людей*. Его деятельность — это особый, вынужденный вид речевой деятельности, когда ему приходится добиваться не своих целей, а *неречевых целей адресанта ИЯ*, которые приходят к нему в превращенной форме иноязычного текста, и *неречевой цели адресата ЯП*, который хочет понять, о чем сказал или написал адресант ИЯ. Он также может получить дополнительный *социальный заказ*, выполняя который ему приходится учитывать *цели и интересы заказчика перевода*. Например, заказчик может попросить перевести не весь текст, а лишь интересующую его часть текста или вообще заменить перевод кратким пересказом смысла высказывания. Кроме чужих целей, переводчик может преследовать во время перевода и какие-то *собственные цели субъективного характера*.

В-третьих, хотя выше говорилось о простой смене ролей в первой и второй фазах деятельности переводчика, однако его действия как адресата ИЯ и адресанта ЯП имеют существенные отличия от деятельности двух монопольных коммуникантов.

Переводчик-адресат внимательнее, чем простой адресат ИЯ, относится к тому, *как* выражена мысль в тексте, а не только воспринимает саму мысль, он более внимателен не только к семантической информации, которая выражается через значение речевых средств, но и к структурной информации, которая выражается через внутренние связи и взаимоотношения речевых средств текста. Уже на первом этапе своей деятельности переводчик осуществляет действия, не свойственные обычному адресату, — частично приступает к сопоставительному анализу, готовясь ко второй фазе деятельности (созданию текста перевода).

Действия переводчика во второй фазе (замещение деятельностно-психических сущностей предметными знаками, акустиче-

скими или графическими, расположенными в определенной последовательности) также существенно отличаются от действий обычного адресанта ЯП. Переводчик-адресант синтезирует текст перевода в условиях меньшей свободы выбора изобразительных средств по сравнению с той степенью свободы, которой располагает естественный адресант. Свободу выбора переводчиком изобразительных средств ограничивает то, что мысль естественного адресанта уже была выражена им определенным образом в тексте оригинала и коммуникативная значимость этого образа подлежит сохранению в переводе.

Переводчик, прежде чем приступить ко второй фазе своей деятельности, обязан проанализировать форму выражения мысли в оригинальном тексте и принять решение (руководствуясь многими детерминантами лингвистического и экстралингвистического характера) о том, насколько коммуникативно значима данная форма и, следовательно, насколько важно сохранить эту значимость в переводе.

В ряде случаев сохранение формы выражения мысли источника обязательно для переводчика объективно, например, он не вправе заменить поэтическую форму оригинала прозаическим текстом.

Наконец, адресант ИЯ в акте двуязычной коммуникации создает текст, объективно адресованный носителю его же языка, даже если речь идет о ситуации переводческого общения в двустороннем переводе. Ввиду этого обстоятельства функция переводчика по сопряжению интенционального смысла, который вкладывает в текст оригинала адресант, и реципиентного смысла, который должен быть сформирован у иноязычного адресата на основе полученного им от переводчика текста перевода, значительно усложняется. Еще более усложняет функциональную задачу переводчика по сопряжению интенционального и реципиентного смыслов письменная форма общения разноязычных коммуникантов, уменьшающая возможность использовать нетекстовые каналы передачи информации. Таким образом, в акте двуязычной коммуникации возникают не два сопрягающихся смысла, а четыре: 1) интенциональный смысл адресанта; 2) реци-

пиентный смысл переводчика-адресата (последний выступает как носитель исходного языка и культуры, к которой принадлежит адресант); 3) интенциональный смысл переводчика-адресата (тот смысл, который он после анализа всех разносущностных факторов, повлиявших на создание текста оригинала, считает коммуникативно важным и нужным для передачи) и 4) реципиентный смысл, который конструирует в своем сознании адресат после восприятия текста перевода. Задачей переводчика является максимальное сопряжение всех означенных смыслов, так как от ее правильного решения будет зависеть надречевой успех двуязычной коммуникации.

«Уловить» смысл текста оригинала — значит правильно соотнести семантику текста со всей суммой фоновой информации конкретного акта двуязычной коммуникации. Объективировать смысл в языковых и речевых знаках текста перевода — значит правильно соотнести значения знаков в структурных отношениях между ними с информацией, которая может быть передана иноязычному адресату по нетекстовым каналам передачи информации. Текст оригинала и текст перевода в процессе перевода суть промежуточные, пусть и очень важные, составляющие деятельности переводчика. Его функции как координатора в процессе сопряжения речемыслительной деятельности разноязычных адресанта и адресата выходят далеко за рамки значений языковых и речевых знаков, составляющих тексты. Его конечной целью является обеспечение совместной деятельности разноязычных коммуникантов для решения неречевой задачи.

Дополнительная литература

1. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Учебное пособие по теории перевода. М., 1976. С. 14–21.
2. *Финкельберг Н. Д.* Теория перевода арабского языка. Курс лекций. М., 1977. С. 62–65, 19–43.

4. ТЕКСТ В ПЕРЕВОДЕ (содержательный аспект)

Текст как система. Материальные и идеальные элементы текста. Значение языковых знаков. Содержание текста. Смысл и значение. Восприятие и понимание. Алгоритм переводческой стратегии.

1. Текст как система

В Лингвистическом энциклопедическом словаре текст определяется следующим образом. Текст (от лат. *tekstus* — ткань, сплетение, соединение) — объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Главной системной функцией текста является коммуникативная функция.

Система текста начинает выполнять коммуникативную функцию, когда она включается в качестве одного из элементов системы акта речевой коммуникации, которая для системы текста является надсистемой. В этом качестве текст теряет часть самостоятельности, так как он как элемент вовлекается в сложные системно-структурные отношения с другими элементами надсистемы и выполняет те функции, которые задаются ему надсистемой извне и которые он способен выполнять благодаря своим внутренним системным характеристикам. К внутренним системным характеристикам относятся состав элементов, их свойства и связи.

В процессе перевода деятельность переводчика связана с двумя текстами — *исходным текстом*, предназначенным для перевода (его иногда называют *оригиналом* или *подлинником*), и *переводным (выходным) текстом*.

2. Системные элементы текста

Текст как система состоит из элементов, которые по их сущностям делятся на материальные и идеальные элементы.

К *материальным* элементам относятся:

- звуки или буквы (в устной или письменной речи соответственно);
- слова;
- словосочетания;
- предложения;
- абзацы (в письменном тексте); интонация (в устной речи);
- синтаксис;
- заголовок (в письменном тексте).

К *идеальным* элементам относятся:

- значения языковых и речевых знаков;
- значения синтаксических моделей;
- содержание;
- смысл.

Материальные элементы текста, образуя его поверхностную структуру, приобретают в системе текста различную коммуникативную значимость.

В ряде случаев материальные элементы текста отражают принцип отбора языковых и речевых знаков в соответствии с определенными индивидуальными предпочтениями и/или стилистическими нормами. Так, вплоть до конца XIX века в текстах на арабском литературном языке широко употреблялся стиль рифмованной прозы («садж»), что, по мнению авторов, создавало дополнительный эстетический эффект, в жертву которому могла быть принесена ясность изложения мысли. Влияние саджа ощущается нередко и в современной арабской публицистике. Иногда дополнительный коммуникативный эффект создает в арабском тексте намеренное использование определенной словообразовательной модели в виде некоего «сквозного действия», которое проходит по всему тексту, даже если для этого автору приходится

ся использовать не отмеченные в словарях новообразования. Для переводчика передача особенностей ритмо-рифмической организации иностранного текста создает большие трудности, приближая перевод таких текстов к переводу поэтических текстов.

Однако эти случаи достаточно редки, важнее обратить внимание на более регулярные особенности функций материальных элементов текста, которые могут вызывать определенные переводческие поступки на этапе одной или обеих фаз его деятельности в процессе перевода.

Во-первых, в поверхностной структуре текста отражаются грамматические правила организации материальных элементов, соответствующие данному языковому коду. Знание этих правил входит в языковую компетенцию переводчика и позволяет ему определить элемент в арабском неогласованном тексте, узнать в консонантной словоформе (كلمة) полнозвучное слово (لفظة).

В исключительных случаях грамматические правила организации текста оригинала могут представлять интерес для переводчика и во второй фазе его деятельности в процессе создания переводного текста. Например, если нарушение грамматических правил в тексте оригинала является чертой, характеризующей говорящего, то в тексте перевода эти персонажи также должны говорить с нарушением принятых норм. Примером могут служить речь Джингля в романе Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба» или ошибки в речи Эркюля Пуаро в романах Агаты Кристи и сохранение коммуникативной значимости этих речевых особенностей в русских переводах.

Во-вторых, в поверхностной структуре текста взаимосвязанные речемыслительные действия отражаются в виде синтагм, отдельных высказываний, сверхфразовых единств, просецируя в материальной языковой форме «ход мысли» Источника. Эта сторона поверхностной структуры текста имеет важную коммуникативную значимость постоянно, так как она обнаруживает целенаправленность речевого поступка Источника. Естественно, что для переводчика эта информация имеет значение в обеих фазах его профессиональной деятельности. Она позволяет ему воспри-

нимать текст оригинала в его целостности и должна сохраняться в этом качестве при конструировании текста перевода.

Идеальные элементы текста не даны в прямом наблюдении и содержатся в сознании носителей языка.

3. Значение языковых знаков

Значения закреплены за языковыми знаками неявным и нежестким образом. За значением скрывается способность человеческого сознания создавать образы существующих объектов (материальных или идеальных) окружающего мира и объединять их с образами конкретных материальных единиц языка, обычно со словом или словосочетанием. В них образы действительности кристаллизируются и обогащаются в процессе накопления этносом жизненного опыта, опыта речемыслительной деятельности и развития языковой системы. «Значение — это социально-кодированная форма общественного опыта»¹.

В значении отражен опыт отражательной и абстрагированной мыслительной деятельности и общения многих поколений языкового социума. В присвоенном знании о значении знака, которое оказывается сформированным у отдельного представителя социума, значение приобретает известные индивидуальные черты, что связано с индивидуальным опытом речемыслительной деятельности данного индивида (субъективно-предметный код — по Миньяру-Белоручеву). Однако языковая компетенция индивида будет достаточной для успеха коммуникации лишь в том случае, если присвоенное им знание о значении знака близко к социально осознаваемому объективному значению знака.

В лингвистике в феномене *значение языкового знака* принято различать: *предметно-понятийное значение*, *грамматическое значение* и *словообразовательное значение*. Предметно-понятийным значением обладают все полнозначные слова вокабуляра. Под грамматическим значением понимается обобщенное языко-

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание // ВФ. 1972. № 12. С. 136.

вое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке свое регулярное, стандартное выражение. В грамматических значениях различают морфологические, синтаксические и референциальные (несинтаксические) значения, отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой действительности (количественные, пространственные, временные, значение орудия или производителя действия и т. п.). Словообразовательное значение представляет собой формально выраженный тип значения, проходящий в целой серии мотивированных слов. Например, глаголы типа «синеть», «зеленеть», «белеть» и т. п. означают «становиться синим, зеленым, белым» и т. п.

В семиотике и в теории перевода в феномене значения языкового знака различают: *семантическое*, *прагматическое* и *синтаксическое* значения. В основе этого деления лежит принцип отношения, устанавливающегося между значением и той частью объективно существующего мира действительности, которая в нем отражается.

В семантическом значении отражается связь знака с миром реальных или идеальных предметов и явлений действительности; в прагматическом — с миром чувств и реакций человека; в синтаксическом — с миром языковых форм.

Значение отдельно взятого знака языка есть теоретическая абстракция, для удобства описания которой ее принято представлять в виде дискретных *сем* того или иного вида значения. В знаке может присутствовать набор сем нескольких или всех видов значения.

Языковая компетенция переводчика предусматривает знание семного состава значения максимально большого объема языковых знаков каждого из двух языков, с которыми ему приходится работать. Для получения этого знания недостаточно сведений, которые предоставляют двуязычные словари, так как двуязычный словарь не может не упрощать семную структуру иностранного слова, глубоко национальную по своей сути, предлагая возможные замены ее знаками другого языка, каждый из которых также глубоко национален и потому отличен.

Например, в арабско-русском словаре слово **كلب** переводится как «собака; пес», но словарь не сообщает, что между **كلب** и его переводом есть отличия по семантическому, прагматическому и синтаксическому аспектам значения.

В толковом арабском словаре **منجد** семантическое значение слова **كلب** трактуется как «дикий зверь, который может укусить». В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова *собака* — это «домашнее животное». Главным семантическим признаком для одного и того же животного арабы считают агрессивность, русские — «домашность», прирученность, пользу. Слово **كلب** используется в словосочетаниях для названий других диких животных. Например, **كلب البحر** — акула (букв.: собака моря), **كلب الماء** — бобр; выдра (букв.: собака воды). Образ хватающих зубов позже был перенесен на неживые объекты в названиях различных металлических крюков.

По прагматическому аспекту значение арабское и русское обозначение этого животного имеют еще большее различие. В значении арабского слова **كلب** содержится сема негативной оценки — «жадность, алчность». В значении русского слова *собака* содержатся не только сема негативной оценки — «грубость, злость», но и присутствует сема положительной оценки — «верность, преданность». В Коране собака, как и свинья, относится к нечистым животным, поэтому русское выражение «Собака — друг человека» содержит несочетаемые для араба понятия.

В синтаксическом значении арабского слова **كلب** также существуют отличия от синтаксического значения русского слова *собака*. В русском языке у слова *собака* есть много синонимов, обладающих функционально-стилистической маркированностью таких русских слов, как *собачонка, собачка, шавка, псина, кабысдох* и т. п., которые «отнимают» часть значения у слова *собака*. И в этом смысле арабское слово **كلب** шире по значению, что подтверждается практикой перевода с русского

языка. Наконец, в русском языке образ собаки вошел во многие пословицы и поговорки, тогда как в арабских словарях упоминаются только две, причем заимствованные, пословицы: *الكلب الحي خير من أسد ميت* — «Живая собака лучше мертвого льва» и *من جعل نفسه عظما أكلته كلاب* — «Кто сделает свою душу костью, (пусть) съедят того собаки».

Чтобы сформировать в своем сознании правильное представление о феномене значения иностранного слова, переводчик должен полюбить работу с толковыми и фразеологическими словарями, со словарями синонимов и антонимов и другими типами специальных словарей, а также хорошо знать и понимать словообразовательные особенности иностранного языка, уметь лингвистически грамотно осуществлять этимолого-морфологический анализ слова. Последнее умение для переводчика особенно важно, поскольку, с одной стороны, практически невозможно узнать весь вокабуляр иностранного языка, а с другой стороны, словарный состав постоянно пополняется и за счет новых производных слов, и за счет появления новых значений у слов, уже зафиксированных в словарях.

Однако значение слова в языке качественно отличается от значения слова в речи.

В *языке* значение слова:

- недискретная виртуальная сущность;
- семантическая потенция;
- объективная категория;
- слово обслуживает сферу номинации;
- актуализаторами значения слова в языке являются классы предметов, а также знаки системы в парадигматике, прежде всего синонимы и антонимы.

В *речи* значение:

- дискретная объективация сущности;
- актуализированная часть;
- актуализация части целого;

- субъективная категория;
- слово обслуживает сферу коммуникации;
- в речи актуализаторами значения слова являются конкретные единицы действительности и знаки системы в синтагматике.

Значение слова в языке и значение слова в речи неразрывно связаны между собой, они обуславливают существование друг друга и оказывают друг на друга взаимное влияние. Внутрисистемная значимость слова определяет его реальные употребления в речи, которые, в свою очередь, нередко образуют новые семантические значимости, выступающие по отношению к системным значениям как семантическое приращение¹.

Отдельному слову в языке практически невозможно найти в другом языке слово с таким же значением, тогда как значение слова в речи всегда может быть заменено знаком с тем же значением, причем заменяющий знак может далеко не совпадать с тем соответствием, которое дает исходному слову двуязычный словарь.

Для иллюстрации используем следующий текст, в котором встречаются два хорошо известных слова: *مهمة* — *задача; функция; миссия* и *فكرة* — *мысль, идея*. На вопрос следователя, что подозреваемый делал в городе, последний отвечает: *و لدى مهمة خاصة* (букв.: У меня задача; функция особая; собственная). Следующий вопрос формулируется так: *أ من الممكن أن اخذ عنها فكرة* (букв.: А из возможного, чтобы я взял о ней идею; мысль?). В ответ подозреваемый отвечает: *مهمة عائلية* (букв.: Задача; функция семейная). В профессиональном переводе этот диалог принимает следующий вид:

- У меня были свои дела.
- Не мог бы я узнать какие?
- Семейные.

¹ В современных арабских лингвистических работах значение слова в языке обозначается термином *معنى*, значение слова в речи — термином *دلالة*, приращение значения — словом *قيمة*.

Это объясняется тем, что в тексте слово из мира языка переходит в мир коммуникации, из мира национальных значений в мир интернациональных понятий. Значения благодаря речемыслительной деятельности Источника объективируются в системе взаимосвязанных значений. В тексте каждый знак теряет свою самостоятельность и становится элементом целого, и в рамках этого целого актуализируется некая часть виртуального значения знака и выполняется определенная функция.

4. Содержание текста

В процессе *синтеза* значений, употребленных в тексте знаков, Источником создается некоторое семантически напряженное пространство — идеально-материальный образ текста, его *содержание*. В создании образа текста участвуют не только актуализированные значения знаков в их взаимозависимости, но и определенный порядок расположения материальных элементов текста, линейный характер представления идеальных сущностей в материи языка. Простая перестановка элементов может существеннейшим образом изменить содержание (ср. «кровь с молоком» и «молоко с кровью»). Синтезируя содержание, Источник располагает в определенной последовательности материальные элементы, представляющие смысловые единства, в которых каждый более крупный уровень смыслообразования включает в себя совокупность элементов менее крупного уровня. Порядок расположения элементов регулируется взаимодействием грамматических, синтаксических и лексико-семантических правил, существующих в данном языке и входящих в силу этого в языковую коммуникативную компетенцию носителей данного языка.

Содержание текста есть вариант описания реальной ситуации, материальной или идеальной, при теоретически возможных иных ее описаниях. Содержание текста должно быть воспринято адресатом, что является одним из неперемennых условий обеспечения успешного акта коммуникации. Однако коммуникативная функция текста будет полностью выполнена лишь при условии, что

данное содержание даст возможность адресату понять тот смысл, который адресант вкладывал в содержание созданного им текста.

5. Смысл и значение

«Смысл формируется как реакция на конкретную ситуацию, определенный элемент окружающей действительности, преломленная через индивидуальные черты личности отправителя сообщения и его коммуникативную установку, а также семиологические установки, обусловленные влиянием конкретной лингвокультуры»¹.

Смысл как результат деятельности-психической деятельности сознания формируется в результате объективно общечеловеческой способности отражать реальный мир в виде образов. Однако выраженный в знаке образ приобретает национальную маркированность, будучи закреплен в значениях знака. Поэтому понятия «значение» и «смысл» — это разные сущности.

Рассмотрим в качестве иллюстрации еще два разноязычных текста, в которых описывается одна и та же ситуация, ситуация нежелания человека ответить на обращенный к нему вопрос. При этом арабский адресант использовал в тексте описание жеста *هز رأسه* (букв.: тряхти головой). Глагол *هز* поливалентен. Широко известны устойчивые словосочетания этого глагола с именами, называющими другие части тела человека и животного, а также с названиями неживых предметов. При этом в тексте описанный жест регулярно сопровождается ситуационным уточнением в форме причастного оборота или в форме придаточного предложения. Так, в нашем примере использовано уточняющее ситуацию придаточное предложение: *و جعل يهز رأسه صامتاً كأنه لا يدري ما يقول* (букв.: И начал он трясти свою голову молчащим, как будто не знает, что говорит он.).

¹ Касевич В. Б. О категории времени и таксиса в бирманском языке // Востоковедение. Л.: ЛГУ, 1990. № 15. С. 238.

Однако переводчик в качестве полноправной замены предложил фразу *Он молча пожал плечами*. Во-первых, он изменил образ и отказался от сохранения образа, связанного с движением головы, так как в русском языке покачивание головой — жест многозначный. Взамен переводчик использовал однозначный жест, выражающий недоумение, — пожатие плечами. Во-вторых, в соответствии с литературной нормой построения диалога, которая действует в русской современной литературе, он изменил каналы передачи информации. Часть информации о ситуации, которая в арабском тексте передана по лингвистическому каналу (придаточное предложение), переводчик передал по фоновому каналу информации (ситуация общения).

6. Восприятие и понимание

Восприятие текста есть сложный процесс раскрытия смысловых связей и отношений между смысловыми единствами разных уровней смыслообразования, опосредованных материальными элементами текста и порядками их следования. Восприятие линейно и развернуто во времени, однако при большой близости языковых коммуникативных компетенций общающихся субъектов анализ адресатом лексико-семантических, синтаксических и грамматических функций элементов текста осуществляется с предельной быстротой, обычно не на уровне осознаваемых действий, а на уровне операций, в которых сознание не принимает участия. Воспринятый блок синтезируется в более крупный блок, образы актуализированных значений слов вырастают в образы актуализированных значений словосочетаний, образ словосочетания в образ синтагмы, образ синтагмы в образ предикативной конструкции, образ предикативной конструкции в образ сообщения и в конечном результате — в образ текста. Лишь в некоторых случаях адресат замедляет процесс чтения текста или перечитывает отдельные места (при устном обращении просит адресанта говорить помедленнее или повторить сказанное) для того, чтобы

процесс восприятия не нарушился, чтобы воспринимаемые блоки содержательного характера не нарушали правильного процесса развертывания и обеспечили завершение восприятия пониманием.

7. Алгоритм переводческой стратегии

Однако для восприятия и понимания иностранного текста переход с интеллектуального на сенсорный уровень происходит медленнее и требует гораздо большего участия сознательных действий, так как национальные особенности идеальных или материальных элементов текстов не позволяют идентифицировать значение знака или достаточно быстро и верно определить его функцию в системе текста. В этом случае процесс «восприятие — понимание» сменяется процессом «понимание — восприятие». Переводчик, чтобы правильно воспринять единицу текста, должен путем перебора нескольких возможных вариантов сначала понять, что может означать и/или какую функцию может выполнять данная единица, и только после этого правильно идентифицировать ее значение и/или функцию в системе всего текста.

Таким образом, *восприятие и понимание содержания текста переводчиком осуществляется в ходе сложного эвристического процесса алгоритмического характера*. Это многоступенчатый процесс, в котором анализ чередуется с синтезом, в результате чего у переводчика формируется образ общего содержания текста оригинала и на основе этого образа конкретизируется образ составляющих текст идеальных его элементов, значений.

Успешное восприятие текста, означающее в итоге понимание содержания текста, не всегда означает успешное осмысление функции текста в акте языковой коммуникации. Напомним, что текст является лишь промежуточным продуктом речемыслительной деятельности коммуникантов для решения ими неречевой задачи общения. Содержание текста не всегда прямо реализует целеустановку адресанта. Пропозиция не всегда совпадает с presupпозицией. Например, фраза «Я приеду завтра» может при

разных условиях акта речевой коммуникации являться сообщением о факте, обещанием совершить это действие или угрозой совершить определенные поступки после этого действия. Для правильной интерпретации смысла, вкладываемого адресантом в содержание текста, адресату должны быть известны нормы речевого поведения, действующие в данном социокультурном обществе, индивидуальные склонности адресанта в оформлении его мыслей и чувств, обстоятельства порождения высказывания, которые могут обусловить необходимость употребления адресантом завуалированной формы своих неречевых намерений и т. д. Для переводчика важно правильно интерпретировать смысл содержания текста оригинала, чтобы обеспечить именно ту реакцию иноязычного адресата, речевую и поведенческую, на которую рассчитывает адресант. В противном случае это может привести к весьма нежелательным и даже анекдотичным результатам. Так, например, произошло с начинающим переводчиком, который сопровождал араба, приехавшего в Московский университет на Воробьевых горах. Переводчик с арабом стояли у дверей лифта. Двери лифта открылись, а в этот момент мимо проходила какая-то студентка. Заметив, что мужчины не входят в лифт, она на ходу бросила, улыбнувшись: «Я живу на первом этаже». Араб попросил перевести то, что она сказала. Каково же было удивление переводчика, когда он, переведя содержание реплики, услышал вопрос араба: «А когда мы к ней пойдем?» Перевести же следовало фразу не как предложение совершить визит после того, как был дан адрес, а как форму вежливого отказа воспользоваться лифтом: «Я не еду, мне на первый этаж».

Следовательно, чтобы понять текст с точки зрения его функции в акте двуязычной коммуникации, переводчик должен: уяснить содержание текста; определить коммуникативные и прагматические цели, которые адресант преследовал, оформляя свою речемыслительную деятельность в данных материальных знаках языка и речи; уточнить функционально-стилистические особенности текста; вновь вернуться к составляющим текст материальным и идеальным элементам в их неразрывной связанности, с тем чтобы во второй фазе своей профессиональной

деятельности не утратит важных для акта коммуникации отдельных сем значений.

Только после такого осмысления текста оригинала переводчик имеет основания перейти к созданию текста перевода, руководствуясь знанием функций текста в сопоставлении с функциями экстралингвистических факторов акта двуязычной коммуникации. Текст перевода не должен стать формально точным слепком с материальных и идеальных элементов текста оригинала, которые переводчик располагает в линейной последовательности с соблюдением грамматических норм языка перевода. *Текст перевода — самостоятельное речевое произведение, создаваемое переводчиком на основании лингвосоциокультурных норм вербального общения, действующих в том обществе, к которому принадлежит получатель текста перевода.*

Дополнительная литература

1. *Е. В. Сидоров.* Основы системной концепции текста. Автореферат дисс. д-ра филолог. наук. М., 1986. С. 31–35.
2. *А. Д. Швейцер.* Перевод и лингвистика. М., 1973.

5. ТЕКСТ В ПЕРЕВОДЕ

(функциональный аспект)

Целочастная характеристика системы акта речевой коммуникации. Текст и каналы информации. Прагматическая ориентация текста. Теория уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова.

1. Целочастная характеристика системы акта речевой коммуникации

Работа переводчика с текстом оригинала и текстом перевода зависит от той функции, которую система текста выполняет как элемент надсистемы акта речевой коммуникации. В этом качестве текст как элемент вовлекается в сложные системно-структурные отношения с другими элементами надсистемы. Элементами этой надсистемы являются прежде всего участники коммуникации, каждый из которых также системен и обладает определенными качествами, и ситуация общения. Акт речевой коммуникации, в свою очередь, включается как элемент в надсистему совместной деятельности.

Иерархически организованная сложная системность общения людей превращает процесс понимания и порождения текста в переменную функцию, которая зависит от множественных факторов. Некоторые из этих факторов стали предметом исследования ряда отечественных и зарубежных ученых, занимающихся теорией перевода.

2. Текст и каналы информации

Процесс перевода как *система* опосредованной двуязычной коммуникации формируется и функционирует в надсистеме совместной деятельности разноязычных монолингвов. Поскольку в основной своей части перевод является психологическим, или психосемантическим, процессом, то понимание текста оригинала, «отмысливание» его от форм исходного языка и выбор формы языка перевода зависят от способности переводчика учесть весь объем информации, которая передается в двуязычном акте коммуникации по текстовым и нетекстовым каналам. Впервые в теории перевода этот вопрос был разработан известным отечественным ученым Рюриком Константиновичем Миньяром-Белоручевым. Среди нетекстовых каналов передачи информации в двуязычном акте коммуникации им выделяются:

- канал *реальной ситуации*, или *референтной* ситуации, т. е. той ситуации, которая описывается в тексте;
- канал *речевой* ситуации, т. е. той обстановки, в которой происходит вербальное общение;
- канал эвристических качеств общающихся субъектов.

В его работах были рассмотрены два блока проблем, связанных с каналами информации: 1) соотношение системы текста и ситуаций надсистемы двуязычного акта коммуникации и 2) соотношение системы текста и эвристических качеств общающихся субъектов.

В первом случае исследовалась связь между особенностями текста и особенностями реальной и речевой ситуаций. Практика перевода обнаруживает, что между характером реальной ситуации и описанием ее в тексте (содержанием текста) существует зависимость особого рода. Реальная ситуация может быть постоянно повторяющейся в общении людей, стандартизированной. Со временем обозначение стандартной ситуации закрепляется в вербальном общении за стандартной формой высказывания. Высказывания такого рода часто встречаются в регламентированных

официальной жизнью ситуациях: вручение верительных грамот, открытие сессий и конгрессов, выражение соболезнования, поздравления и т. п. Такие высказывания идентифицируют определенную тему, поэтому их собственная, семантическая, информационная ценность стремится к нулю. Соотношение семантической и ситуационной информации в высказываниях подобного типа — *тематических* — может быть выражена отношением 1:0 (к нулю приближается ценность семантической информации, к единице — ситуационная).

Поскольку стандартизованные реальные ситуации в каждом языке имеют национально маркированные способы выражения, перевод тематических высказываний сводится к передаче ситуационной, а не семантической информации. Например, арабское выражение *السلام عليك* по ситуации равно русскому «Здравствуй(те)!\», а по семантике — «Мир тебе (Вам)!».

Другой тип высказываний, который преимущественно встречается в диалогической речи, используется для обозначения достаточно часто встречающихся ситуаций и в условиях, когда ситуация общения коммуникантов позволяет озвучивать только рематическую часть реплик. Так, войдя в комнату, где по телевизору передается репортаж футбольного матча между командами «Спартак» и «Динамо», человек спрашивает сидящего у телевизора приятеля:

— Сколько?

И получает ответ:

— Ноль: ноль.

«Смысловая скважина», которая возникла и в вопросе, и в ответе (о чем идет речь? если о счете в игре, то в какой? между кем и кем? где она происходит?) не помешала успеху коммуникации, так как оба собеседника знали, о чем идет речь, из внешних условий, в которых проходил акт коммуникации.

Семантическая информация в таких высказываниях совпадает с целью коммуникации, а соотношение семантической и ситуационной информации может быть выражено отношением 1:1.

Выражения этого типа называются *целевыми*.

Перевод целевого высказывания должен осуществляться таким образом, чтобы обеспечить сопряжение смысла, заложенного в текст адресантом, с тем смыслом, который возникает у иноязычного адресата после получения им текста перевода. Ради выполнения этой задачи переводчик может изменять соотношение семантической и ситуационной информации в тексте перевода по сравнению с тем соотношением этих двух видов информации, которое было в тексте оригинала.

Наконец, существует третий тип высказывания, в котором описывается реальная нестандартная ситуация, а речевая ситуация, в которой происходит акт общения, не обеспечивает передачи информации по нетекстовым каналам. В высказываниях этого типа семантическая информация имеет настолько большее значение по сравнению с ситуационной, что соотношение может быть представлено как отношение 0:1 (к нулю стремится ситуационная информация). Такие высказывания называются *информативными*. К информативным высказываниям относится большинство высказываний текстов газетной публицистики, авторской речи в художественной литературе и т. п. Перевод информативного высказывания почти целиком сводится к переводу семантической информации последнего.

Реальные тексты содержат высказывания разных типов, но при этом почти всегда удается выделить один доминирующий тип, который позволяет определить весь текст как тематический, целевой или информативный.

Во втором случае рассматривалась связь особенностей информации, передаваемой по текстовому каналу информации, и эвристических особенностей разноязычных коммуникантов. Р. К. Миньяр-Белоручев предложил классифицировать тексты (высказывания), что называется, изнутри. Он ввел особое понятие *типа информации*, передаваемой по текстовому каналу, исходя из оценки эвристической работы сознания коммуникантов. При этом исследуется распределение различных типов информации в линейной последовательности текста.

Такой подход к тексту основан на известном в лингвистике явлении *избыточности языка и речи*.

Само понятие избыточности заимствовано из теории информации, где избыточность трактуется как «разность между теоретически возможной передающей способностью какого-либо кода и средним количеством передаваемой информации. Избыточность выражается в процентах к общей передающей способности кода»¹. По данным Р. Г. Пиотровского, в русских литературных текстах избыточность близка к 75 %, а в научно-технических она достигает 85–90 %².

Избыточность создает необходимые условия передачи и приема информации, так как обеспечивает работу мозговых центров в режиме «накопление информации — формирование смыслового целого — понимание смысла». Органы наших чувств воспринимают речь, а соответствующие центры мозга перерабатывают ее не непрерывно, а путем накопления некоторых порций с последующим осмыслением накопленного и интеграции осмысленного в более крупные кванты информации. Избыточность способствует надежности коммуникации и в неблагоприятных условиях общения, выполняя функцию «службы безопасности». Если бы язык не обладал этим качеством, он мог бы функционировать только в идеальных условиях, а при торопливой речи, в шумной комнате, при затруднениях речемыслительной деятельности коммуникантов (например, при отсутствии четкости мысли у Источника или при недостаточной компетенции Реципиента) речевой канал переставал бы быть надежным каналом передачи информации. Избыточность как своеобразный fool proof («информация для дурачка») не только помогает адресату понять текст, но помогает и адресанту, так как позволяет последнему, допуская повторы, перефразируя уже сказанное, обдумать в этот промежуток времени свой следующий речевой поступок, справиться с волнением, добиться большего внимания адресата и т. д.

В данной классификации вся информация, содержащаяся в тексте, подразделяется на пять типов:

¹ Глиссон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959. С. 362.

² Пиотровский Р. Г. Информационные изменения языка. Л., 1968. С. 59–62.

1. *уникальная*, или *ключевая*, информация;
2. *дополнительная* информация;
3. *уточняющая* информация;
4. *повторная* информация;
5. *нулевая* информация.

Уникальной, или ключевой, информацией называется информация, которая не может быть подсказана ни ситуацией, ни контекстом. Например, в следующем тексте ключевую информацию несут 12 слов из 23:

عمان — أش أ — ذكرت الأنباء الواردة من الاراضي المحتلة
أنه قد ظهرت في مدينة القدس عشر إصابات بالكوليرا اثنتان
منها خطيرة

Дополнительной называется информация, которая может быть подсказана ситуацией, контекстом или логикой высказывания. Например, такую информацию несет в выше приведенном тексте слово *مدينة* — город или аббревиатура *أش أ* — Ближневосточное информационное агентство, агентство МЕНА.

В зависимости от компетенций адресатов один и тот же элемент текста может нести либо дополнительную (для более подготовленного получателя текста), либо ключевую (для менее осведомленного). Так, в тексте

وصلنا أمس الى سفارة الامارات العربية المتحدة في الجيزة

подчеркнутое словосочетание передает ключевую информацию тому, кто не знает, что посольства в Каире располагаются в этом районе, в районе Гизы, и дополнительную тому, кто хорошо знает этот город.

Уточняющей называется информация, которая составляет часть информации, содержащейся в другой единице текста. Уточняющую информацию нужно отличать от дополнительной информации, хотя на первый взгляд они очень похожи. Если дополнительная информация вносит что-то новое для некоторых адреса-

тов, то уточняющая ничего нового не несет, как это произошло, например, со словом **يوجوسلافيا** в следующем сообщении:

وصل الى العصيمة اليوجوسلافية بعد ظهر أمس وزير
الخارجية المصري في زيارة رسمية ليوجوسلافيا تستغرق
ثلاثة أيام

Повторной информацией называется информация, уже переданная в тексте этими же единицами текста, но в другом месте.

Наконец, *нулевую информацию* несут единицы текста, лишенные семантической информации, — различного рода исправления и оговорки, а также так называемые пустые слова и нейтральные речения.

Ценной в коммуникативном отношении признается уникальная информация, и по ее объему определяется *информативность* текста.

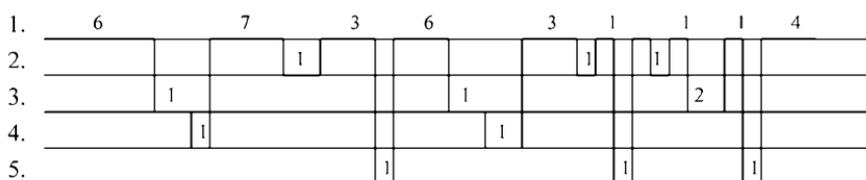
Р. К. Миньяр-Белоручев предложил методику исчисления коэффициента информативности текста. Она состоит из следующих последовательных действий:

- смысловая сегментация текста, которая состоит из выделения речевых отрезков, несущих законченную смысловую информацию;
- определение количества смысловых сегментов в тексте;
- определение коммуникативной ценности информации в каждом смысловом сегменте, при этом выделяется одна доминирующая информация;
- подсчет сегментов с ключевой и сегментов с прочей информацией;
- выведение коэффициента информативности путем деления числа сегментов, несущих ключевую информацию, на общее число сегментов;
- построение графика распределения информации в тексте.

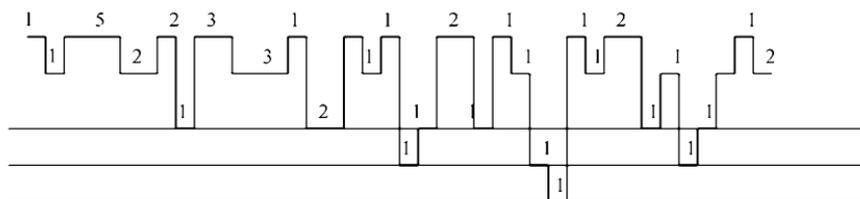
График распределения информации в тексте строится следующим образом. Каждый сегмент обозначается равным отрезком прямой и располагается последовательно на соответствующей строчке нотного стана.

Как показали проведенные исследования, тексты всегда содержат различные виды информации. Сегменты уникальной информации чередуются с сегментами, несущими прочую информацию, причем число сегментов уникальной информации следует подряд не более семи раз. Этот факт подтверждает мнение ученых, занимающихся теорией информации, о том, что объем накопления информационного кванта исчисляется формулой 7 ± 2 . Среднее число сегментов с уникальной информацией примерно равняется в текстах числу сегментов с прочей информацией.

Графики распределения информации в тексте свидетельствуют о неравномерности распределения информации. Вот так, например, выглядит графическая схема распределения информации в арабском тексте спортивной хроники (коэффициент информативности = 0,7 %):

А так выглядит графическая запись распределения информации в арабском тексте информационного характера — сообщении о визите (коэффициент информативности = 0,48 %):

Анализ текста, осуществленный по этой методике, таит в себе большие возможности как для теории и практики перевода, так и для языкознания, особенно сопоставительного языкознания.

Во-первых, выведение коэффициента информативности текста позволяет заранее определить информативную роль текста в коммуникации, а также оценить степень и характер трудности

его перевода. Соответственно уже заранее можно судить о стратегии будущих действий переводчика и предъявляемых требований к нему. Например, перевод текста, включающего перечень импортных товаров (высокий коэффициент информативности), требует хорошего знания лексических соответствий, и только. Напротив, перевод поэтического текста (низкий коэффициент информативности) исключительно сложен, так как требует от переводчика творческого соавторства с иноязычным поэтом.

Во-вторых, анализ графиков распределения информации в текстах обнаруживает закономерности линейного развертывания текста, как общие для всех языков, так и имеющие национальный характер. Анализ графиков, что особенно важно для устных видов перевода, наглядно свидетельствует о том, что в разных языках место рематической уникальной информации в высказывании нормативно не совпадает. Например, если в русском информационном высказывании рематическая уникальная информация помещается, как правило, в конце, после сегментов, несущих дополнительную информацию, то в арабском высказывании ее место закреплено в начале высказывания.

В-третьих, изучение смысловых сегментов, несущих ключевую информацию в тексте оригинала и тексте перевода, дает возможность определить синтаксический аспект значения отдельных частей речи в сравниваемых языках. Например, арабский масдар проявляет гораздо большую активность в синтаксических построениях по сравнению с русским отглагольным именем существительным.

В-четвертых, представляется перспективным сравнительное изучение однотипных текстов для изучения стилистических особенностей сравниваемых языков.

Следует отметить, что данная теория была разработана Р. К. Миньяром-Белоручевым прежде всего для устных форм перевода.

3. Прагматическая ориентация текста

Другой подход к определению функции текста в акте двуязычной коммуникации был предложен немецким ученым Аль-

бертом Нойбертом. В основу этого подхода положена оценка ориентации текста на определенного адресата.

А. Нойберт выделяет 4 типа текстов в зависимости от того, на носителя какого языка (или каких языков) объективно или субъективно ориентирован текст. По мнению А. Нойберта, все тексты оригинала могут быть по этому принципу поделены на:

- 1) тексты, ориентированные на носителя *исходного языка*;
- 2) тексты, ориентированные на носителя *языка перевода*;
- 3) тексты, занимающие *промежуточное положение*, т. е. адресованные в первую очередь носителю исходного языка, однако не только ему, но и носителям любых других языков;
- 4) тексты, *не имеющие языковой ориентации*.

К текстам *первой группы*, по классификации Нойберта, относятся материалы местной прессы, реклама, рассчитанная на местный рынок, и т. п. Эти тексты в полной мере отражают особенности жизни и быта языкового коллектива и предполагают, что адресат текста является представителем этого коллектива.

Примером текстов *второго типа* могут служить различные информационно-пропагандистские тексты, рассчитанные главным образом на то, чтобы передать информацию иностранным адресатам и вызвать у них определенную реакцию.

В *третью группу* входят произведения художественной литературы, имеющие общечеловеческую значимость.

Наконец, к *четвертой группе* относятся научные тексты, адресованные ученым различных стран, в равной степени знакомым с терминологией данной научной области и владеющим более или менее равным объемом информации.

Характер задач переводчика меняется в зависимости от того, с текстом какого типа он работает. Наиболее сложными его задачи будут при переводе текстов первого типа, рассчитанных на получателей, которые не просто знакомы с языком, но, как говорится, живут в его атмосфере, знают стереотипы, бытующие в национальном социуме и связанные как с реальной жизнью, так и с миром языковых обозначений явлений этой жизни. Не случайно, что именно с переводом подобных текстов связано так много

переводческих «ляпов», как, например, анекдотичная ошибка молодого переводчика, который перевел текст транспаранта, вывешенного на улице Триполи **الفتاح أبدا**, как *Работает круглосуточно* (букв.: Открывающий всегда), тогда как текст означал лозунг *Да здравствует Революция первого сентября!*

Самым легким для перевода считаются тексты второго и четвертого типов, конечно при условии, что переводчик владеет терминологией и предметом перевода.

Трудности перевода текстов третьей группы варьируются в зависимости от языковых особенностей оформления смысла и в конкретном тексте, однако перевод текстов художественной литературы всегда требует от переводчика высокой языковой компетенции, а также тонкого чувства языка перевода.

Непременным компонентом перевода текстов первого и третьего типов является *прагматическая адаптация* исходного текста. Прагматическая адаптация есть внесение в текст перевода поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между разноязычными адресантом и адресатом. Ограничимся лишь одним примером, когда переводчик произвел прагматическую адаптацию, заменив арабскую метафору русским образным выражением:

فذهلت للفارق الهائل بينهما مثل الفارق بين ملاك وشيطان
(نجيب محفوظ)

(Букв.: Удивился я той ужасной разнице между этими двумя, подобно разнице между ангелом и шайтаном.)

Я удивился огромной разнице между этими людьми. Ну, прямо небо и земля.

Проведенная адаптация позволила переводчику использовать форму, которая в сознании русского получателя более привычно кодирует данную ситуацию. В то же время переводчик не отказался от арабского образного выражения полностью, так как он сохранил его смысловое ядро (небо — место обитания ангелов,

земля — место, где чаще хозяйничает нечистая сила) и тем самым сохранил ассоциативную связь между арабской и русской формами кодирования ситуации.

Прагматическая ориентация имеет большую объясняющую силу во всех формах перевода.

4. Теория уровней эквивалентности **В. Н. Комиссарова**

Особое место в классификации текстов по основанию их функциональной роли в акте двуязычной коммуникации занимает теория уровней эквивалентности, предложенная Виленом Наумовичем Комиссаровым. По сути дела, это не классификация текстов оригинала, а сопоставление функций системных уровней текстов перевода и оригинала в акте двуязычной коммуникации.

В рамках этой теории каждый текст рассматривается как функционирующий объект, обладающий собственными способами передачи лингвистической и экстралингвистической информации с учетом прагматики переводческой ситуации общения.

Информация, передаваемая текстом, распределяется по пяти *уровням*. Выделяются следующие уровни:

1. *уровень знака*;
2. *уровень выражения*;
3. *уровень сообщения*, или *уровень описания* ситуации;
4. *уровень ситуации*;
5. *уровень коммуникативной цели высказывания*.

Информацию *уровня знака* составляет информация о значении отдельного слова; *уровня выражения* — информация о содержании высказывания как минимальной коммуникативной единицы, в которое входят актуализированные семы значений составляющих его слов, информация о реме-тематических и предикативных структурах и информация о наличии устойчивых сочетаний строго определенных единиц речи; *уровня сообщения* — информация о глубинной структуре высказываний, в которой

представлены лишь семантически релевантные характеристики, и только они; *уровня ситуации* — информация о реальной ситуации, описанной в тексте; *уровня коммуникативной цели высказывания* — сообщение об интенциях адресанта.

Адресант синтезирует в языковых и речевых знаках текста свои коммуникативные намерения. Адресат анализирует текст в определенных условиях речевого общения между ним и адресантом. При этом оба располагают сопрягающимися качествами языкового и неязыкового характера.

Таким образом, информация, которую передает адресант и которую должен извлечь адресат, рассматривается автором теории уровней эквивалентности на двух *лингвистических уровнях* (уровни знака и выражения), одном *промежуточном, психолингвистическом* (уровень сообщения) и двух *неязыковых* (уровень ситуации и уровень коммуникативной цели высказывания). Последние два уровня отражают в тексте объективную внеязыковую реальность окружающего мира и намерения отправителя текста (сообщить факты, выразить свои чувства и эмоции, побудить получателя текста к определенным речевым и неречевым действиям, получить от него сведения о каких-либо событиях и фактах и т. д.).

Цель коммуникации рассматривается как цементирующее начало, которое объединяет все уровни текста в некую систему, где существует иерархия отношений: уровень знака подчиняется всем остальным уровням, уровень высказывания — уровням сообщения, ситуации и цели высказывания и т. д. Вступая в сложные отношения взаимообусловленной зависимости с другими информационными пластами при общей подчиненности коммуникативной цели высказывания в рамках текста, информативные запасы различных уровней создают сложное смысловое целое.

Было высказано предположение о том, что акт речевой коммуникации осуществляется по предложенному алгоритму. Для адресанта алгоритмом является постепенный переход от цели высказывания к образу реальной ситуации, затем к конструированию психосемантического образа будущего высказывания, которые развертываются в линейную цепочку определенных знаков

языка и речи, обладающих значениями. Для адресата алгоритм действий направлен в противоположную сторону — от значения знака до уровня цели высказывания. Предполагалось, что переводчик осуществляет свою деятельность в ее первой и второй фазах по тем же алгоритмам.

Модель переводческих действий, представленная в Теории уровней эквивалентности, послужила толчком для развития многих направлений общей теории перевода.

Дополнительная литература

1. *Р. К. Миньяр-Белоручев*. Учебное пособие по теории перевода. М., 1976. С. 34–50.
2. *В. Н. Комиссаров*. Слово о переводе. М., 1977. С. 61–74.
3. *Н. Д. Финкельберг*. Теория перевода арабского языка. М., 1977. С. 82–132.

6. КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПЕРЕВОДА

Адекватность перевода. Буквальный и вольный перевод. Единица перевода. Норма в переводе. Инвариант в переводе.

Оценки качества перевода и советы по улучшению этого качества давались задолго до возникновения теории перевода. Рассуждения о переводе отмечены в текстах, принадлежащих перу Цицерона, Сервантеса, Петра I, Ф. Энгельса, К. И. Чуковского и многих других известных людей, которые либо сами занимались переводом, либо анализировали чужие переводы.

Первая попытка определить критерии оценки перевода в логико-понятийных категориях была предпринята еще тогда, когда переводоведение воспринималось как прикладная наука в рамках общего языкознания.

Был введен термин *адекватность* («соответствие», «соответственность», «соразмерность») перевода. В изданной в 1934 году Литературной энциклопедии А. А. Смирнов так определял адекватный перевод: «Адекватным мы должны признать такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определенного идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя с соблюдением по мере возможности (путем точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов (подстановок)) всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т. п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта. Несомненно, что при этом приходится кое-чем жертвовать, выбирая менее существенные элементы текста»¹.

¹ Литературная энциклопедия. Т. 8. Л., 1934. С. 527.

Несмотря на то что А. А. Смирнов дал обстоятельный перечень признаков адекватности и оговорил подчинение использования литературных средств основной задаче («общему эффекту»), в предложенной им формулировке есть неопределенности («намерения») и известная половинчатость: отклонение от оригинала («необходимость кое-чем жертвовать») упоминалось лишь в порядке оговорки, как бы исключения из правила.

В 50-е годы автор первой монографии по теории перевода А. В. Федоров предложил заменить термин «адекватность» термином «полноценность» и дал свое определение полноценности перевода: «*Полноценность* перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»¹. Тогда же он отметил, что «жертвы, в действительности, не противоречат принципу полноценности, а прямо предполагаются им. Перевод — это не просто механическое воспроизведение всей совокупности элементов подлинника, а сложный сознательный отбор различных возможностей их передачи. Таким образом, исходной точкой можно считать целое, представляемое оригиналом, а не отдельные его элементы»².

Были определены два вида отклонения от полноценного перевода: *буквальный* перевод, для которого характерно воспроизведение в переведенном тексте формальных и семантических компонентов исходного текста, даже если это нарушает нормы языка перевода, и *вольный* перевод, т. е. перевод общего смысла без учета формальных и семантических компонентов исходного текста.

Позже Л. С. Бархударов предложил определять буквальный, вольный и адекватный переводы исходя из классификации единиц перевода разных языковых уровней.

Единицей перевода признавалась такая языковая единица в исходном тексте, «которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не

¹ Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 127.

² Там же. С. 127.

имеют соответствий в тексте перевода»¹. В качестве единицы перевода Л. С. Бархударов предложил основные лингвистические единицы:

- *фонема* (например, русское слово *перестройка* на фонемном уровне переводится как *بيرىستروىكا*);
- *морфема* (то же слово *перестройка* переводится как слово, состоящее из приставки *пере-* и основной части *стройка* — *إعادة البناء*, т. е. словосочетанием двух масдаров *возвращение, повтор и построение*);
- *слово* (когда используется устойчивое соответствие, фиксированное в двуязычном словаре, например *книга* — *كتاب*);
- *словосочетание* (например, русское словосочетание *комендантский час* переводится арабским словосочетанием, в котором слова переводятся не словарными соответствиями, а теми, которые для арабского адресанта передадут тот же смысл, что и русский термин: *حظر التجول* — букв. «запрещение прогулок»);
- *предложение* (например, арабский вопрос *وما وراءك* — букв. «И что за тобой?» — переводится как тематическое высказывание: *Чего ты хочешь?*);
- *текст* (например, русская поговорка *Двум смертям не бывать, а одной не миновать* переводится арабской поговоркой *العمر واحد والرب واحد* с буквальным значением «Жизнь одна, и Господь один».).

Качество перевода было предложено оценивать в зависимости от правильности выбора единицы перевода, а именно:

- адекватным переводом следует считать перевод, осуществляемый на уровне необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм языка перевода;

¹ Бархударов Л. С. Указ. соч. С. 175.

- буквальным переводом следует считать перевод, осуществляемый на более высоком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм языка перевода (например, если словосочетание переведено на уровне слова, а не на уровне словосочетания);
- вольным переводом следует считать перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм языка перевода (например, если словосочетание переведено на уровне текста, а не на уровне словосочетания).

Подобные определения качества перевода, выработанные в рамках лингвистической парадигмы переводоведения, имели слабую порождающую силу для выработки переводческой стратегии, поскольку в определении критериев оценки отражалась переоценка текстового канала информации и переоценка роли текста в акте двуязычной коммуникации. Кроме того, предлагаемые критерии оценки деятельности переводчика вырабатывались, по сути дела, только на материале зрительно-письменного перевода.

Свой взгляд на факторы, определяющие стратегию и тактику деятельности переводчика и служащие критерием оценки этой деятельности, предложил В. Н. Комиссаров. Этими факторами являются: 1) степень смысловой близости перевода оригиналу; 2) стилистический тип оригинала, а также 3) дополнительные прагматические задачи конкретного акта перевода. Соответственно, норма адекватного перевода может рассматриваться, по Комиссарову, как результат взаимодействия по меньшей мере пяти нормативных требований различного вида:

1. Норма эквивалентности перевода.
2. Жанрово-стилистическая норма перевода.
3. Норма переводческой речи.
4. Прагматическая норма перевода.
5. Конвенциональная норма перевода.

В. Н. Комиссаров развел понятия «адекватный перевод» и «эквивалентный перевод». Под адекватным переводом он пред-

ложил понимать «перевод, который обеспечивает необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях»¹. Термином эквивалентность обозначается «смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи»². Под содержанием оригинала предлагалось понимать «всю совокупность информации, содержащейся в тексте, включая эмотивные, стилистические, образные, эстетические и тому подобные функции языковых и речевых знаков»³.

Вышеперечисленные нормативные установки определялись следующим образом.

Норма *эквивалентности перевода* есть необходимость возможно большей общности содержания оригинала и перевода, но лишь в пределах, совместимых с другими нормативными требованиями, обеспечивающими адекватность перевода.

Жанрово-стилистическая норма есть требование соответствия перевода доминантной функции и стилистическим особенностям типа текста, к которому принадлежит текст перевода. Выбор соответствия такого типа определяется характером оригинала, а стилистические требования, которым должен отвечать текст перевода, должны соответствовать нормативным правилам, характеризующим тексты аналогичного типа в языке перевода. Другими словами, эта норма перевода является как бы двояко-ориентированной, причем наиболее существенной является ориентация на язык перевода.

Норма *переводческой речи* есть требование соблюдать правила нормы и узуса языка перевода с учетом узуальных особенностей переводных текстов на этом языке. Речь идет о слабо изученном явлении перехода лингвокультурных стереотипов одного языка в лингвокультурные стереотипы другого языка при межъязыковых контактах. В результате совокупность переводных текстов с какого-либо языка превращается в особую разновидность языка перевода, которая пересекает его функциональные стили и другие

¹ Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980. С. 152.

² Там же.

³ Там же.

разновидности, модифицируя характер использования языковых средств.

Прагматическая норма есть некоторая прагматическая сверхзадача, своего рода суперфункция, подчиняющая все остальные аспекты переводческой нормы. Во имя решения этой задачи «переводчик может отказаться от максимально возможной эквивалентности, перевести оригинал лишь частично, изменить при переводе жанровую принадлежность текста, воспроизвести какие-то формальные особенности оригинала, нарушая норму или узус языка перевода, и т. п.»¹.

Соблюдение прагматической нормы может в особых случаях привести к отказу от перевода текста и замене перевода «пересказом, рефератом или каким-либо иным видом передачи содержания оригинала, не претендующим на его всестороннюю репрезентацию»².

Конвенциональная норма — это требования, предъявляемые к переводу в определенный исторический период. Современная конвенциональная норма, по Комиссарову, есть «требование максимальной близости перевода к оригиналу, его способность полноценно заменять оригинал, как в целом, так и в деталях, выполняя задачи, ради которых перевод был осуществлен. Практически это требование реализуется путем выполнения всех или некоторых из указанных норм»³.

Было отмечено, что между нормативными требованиями к переводу существует иерархия — от прагматической нормы к норме эквивалентности перевода, причем отмечалось (хотя и с выражением «как это ни парадоксально»), что в практике перевода наименее обязательным требованием является выполнение нормы эквивалентности перевода. Забегая вперед, отметим, что при переводе с арабского языка на русский отказ от выполнения нормы эквивалентности является скорее правилом, чем парадоксом.

¹ Комиссаров В. Н. Указ. соч. С. 154.

² Там же.

³ Колесников В. Н. Указ. соч. С. 156.

Предложенная точка зрения на стратегию и тактику деятельности переводчика, а также на критерии оценки его деятельности означала шаг вперед по сравнению с предшествующими теоретическими воззрениями. С большей точностью были определены понятия адекватности и эквивалентности, причем адекватность уже практически выводилась за рамки собственно текстовой проблематики в более широкий круг проблем, связанных с актом двуязычной коммуникации, хотя по-прежнему вне поля зрения оставались главные участники двуязычной коммуникации, которые рассматривались как внешние факторы относительно главного объекта научных интересов — текста. Поэтому предложенная схема не имела достаточной объясняющей силы, оставаясь главным образом методикой, позволяющей проиллюстрировать текстовой результат деятельности переводчика. Теоретическое обоснование, которое имело бы право считаться соответствующим объекту исследования, могло появиться только тогда, когда перевод начал рассматриваться в своем деятельностно-системном виде.

Оформлению деятельностно-системной парадигмы переводоведения и появлению новых теоретических постулатов предшествовало появление нескольких работ, в которых при определении стратегии и тактики переводческой деятельности, а также при оценке ее результатов во главу угла ставились *психические процессы*, протекающие в сознании участников двуязычной коммуникации.

Первым в отечественном переводоведении эту проблему поставил Г. М. Стрелковский, им же был введен в научный обиход теории перевода термин «*инвариант*». Термин трактовался в нескольких формулировках:

- «Инвариантом сообщения называется неизменная содержательная сущность сообщения при его преобразовании»¹;
- «Инвариант перевода — неизменное смысловое содержание текста, которое переходит от оригинала к трансляту в процессе перевода»²;

¹ Стрелковский Г. М. Перевод боевых документов бундесвера. М., 1970. С. 18.

² Там же. С. 19.

- «Инвариант — это такое абстрактное понятие, которое может лишь мысленно выделяться из конкретно существующих вариантов, сам же вариант материализоваться не может, любая его материализация превращает его в вариант»¹.

В последнем определении подчеркивается абстрактная сущность понятия инварианта, сущность, которая, с одной стороны, не может материализоваться, но, с другой стороны, ее присутствие осознается каждым переводчиком в процессе его работы.

С наибольшей очевидностью реальность инварианта ощущается в зрительно-письменном виде перевода, так как именно письменный переводчик имеет возможность детально анализировать текст оригинала и передавать его содержание с максимальной полнотой. Свою деятельность он корректирует по двум направлениям. Во-первых, он руководствуется *общим* смысловым впечатлением, которое складывается от прочтения всего текста в контексте реальной ситуации. Нельзя переводить до тех пор, пока не сложилось этого впечатления. Известная русская поэтесса Марина Цветаева, которая много занималась переводами, говорила: «Обольщусь сутью, форма сама придет».

Во-вторых, начав работу со знаками оригинала и переводного текста, переводчик постоянно осуществляет проекцию своей рациональной деятельности на нечто чувственное по своей природе, симультанное нечто, которое, не будучи выражено, все же сохраняется в тексте перевода, если работа выполнена успешно.

Понятие инварианта реализуется также и в устных видах перевода, но там инвариант осознается переводчиком в других условиях и под влиянием иных детерминантов (характер речевой ситуации, межличностные отношения коммуникантов и т. п.). Именно экстралингвистические факторы в большей степени, чем сам текст, создают чувственное впечатление о том, что должно быть сохранено от исходного текста и в какой форме выражено в тексте перевода.

¹ Там же. С. 51.

Инвариант не имеет протяженности, он симультанен и имеет не логически-понятийную, а чувственную природу. Его нельзя ассоциировать ни с содержанием текста, ни со смыслом, но он связывает содержание и смысл, образуя с ними неразрывное целое.

Как уже отмечалось выше, смысл может совпадать с содержанием полностью, может совпадать лишь частично и может совсем не совпадать. Чем глубже «запрятан» смысл, чем труднее связать пропозицию с пресуппозицией, тем больше усилий приходится делать переводчику, чтобы осознать инвариант текста.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. Один из лучших наших переводчиков, Л. Гинзбург, в своем романе-эссе «Разбилось лишь сердце мое» рассказал о двух вариантах сделанного им перевода средневековой немецкой баллады о событиях тридцатилетней войны в Германии. Между первым и вторым вариантами прошло 15 лет. В эти годы ему пришлось пережить большое личное горе, что, как нередко бывает, сделало его более отзывчивым на чужую боль и чужое страдание. Он другими глазами прочел немецкий текст, написанный очевидцем тех далеких кровавых событий, и переписал свой перевод, найдя более сильные изобразительные средства, которые передают ужас и гнев человека при виде врага, бесчинствующего в его родной стране. Сравните эти два перевода.

Вариант первый.

Мы все еще в беде, нам горше, чем доселе.
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч
Похитили наш труд, вконец нас одолели.
В руинах города, соборы опустели.
В горящих деревнях звучит чужая речь.
Как пересилить зло? Как женщин оберечь?
Огонь, чума и смерть... И сердце стынет в теле.
О скорбный край, где кровь потоками течет!
Мы восемнадцать лет ведем сей страшный счет.

Забиты трупами отравленные реки.
Но что позор и смерть, что голод и беда,
Пожары, грабежи и недород, когда
Сокровища души разграблены навеки?!

Вариант второй.

Мы все еще в беде. Нам боль сердца буравит.
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч,
Все жрет наш хлеб, наш труд, сей суд неправый правит.
Враг наши церкви жжет. Враг нашу веру травит.
Стенает ратуша!.. На пагубу обречь
Посмели наших жен!.. Кому их оберечь?..
Огонь, чума и смерть... Вот-вот нас жизнь оставит.
Здесь каждый божий день людская кровь течет.
Три шестилетия! Ужасен этот счет.
Скопление мертвых тел остановило реки.
Но что позор и смерть, что голод и беда,
Пожары, грабежи и недород, когда
Сокровища души разграблены навеки?!¹

Обращает на себя внимание замечание Льва Гинзбурга о том, что изменения он делал скорее интуитивно, чем осознанно. Изменения затронули фонетику: в четвертой и пятой строках все фонетически «мягкие» слова оказались замененными словами с экспрессивным согласным «р», что усиливало эмоциональный эффект. Изменена синтаксическая семантика: эпические вопросы заменены гневными восклицательными предложениями. Чтобы сохранить первоначальную ориентацию текста немецкой баллады на массовую аудиторию, в текст перевода были введены разговорные обороты («каждый божий день»). Переводчик усилил и информацию о негативном будущем: вместо количественного числительного 18 появилось сочетание «три шестилетия», что усиливает впечатление — если 18, то в 19-й год можно ожидать

¹ Гинзбург Л. Разбилось лишь сердце мое // Новый мир. М., 1981. № 8.

и окончания войны, но если началось новое шестилетие, новый цикл, значит, следует еще переживать 5 лет страданий.

Проделанная переводчиком работа — блестящий пример проникновения в инвариант оригинала, которое он совершил, чувствуя огромную ответственность перед умершим автором оригинала.

Мысль о том, что интуиция, *чувство* предшествует осознанию причин, которые привели к переводческому поступку, высказывают многие переводчики. Это свидетельствует о том, что корреляция значения и смысла происходит на глубинных ярусах сознания, механизм работы которого еще далеко не познан человеком.

Попытки представить инвариант в логико-понятийных категориях приводит к появлению множественных дефиниций. Например, «инвариант — это информация, предназначенная для передачи»¹, или «инвариант перевода — функциональное содержание исходного сообщения, т. е. его смысловая сторона, как семантическая, так и прагматическая, определяемое коммуникативной установкой и функциональными характеристиками переводимого высказывания и соответствием между ними»². Всего в Толковом переводческом словаре Л. Л. Нелюбина приводится 6 дефиниций. Наиболее удачное толкование понятия инварианта дал А. Н. Крюков: «Инвариантом в переводе является *не* значение и *не* смысл, а *корреляция* (взаимопереход с уровня значения на уровень интенционального смысла, с него на уровень референтного смысла и обратно: значение — интенциональный смысл — референтный смысл — значение) значения и смысла»³.

Понятие инварианта как сенсорного фактора в определении действий переводчика и в оценке результатов его деятельности на этапе создания текста перевода близко взглядам на эту проблему американского ученого Юджина Альберта Найды. Найда предложил оценивать качество перевода не по сопоставлению

¹ Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М., 1994. С. 133.

² Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 271.

³ Крюков А. Н. Теория перевода. Курс лекций. М., 1979. С. 67.

формальных и смысловых структур двух текстов — оригинала и перевода, а на основе того, как их понимают получатели текстов оригинала и перевода. Им введено понятие динамической эквивалентности, которая противопоставлена формальному соответствию текста перевода тексту оригинала. «Динамическая эквивалентность — это свойство перевода, в котором содержание исходного сообщения передано таким образом, что реакция иноязычного получателя во всех существенных чертах соответствует реакции получателя сообщения на исходном языке»¹. В этой формулировке корректно отмечается, что реакции должны быть соответственными, а не тождественными, так как различия культурного, социального и психологического характера разноязычных коммуникантов делают невозможным обеспечение полного тождества реакций.

В рамках современной отечественной парадигмы переводоведения адекватность текста рассматривается в рамках выполнения переводчиком своей сверхзадачи — организации сопряженной деятельности двух разноязычных монолингвов, участвующих в акте коммуникации. Поэтому как текст в целом, так и его элементы по своим свойствам должны соответствовать возлагаемой на них функции знакового координирования совместной деятельности разноязычных субъектов. Пределы изменения этих свойств диктуются изменениями, происходящими на уровне свойств других элементов в соответствии с возрастающей коммуникативной значимостью этих элементов, лингвистических и экстралингвистических.

Переводчик выполняет свою функцию в соответствии с множеством факторов: социальным заказом, видом перевода, соотношением семантической и ситуационной информации в акте двуязычной коммуникации, типом текста оригинала и т. п. Текст не свободен от других составляющих акт двуязычной коммуникации. Поэтому адекватность текста напрямую зависит от функциональной роли текста в акте двуязычной коммуникации. В одних случаях адекватный перевод текста во всем объеме соблюдаемых

¹ Цит. по: Швейцер А. Д. Указ. соч. С. 75.

норм перевода (по Комиссарову) является главным условием выполнения переводчиком своей гиперфункции, в других — может помешать естественному общению разноязычных монолингвов. Выбор правильной стратегии и тактики действий входит в состав переводческой компетенции, которая требует от переводчика умений и оценить речевую ситуацию, в которой происходит двуязычный акт коммуникации, и определить допустимые в этих условиях вербальные действия.

Дополнительная литература

1. *А. Д. Федоров*. Основы общей теории перевода (лингвистический очерк). М., 1968. С. 144–155.
2. *А. Д. Федоров*. Основы общей теории перевода. М., 1983.
3. *А. Д. Швейцер*. Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 61–77, 239–270.
4. *В. Н. Комиссаров*. Лингвистика перевода. М., 1980. С. 145–157.
5. *Н. Д. Финкельберг*. Теория перевода арабского языка. Курс лекций. М., 1977. С. 132–142.
6. *Р. К. Миньяр-Белоручев*. Как стать переводчиком? М., 1994. С. 15–21, 24–28.
7. *Л. К. Латышев*. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). М., 1981.
8. *Л. Л. Нелюбин*. Толковый переводческий словарь. М., 2003.

7. ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА

Приемы перевода. Единица переводческого ориентирования. Типы соотношения разноязычных знаков, объективирующих в тексте сходные значения. Теория постоянных соответствий. Микроперевод и макроперевод.

1. Понятие «приемы перевода»

Приемами перевода называются *процедуры, обеспечивающие адекватное воспроизведение текста оригинала, т. е. конкретные действия и операции, которые вызваны трудностями перевода.* Приемы перевода осуществляются на уровне выбора нужных *материальных языковых и речевых знаков языка перевода.*

Знание приемов перевода входит в компетенцию переводчика и предполагает наличие у него умений и навыков материализовать понятые мыслительные сущности в таких языковых и речевых формах, которые обеспечили бы адекватное понимание этих сущностей получателем перевода.

Приемы перевода требуют от переводчика глубокого знания языка перевода: системы языка, нормы и узуса его речевых реализаций, знания национально-культурных стереотипов¹. «Самый

¹ Норма языковая — совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Узус — принятое употребление в речи отдельных лексических единиц или готовых фраз, входящее нередко в противоречие с языковой нормой. Стереотип — «единица языка, вызывающая на психовербальном уровне в сознании представителей определенной национально-культурной общности некоторый минимум сходных ассоциативных реакций

прозаический текст требует творчески-интуитивной работы над словом. Здесь не помогут ни грамматические, ни какие-либо иные познания... Обычно говорят, что переводчик: 1) должен знать иностранный язык; 2) должен знать реалии и 3) должен грамотно писать на своем языке. По-моему, наоборот: переводчик должен: 1) свободно и творчески владеть родным языком; 2) подробно и точно знать реалии и 3) глубоко вникать в язык переводимого текста... Знание иностранного языка — лишь третье условие профессии переводчика»¹. С этим мнением выражают согласие очень многие переводчики.

Переводчик не может передавать понятый им смысл оригинала в режиме неограниченной свободы, поскольку в понятие смысла частично входит и та форма, в которой этот смысл был выражен в тексте оригинала. Поэтому деятельность переводчика на этом этапе оказывается подчиненной «двойной лояльности»: с одной стороны, переводчик стремится сохранить информацию, которую несут «тела знаков» иностранного текста, а с другой стороны, он должен делать это, не нарушая норм родного языка. Переводчик должен подчиняться оригиналу, чтобы не допустить потерь и искажения информации о содержании оригинального текста, но это должно быть, по выражению А. Д. Швейцера, «цивилизованным рабством».

Стороннему наблюдателю данный этап деятельности переводчика представляется механической заменой знаков языка и речи оригинала знаками языка и речи языка перевода. Однако и за этой работой скрываются эвристические действия сознания переводчика.

Уже на ранних этапах развития переводоведения определились два направления изучения переводческих действий и операций на этапе создания текста перевода: 1) выделение *единицы пе-*

по ряду семантических признаков оценочного характера» (Рыжков Р. А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности) // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М., 1988. С. 10).

¹ Курелла А. Теория и практика перевода // Перевод — средство сближения народов. М., 1987. С. 117.

ревода и 2) определение типов соотношения разноязычных знаков, объективирующих в тексте сходные значения.

2. Единица переводческого ориентирования

Первое направление изучения переводческих действий и операций на этапе создания текста перевода отражало стремление переосмыслить термин «единица перевода», понять факторы, которые определяют стратегию работы переводчика с материальными элементами оригинала. Введенный Л. С. Бархударовым термин, как и предложенная им классификация единиц перевода не обладали достаточной объясняющей силой. Эта классификация не объясняла, почему один и тот же языковой знак в одних текстах становится единицей перевода (حظر — *запрет*), а в других оказывается только составной частью такой единицы (حظر التجول — *комендантский час*). А. Д. Швейцер отмечал, что само понятие «единица перевода» представляло собой терминологическое противоречие, прежде всего потому, что любая единица — это постоянная величина, тогда как так называемая единица перевода по определению является величиной переменной¹.

В последующем понятие «единица перевода» было раскрыто с содержательной стороны: «единица перевода — минимальная единица *содержания* текста оригинала, воспроизводимая в тексте перевода»². Тем самым стратегические факторы были перенесены из области материальных элементов текста ИЯ в область осознания переводчиком идеальных элементов этого текста.

Сам термин «единица перевода», который из-за своей неопределенности вызывал всестороннюю критику, также подвергался изменениям. В. Н. Комиссаров предложил заменить его термином «переводема», но более удачным предложением стал термин «единица ориентирования».

¹ Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 71–73.

² Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., 1973. С. 189.

«Единица ориентирования — отрезок исходного текста, смысловое восприятие которого позволяет переводчику приступить к поиску или выбору очередного переводческого решения»¹.

Выделение единиц ориентирования осуществляется переводчиком в процессе восприятия и понимания текста оригинала (начальный этап) и в процессе планирования и звукового или графического оформления текста перевода (завершающий этап), поэтому в выделении единицы ориентирования всегда присутствует субъективный момент — уровень переводческой компетенции.

3. Типы соотношения разноязычных знаков, объективирующих в тексте сходные значения

Второе направление в изучении переводческих действий и операций на этапе создания текста перевода было связано с сопоставлением кодирования понятий «языка мозга» в лексике двух контактирующих языков.

Типы соотношения разноязычных знаков, объективирующих в тексте сходные значения, определяются характером отношений между «приравненными» по содержанию отрезками текстов оригинала и перевода, степенью их семантической близости и частотностью взаимозаменяемости (объективный фактор), а также будут зависеть от компетенций переводчика (субъективный фактор).

В основу было положено известное в сопоставительной лингвистике положение о том, что сопоставление разноязычных языковых единиц обнаруживает три типа семантических отношений между ними: 1) *полное соответствие*; 2) *частичное соответствие* и 3) *отсутствие соответствия*.

Полное соответствие предполагает совпадение двух разноязычных единиц по всем аспектам значения (денотативного, синтаксического и прагматического). Примерами соответствий такого

¹ Ширяев А. Ф. Синхронный перевод. М., 1979. С. 171.

типа могут служить отдельные слова (سنة *год*), словосочетания (سكة الحديد *железная дорога*) и клишированные предложения (يكاد المريب يقول خذوني *На воре шапка горит*). В отношениях полного соответствия чаще всего находятся термины (*железо, воспаление легких*), а также прецизионные слова, к которым относятся имена собственные, названия дней недели и месяцев, числительные.

Частичное соответствие встречается двух видов: *включение* и *пересечение*. *Включением* называется такое соответствие, когда значение единицы ИЯ шире значения ЯП. Например, в таких отношениях находятся арабское слово ثورة и русское *революция*, где многозначное ثورة шире однозначного *революция*. Напротив, многозначные русские слова *сидеть* и *дерево* шире арабских слов جلسة و شجرة. *Пересечением* называется соответствие, когда две разноязычные единицы имеют как совпадающие, так и расходящиеся значения. Например, слова *занимать* и شغل (а) совпадают только в значениях *давать работу* и *занимать помещение, место, должность*. Однако русский глагол *занимать* — многозначный глагол, который кроме отмеченных выше значений имеет и другие значения, реализующиеся в таких словосочетаниях, как *занимать в долг, занимать город, занимать позицию* и т. д. Арабский же глагол имеет свои расходящиеся значения: *озабочивать, тревожить; мешать, препятствовать*.

Отсутствие соответствия означает, что в ЯП нет единицы, которая обозначает предмет или понятие, номинированное единицей ИЯ. В теории перевода такие единицы ИЯ получили название *безэквивалентной лексики*. Традиционно к безэквивалентной лексике относят: слова-реалии (*сарфан, عباءة*); временно безэквивалентные термины (*киллер, ثورة التصحيح*), случайные лакуны (по терминологии Бархударова) (*сутки*).

Высокая семантическая близость и частотная взаимозаменяемость приравненных единиц позволяет переводчику использовать прием простой подстановки (*субституции*) единицы ЯП, соответствующей единице ИЯ, в текст перевода, т. е. действовать на уровне *операций*.

Меньшая семантическая близость и меньшая частотность взаимозаменяемости, а также отсутствие семантической близости и исключительная, необычная «приравненность» единиц языка перевода и языка оригинала требует от переводчика более осознанных *действий*, эвристических усилий.

В этой связи в переводоведении используются два термина, введенные в научный обиход английским ученым Дж. Кэтфордом, — *микрперевод* (restricted translation) и *макрперевод* (total translation).

Микрперевод представляет собой использование регулярно повторяющихся соответствий, существующих в языке перевода для передачи значений единиц исходного языка. Как правило, эти соответствия относятся к одному и тому же языковому уровню (слово: слово; грамматическая категория: грамматическая категория; стилистическая фигура: стилистическая фигура) или к близким языковым уровням (слово: словосочетание).

Макрперевод представляет собой использование нерегулярных соответствий, часто контекстуально-единичного характера. При этом возможны переходы с одного языкового уровня на другой, от одной категории к другой, так называемые «переводческие сдвиги» (shifts).

4. Микрперевод

В отечественном переводоведении изучение характера соответствий в переводе первоначально связано с именем Я. И. Рецкера, который в 1950 г. выдвинул идею «закономерных соответствий» и предложил их классификацию.

По этой классификации выделяются: *эквиваленты*, *аналоги* (или *вариантные соответствия*) и *адекватные замены*.

Эквивалент — постоянное и равнозначное соответствие единице текста оригинала в тексте перевода, не зависящее от контекста.

В отношениях эквивалентности находятся чаще всего научные и технические термины, прецизионные слова. Прецизионные слова, как и термины, однозначны, но в отличие от терминов это

общеупотребительные слова, не вызывающие, как правило, конкретных ассоциаций. Поскольку однозначных слов в вокабуляре любого языка очень мало, то и эквивалентных разноязычных пар ничтожно мало.

Аналог (или вариантное соответствие) — частичные и достаточно постоянные соответствия, устанавливающиеся между разноязычными приравненными единицами, зависящие от контекста.

В частичных соответствиях различаются два типа: 1) *включение* и 2) *пересечение*.

Включением называется такое отношение, когда объем информации единицы исходного языка шире объема информации единицы языка перевода. Включение может быть отнесено к однонаправленной эквивалентности, когда единица одного языка всегда переводится единицей другого языка, но если языковой вектор в переводе изменяется, та же единица бывшего ЯП не обязательно переводится той же единицей бывшего ИЯ. Так, русское слово «революция» всегда переводится арабским словом ثورة, тогда как арабское слово ثورة в разных контекстах употребления имеет иные русские соответствия — «возмущение», «гнев», «взрыв недовольства», «извержение вулкана».

Пересечением называется такое соотношение между приравненными единицами двух языков, когда обе единицы имеют как совпадающие, так и отличные семы денотативного, прагматического и синтаксического подвидов значения. В таких отношениях находится подавляющее большинство единиц вокабуляров ИЯ и ЯП.

Как включение, так и пересечение могут иметь различные варианты. Так, единица исходного языка может находиться в отношениях включения не с одной, а с несколькими единицами языка перевода.

Как эквиваленты, так и варианты соответствия включаются в двуязычные словари и в нормативные грамматики, знание этих типов соответствий (во всяком случае, значительной их части) воспринимается как обязательный компонент переводческой компетенции.

Приемы перевода с использованием эквивалентов и вариантных соответствий относятся к приемам микроперевода. Используя эти приемы, переводчик использует решения, найденные до него другими переводчиками и зафиксированные в рамках сопоставительной лингвистики и лексикографической практики. Поэтому перевод осуществляется путем операций (от иноязычной *формы к форме* родного языка) либо в виде несложных действий по перебору известных вариантов (от иноязычной *формы к содержанию*, а от него к нужной по контексту *форме* родного языка).

5. Макроперевод

Иная, более сложная работа сознания переводчика связана с приемами макроперевода. В теории закономерных соответствий Я. И. Рецкера они отнесены к *адекватным заменам*, которые впоследствии он предложил именовать *видами перевода*. Однако в переводоведении за приемами макроперевода утвердился термин *переводческие трансформации*, введенный Л. С. Бархударовым. Термином переводческие трансформации обозначаются «многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования»¹, которые переводчик совершает, изменяя формальные или семантические компоненты исходного текста ради сохранения информации, значимой в коммуникативном плане.

Для удобства описания переводческие трансформации подразделяются на 4 типа:

- перестановки;
- замены;
- добавления;
- опущения.

Перестановки. Под перестановкой в теории перевода понимается *изменение порядка* элементов текста перевода по сравне-

¹ Бархударов Л. С. Указ. соч. С. 190.

нию с порядком этих элементов в исходном тексте. Прием перестановок применяется к отдельным словам, к словосочетаниям, частям сложного предложения, отдельным предложениям и (редко) абзацам.

Замены. Этим приемом называется замена элемента текста подлинника элементом текста перевода *с нарушением формального соответствия* между ними, зафиксированного словарями. Замене могут подвергаться как *грамматические единицы* — форма слова, часть речи, члены предложения, типы синтаксической связи, так и *лексические* — слова и словосочетания. Поэтому можно говорить о грамматических, лексических и лексико-грамматических заменах.

Примерами грамматических замен при переводе с арабского языка могут служить следующие образцы.

Замена *формы* слова, например единственного числа имени в оригинале на множественное число в переводе и наоборот:

ان التناقض بين هذه الفئات تعمق في الأونة الأخيرة

— В последнее время разногласия между этими группировками углубились (букв.: Поистине разногласие между этими группами углубилось в последние времена).

Замена *части речи*, например арабского причастия русским глаголом:

أنا اسف

— Я сожалею (букв.: Я сожалеющий).

Замена *членов предложения* (*перестройка синтаксической структуры предложения*), например:

أسفر الزلازل عن خسائر في الأرواح

— В результате землетрясения было много человеческих жертв (букв.: Дало в результате землетрясение потери в жизнях).

Замена *типа синтаксической связи*, например замена сочинительной связи подчинительной:

وقد اقيمت علاقات طيبة بين بلادي ولبنان وهذه العلاقات تقوم على أسس متينة من الاحترام المتبادل

— *Между нашей страной и Ливаном сложились хорошие отношения, которые выстроились на основе взаимного уважения* (букв.: И уже установились отношения хорошие между моей страной и Ливаном, и эти отношения стоят на основах из уважения взаимного).

В *лексических заменах* различаются три вида замен:

- генерализация;
- конкретизация;
- замена, основанная на изменении причинно-следственных отношений: причина — следствие.

Генерализацией называется замена лексической единицы исходного языка с более узким значением единицей языка перевода с более широким значением. Другими словами, единица ИЯ, выражающая частное (видовое) понятие, заменяется единицей ЯП, выражающей более общее (родовое) понятие. Например, в арабском языке существуют общее название «руки» — **يد** и название «руки как конечности» — **ذراع**. Отдельные части руки имеют следующие наименования: **راحة** — *ладонь без пальцев*; **كف** — *ладонь с пальцами*; **معصم** — *запястье*; **ساعد** — *часть руки от запястья до локтя*; **ذراع** — *часть руки от запястья до плеча*; **كوع**, **مرفق**, **ذراع** — *локоть*; **عضد** — *рука от локтя до плеча*. В русском словаре отражается несколько иное деление руки: *ладонь, кисть, запястье, локоть, предплечье*. Но эти различия в языке не столь существенны, как различия в речи. В арабском тексте чаще, чем в русском, употребляются конкретные названия той части руки, о которой идет речь. Поэтому

прием генерализации в этих случаях вполне уместен. Например:
 وكان يلوح لي بكفه من النافذة — Он махал мне рукой из окна. ||
 إن المرأة تعتبر الساعد الأيمن للرجل وشريكة حياته —
 Женищина считается правой рукой мужчины и его спутницей
 жизни. || فذق زوجها كفا بكف وانفجر ضاحكا || Муж всплеснул
 руками и захохотал.

Конкретизацией называется замена лексической единицы ИЯ с более широким объемом значения лексической единицей ЯП с более узким значением, т. е. замена родового понятия видовым. Например, при переводе следующей арабской фразы переводчик использовал прием конкретизации два раза. В первом случае это коснулось глагола *سار* (идти, ходить; двигаться, передвигаться; совершать марш; отправляться), и основанием послужил узкий контекст. Во втором — имени *عربة* (коляска, экипаж, телега; вагон; автомашина; лафет), и основанием послужил широкий контекст, знание состояния городского транспорта в Лондоне в конце XVIII — начале XIX века.

كان بالمرستون السياسي الانجليزي ورئيس وزراء
 بريطانيا الأسيق (1784—1865) يسير يوما بعربته في أحد
 شوارع لندن

— Однажды по одной из улиц Лондона ехал в своей карете английский политик и старейший премьер-министр Англии Пальмерстон (1784—1865).

Замена причина — следствие есть использование в переводе лексической единицы ЯП, которая по логическим связям обозначает причину действия или состояния, обозначенного переводимой единицей ИЯ. Например, ниже слово *господство* в русском тексте заменено словом *борьба* (бороться для того, чтобы господствовать): *Недавно канадское правительство предприняло ряд мер для борьбы с ростом цен и инфляцией.* —

اتخذت حكومة كندا أخيراً مجموعة من الإجراءات من أجل السيطرة على ارتفاع الأسعار ومكافحة التضخم.

Возможна и обратная замена — замена причины следствием.

Помимо грамматических и лексических замен существует лексико-грамматическая замена, так называемый *антонимический перевод*.

Антонимический перевод есть комплексная лексико-грамматическая замена, сущность которой заключается в трансформации утвердительной конструкции, использованной в тексте оригинала, в отрицательную конструкцию в тексте перевода (и наоборот), которая сопровождается заменой одного из слов переводимой конструкции на его антоним в тексте перевода. Например, *ولم يقل شيئاً* — *Он промолчал* (букв.: И не сказал ничего).

Добавления. Этот вид трансформации предполагает использование в тексте перевода единиц языка перевода, не имеющих формального соответствия в тексте на исходном языке. Этот прием применяется при необходимости поясняющих слов. При этом нельзя допускать появления смысловых добавлений.

Опущение — явление, противоположное добавлению. Этот прием состоит в том, что при переводе опускаются единицы, являющиеся семантически избыточными, т. е. выражающие значения, которые могут быть извлечены из текста перевода и без их помощи, будучи же переведенными, они приведут к нарушению нормы или узуса языка перевода.

Переводческие трансформации изолированно встречаются редко. Как правило, разного рода трансформации осуществляются даже в пределах одного небольшого высказывания. Например:

وفي دبي يمنع الأجانب من امتلاك الأرض في قلب الإمارات, ويباح لهم ذلك في أطرافها حيث المناطق التي يراد تعميرها

— В Абу-Даби иностранцам запрещено покупать землю в центральных районах эмирата. Они располагают правом на приобретение земель только в окраинных районах, освоение которых выгодно государству.

В переводе были использованы следующие виды трансформаций:

- грамматические замены: глагол заменен наречием (يمنع — запрещено); масдар заменен глаголом (إمتلاك — покупать); сложное предложение, состоящее из: а) глагольного предложения (يباح لهم ذلك في أطرافها), б) придаточного именного предложения (حيث المناطق) и в) придаточного глагольного предложения (التي يراد تعميرها) — заменено сложноподчиненным предложением с придаточным определительным;
- лексико-грамматическая замена: глагольное сказуемое يراد (быть желаемым) заменено именным сказуемым — наречием выгодно;
- лексическая замена: слово قلب заменено словосочетанием центральные районы;
- добавления: слово государству;
- опущение: выражение أطرافها (букв.: стороны ее) переведено словосочетанием с опущенным признаком принадлежности — в окраинных районах.

Столь же комплексно использует переводчик приемы микроперевода и макроперевода, руководствуясь осознанными им лингвистическими и экстралингвистическими факторами конкретного акта двуязычной коммуникации.

Понятие переводческих приемов отражает только то, что может производить и производит переводчик на операционном уровне своей переводческой деятельности, но не детерминирует того, что он должен совершать в знаке. Детерминанты его деятельности и на этом, операционном этапе лежат в плоскости не формальных асимметрий между языковыми и речевыми разно-

язычными знаками, а в плоскости психосемантических асимметрий: интенционального и реципиентного смыслов, семантической и ситуационной информации, компетенций источника и реципиента, функционально-стилистических норм исходного языка и языка перевода и т. д. Зависимость конкретных приемов перевода от множества разнотипных детерминаторов определяет высокую эвристичность деятельности переводчика. Недаром английский философ И. А. Ричардс, рассуждая о трудностях перевода, говорит: «Очень может быть, что здесь мы имеем дело с самым сложным процессом из всех, возникших когда-либо в ходе эволюции космоса»¹.

Дополнительная литература

1. *Л. К. Латышев*. Коммуникативная концепция языкового знака и общая теория перевода // Сб. статей № 15. Иностранные языки. Юридические науки. М., 1979. С. 47–53.
2. *Л. К. Латышев*. Технология перевода. М., 2000. С. 5–11.
3. *Я. И. Рецкер*. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974. С. 38–62.
4. *А. Д. Швейцер*. Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 117–139.
5. *Л. С. Бархударов*. Язык и перевод. М., 1975. С. 191–231.
6. *Н. Д. Финкельберг*. Теория перевода арабского языка. М., 1977. С. 145–189.

¹ Цит. по: *Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М., 1975. С. 231.

8. НЕСООТВЕТСТВИЕ В ПЕРЕВОДЕ

1. Классификация несоответствий

Несоответствие между передаваемой адресантом информацией и информацией, которую воспринимает адресат, естественное явление в речевом общении людей. Как правило, если разрыв между переданной информацией и воспринятой информацией не очень велик, интенциональный и реципиентный смыслы оказываются сопряженными и коммуникация успешно завершается. Однако в переводе, когда в задачу переводчика входит не только передача смысла высказывания, но и по возможности учет языковой формы, в которой кодируется смысл в оригинале, вопрос несоответствий имеет особое значение.

Несоответствием в переводе называется некоторое количество переданной или добавленной информации, которое вычленяется в виде либо непереведенного речевого отрезка в исходном тексте (пропущенная, потерянная информация), либо добавленного речевого отрезка в тексте перевода (прибавочная информация). Впервые это положение было сформулировано Юриком Константиновичем Миньяром-Белоручевым.

Несоответствия в переводе могут быть классифицированы по трем основаниям:

- по семантическим типам несоответствия;
- по причинам, вызвавшим появление несоответствия;
- по влиянию допущенного несоответствия на качество перевода и оценки переводческих действий.

Первые два типа несоответствий имеют теоретическое значение, третий тип в большей степени относится к дидактике.

2. Семантические типы несоответствия

По семантическому основанию в число несоответствий включаются несоответствия, которые образуют пеструю палитру подтипов, имеющих отношение к языку, речи, объективному миру, культуре этноса и сознанию (рациональному и чувственному) общающихся индивидуумов.

Во-первых, на уровне *языка* выявляются несоответствия, связанные с системными языковыми особенностями, проявляющимися в синтаксических структурах ИЯ и ЯП. Эти языковые особенности (в арабской научной литературе именуемые *صناعة الجملة* *делание предложения*) всегда носят национальный характер, и поэтому их трансформации при переводе не могут быть отнесены к переводческим несоответствиям. Так, в арабском языке слабо развита категория наречия. В результате обстоятельственные значения в арабском тексте часто оформляются в форме придаточного предложения, которое при переводе на русский язык заменяется наречием или причастием. Например: *يزداد دوره بشكل لا يقارن* — *неизмеримо возрастает роль* (букв.: растет его роль, которая не соизмеряется); *الأيام التي لا تنسى* — *те незабываемые дни* (букв.: определенные дни, которые не забываются). Исключение составляют только те случаи, когда информация о строевых особенностях оригинала имеет специально рассчитанную адресантом коммуникативную значимость.

Во-вторых, на уровне *речи* выявляются несоответствия, связанные с приемами оформления мысли, т. е. со стилистикой. В арабской научной литературе стилистические приемы именуются «улучшениями» и подразделяются на *محسنات معنوية* *смысловые улучшения* и *محسنات لفظية* *произносительные улучшения*. К смысловым улучшениям относятся прием антитезы (*طباق*), прием анафоры (*رجوع*) и прием созвучия, т. е. повтора слова в словосочетательной конструкции (*مزاوجة*). К произносительным улучшениям относят паронормазу, сходство звучания

речевых сегментов, имеющих разное предметно-понятийное значение (جناس). Расхождение стилистической стратификации в двух контактирующих культурах может порождать несоответствие, которое не квалифицируется как ошибка. Так, при переводе арабского информационного текста на русский язык опущение подобной информации вполне допустимо. Например, выражение حرب تدور رحاها (букв.: война, крутятся жернова ее) переводится как *нынешняя война*.

В-третьих, на уровне *объективного мира и рационального сознания* коммуникантов несоответствия связаны с ключевой информацией, которая содержится в речевых формах. Так, в арабских текстах словоформа الجامعة (букв.: эта объединяющая) может означать или *Каирский* (либо любой другой определенный) *университет*, или *Лига арабских стран*.

Наконец, в-четвертых, переводческое несоответствие может обнаруживаться на уровне *чувственных ассоциаций*, т. е. того фонового значения, которое связано в сознании разноязычных коммуникантов с единицами речи, имеющими общее предметно-понятийное значение в обоих языках. Примером могут служить прецизионные слова, за которыми для носителя языка скрывается информация об определенных фактах национальной истории.

За двумя последними подтипами несоответствий скрывается межнациональное различие в структуре сознания, мышления и познания коммуникантов.

3. Причины появления несоответствий

Причины, вызывающие появление несоответствий в переводе, различны по своей природе. Они могут быть связаны: а) с характером действий переводчика, б) с системными особенностями контактирующих языков и культур, в) с формой перевода и г) с переводческой компетенцией.

А. Характер действий переводчика определяется преднамеренностью или случайностью принимаемых им решений. Если

переводчик действует преднамеренно и обоснованно, отказываясь от перевода элементов ИТ или добавляя новые элементы в ТП ради выполнения требований более высоких норм адекватности, то такие действия не могут квалифицироваться как ошибка. О типах опущенной и прибавочной информации, которые допустимы в этих случаях, речь пойдет ниже. Если же переводчик допускает несоответствие полученной и переведенной информации непреднамеренно, то он тем самым допускает ошибку.

В обоих случаях в действиях переводчика просматриваются два порождающих фактора — объективный и субъективный. Объективным фактором являются системные особенности контактирующих языков и культур, а также форма перевода, характер переводческой ситуации. Субъективный фактор — это компетенция и личность переводчика.

Б. *Системные особенности контактирующих языков и культур* могут вызвать переводческие несоответствия по ряду причин.

Во-первых, при переводе проявляется *обязательность формального выражения тех или иных категорий в одном языке и необязательность этого выражения в другом*. Частотным примером несовпадения обязательности или необязательности формального выражения в арабском и русском текстах является категория определенности / неопределенности.

Во-вторых, объективно порождают переводческие несоответствия также могут *различия культурных аспектов значения разноязычных форм*. Преимущественно это связано с фоновыми различиями отдельных концептов. Например, для арабского менталитета законность брачных отношений имеет большую положительную оценку, чем для современного русского общества. Поэтому в образном выражении *ابن الحلال* (букв.: сын законного действия) уже содержится положительная оценка человека, рожденного в законном браке. В определенном контексте это фоновое значение в русском переводе эксплицируется (например, *хороший парень; порядочный человек; человек, на которого можно положиться*; и т. п.).

В-третьих, переводческое несоответствие, которое не является ошибкой, может возникнуть *по стилистическим соображениям*,

когда перевод всех элементов оригинала нарушает стилистическую норму ЯП.

Особенно часто переводческие несоответствия, которые возникают из-за данных объективных факторов, отмечаются в том случае, когда переводческий контакт устанавливается между представителями контрастных языков и культур.

В. К числу объективных факторов, которые толкают переводчика на неполную передачу или перефразирование содержания материальных элементов оригинала, относится характер переводческой ситуации, форма перевода. В большей степени несоответствия, которые не могут квалифицироваться как ошибка, появляются в таких формах перевода, как двусторонний и синхронный перевод. В этих случаях переводчик определяет стратегию своих действий, учитывая либо необходимость сокращения времени звучания выходного текста (двусторонний и синхронный перевод), либо возможность и необходимость использовать ситуационный канал передачи информации (двусторонний перевод).

Г. Однако при всей значимости объективных факторов, которые порождают переводческие несоответствия, главную роль играют *субъективные факторы* — *компетенция и личность переводчика*. Эти субъективные факторы вызывают и несоответствия-ошибки и несоответствия-неошибки.

Допущенные переводчиком *несоответствия-ошибки* свидетельствуют о его недостаточных квалификационных качествах, обнаруживая недостаток знаний, умений и навыков в следующих областях:

- нормативное знание системы ИЯ;
- нормативное знание системы ЯП;
- знание особенностей номинации в ИЯ;
- знание особенностей номинации в ЯП;
- знание особенностей обозначения (референции) в тексте оригинала;
- знание особенностей обозначения (референции) в тексте перевода;
- знание предметного тезауруса (системы знаний) в сознании представителей исходной лингвокультуры;

- знание предметного тезауруса (системы знаний) в сознании представителей переводящей лингвокультуры;
- подготовка к осуществлению устных форм перевода;
- подготовка к осуществлению письменного перевода.

Так, при устных формах перевода даже при достаточной языковой подготовке переводчик может допускать несоответствия из-за слабой психологической подготовки. Например, если он не умеет справляться со стрессовыми ситуациями, которые часто возникают в этом виде его работы. Причиной появления несоответствий может стать и простая усталость, если нарушаются условия работы или если переводчик не обладает требуемой физической выдержкой.

Субъективный фактор может порождать *переводческие несоответствия, которые не квалифицируются как ошибки*. Речь идет о той предметно-понятийной индивидуальной картине мира, которая отличает одного переводчика от другого и проявляется в индивидуальных предпочтениях при выборе соответствий.

4. Качество перевода и оценка переводческих действий

Как уже упоминалось в теме *адекватность* перевода, в основу оценки качества перевода может быть положен принцип *функциональной*, или *динамической*, эквивалентности. При соблюдении этого принципа содержание исходного сообщения передается таким образом, что восприятие конечного сообщения получателем ЯП соответствует во всех своих существенных чертах восприятию исходного сообщения получателем ИЯ. При этом имеется в виду восприятие всей информации, содержащейся в тексте сообщения, как *семантической*, так и *экспрессивно-стилистической*.

По теории переводческих несоответствий Р. К. Миньяра-Белоручева для большей объективности оценки перевода следует различать *степень несоответствия* и *семантический характер несоответствия*.

По параметру *степень несоответствия* различаются 4 степени ошибки.

Ошибка 1-й степени заключается в появлении в тексте перевода *прибавочной ключевой информации*. Эти ошибки квалифицируются как наиболее серьезные ошибки, допущенные переводчиком.

Ошибка 2-й степени заключается в *пропущенной ключевой информации*. Такие ошибки квалифицируются как менее серьезные.

Ошибка 3-й степени состоит в прибавочной или пропущенной *дополнительной или уточняющей информации*.

Ошибка 4-й степени состоит в прибавочной или пропущенной *повторной или нулевой информации*, если эта информация не предназначалась автором оригинала для передачи.

По параметру *семантический характер несоответствия* различаются *искажения* и *неточности*. Под искажением понимается ложная интерпретация смысла определенной единицы речи. Под неточностью предлагается понимать недостаточно полную передачу содержания определенной единицы речи. При оценке качества учебного перевода дополнительно вводятся параметры: нарушение стилистической нормы и узуса ЯП и ошибка орфографии и пунктуации ЯП.

5. Пути преодоления переводческих несоответствий

Избежать переводческих несоответствий помогут прежде всего знания, умения и навыки переводчика. Перевод — это и ремесло, и искусство. Ремеслу нужно учиться упорно и целенаправленно. Искусство же во многом зависит от одаренности и, к сожалению, достигается не всеми ремесленниками, даже очень хорошими.

Кроме этого, как показывает история развития переводческих контактов для конкретных пар языков, со временем качество переводов улучшается. Сближение культур объективно помогает разноязычным людям лучше понимать мысли друг друга, как бы ни отличались способы кодирования этих мыслей в их национальных языках. Роль хорошего переводчика в сближении культур неопределима.

Глава 2

ПРОБЛЕМАТИКА ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА

1. ПРОБЛЕМАТИКА ЧАСТНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ПЕРЕВОДА

*Объект частной лингвистической теории перевода.
Основные проблемы в частных лингвистических теориях перевода.*

Объект частных лингвистических теорий перевода (далее **ЧЛТП**) отличается от объекта общей теории перевода дополнительными характеристиками, которые связаны с включением в процесс перевода двух конкретных этносов, двух конкретных лингвосоциокультурных сообществ. Это обстоятельство позволяет говорить о двухплановости объекта исследования. Первый план — исследование той части процесса перевода, в которой отражаются положения общей теории перевода, изложенные в первой главе книги. Второй план — исследование той части процесса перевода, в котором его национальная специфика требует особых теоретических изысканий. Именно исходя из этого в первой части настоящей книги говорилось о том, что **объектом** частной лингвистической теории перевода являются *процесс* опосредованной двуязычной коммуникации (далее **ОП**) и *текст* (далее **ОТ**). Слово *текст* здесь условно обозначает лингвосоциокультурный элемент системы процесса перевода.

Раздвоение объекта исследования не могло не повлиять на характер выделяемых проблем в ЧЛТП. По мере развития науки о переводе и смене парадигм в общей теории перевода изменялась и проблематика частных лингвистических теорий. Если сначала главным (если не единственным) объектом исследований был текст, то в рамках современной антропоцентрической парадигмы гуманитарных наук текст стал рассматриваться как один из элементов системы процесса и произошла интеграция ОТ и ОП. ОП и ОТ — системы высочайшей сложности, упорядочение элементов которых подчиняется особым, нелинейным закономерностям.

Что касается ОТ, то он имеет приоритетную значимость для любой ЧЛТП, и особенно если речь идет о переводческих контактах между лингвосоциокультурными сообществами, чьи языки относятся к контрастным языковым системам.

В проблематике частных лингвистических теорий перевода выделяются четыре группы проблем: **собственно лингвистические, психолингвистические, лингвосоциокультурные и дидактические.**

Исследование *собственно лингвистических проблем* в теории перевода является самым «старым», поскольку именно с него началось становление современного переводоведения, и оно же остается традиционно важным и в настоящее время. Задачи этого направления исследования в определенном смысле схожи с задачами, которые решаются в сравнительно-сопоставительном языкознании, но отличаются тем, что сопоставление грамматических, лексических и стилистических особенностей рассматривается не на уровне языка как системы, а на уровне речевых реализаций. Эти проблемы разрабатываются частными теориями перевода для любых комбинаций языков. Однако в первую очередь это касается тех ЧЛТП, объектом изучения которых является двуязычная коммуникация представителей языковых этносов, говорящих на родственных языках и имеющих много общего в историческом, культурном и других аспектах своего развития. В речемыслительной деятельности коммуникантов, которые принадлежат к таким языковым сообществам, больше общего, интернационального, чем отличного и частного, национального, «чужеродность» же проявляется ярче всего на лингвистическом уровне.

Несколько иначе обстоит дело с разработкой в ЧЛТП *психолингвистических проблем теории перевода.* Как свидетельствует переводческая практика, в речемыслительной деятельности людей, говорящих на разных языках, различия обнаруживаются не только на собственно лингвистическом уровне, но и на уровне довербальной и невербальной работы сознания. Эти различия идут от более глубоких уровней сознания коммуникантов, их обнаружение, понимание и систематизация связаны с такими фундаментальными вопросами, как отношение между языком и мышлением, национальные и интернациональные элементы в характере сознания и мышления, соотношение общего и отличного в системах нравств-

венных ценностей, присущих данным лингвосоциокультурам, и так далее. Другими словами, психолингвистические различия разноязычных текстов связаны с национальными особенностями мирозерцания и мировосприятия у носителей контактирующих языков. Поэтому *психолингвистические проблемы* раньше всего стали объектом исследования именно тех частных лингвистических теорий перевода, которые формировались на сопоставлении таких контактирующих лингвосоциокультур.

Естественно, что чем выше контрастность «языка мозга» у разноязычных этносов, тем ярче проступают в иностранном тексте «неязыковые» различия в формировании и выражении смысла и тем важнее разработка психолингвистических проблем перевода, так как с ними связаны наибольшие трудности расшифровки и перекодирования смысла исходного текста. Неудивительно, что интерес к психолингвистической проблематике в первую очередь стали проявлять разработчики теорий перевода в комбинации языков арабского и русского, китайского и русского, кхмерского и русского и в некоторых других комбинациях языков. Разработка именно этого блока проблем создает условия для соединения практики и научной рефлексии и в результате способствует дальнейшему развитию общей теории перевода.

Лингвосоциокультурные проблемы связаны с реалиями жизни и культуры разноязычных этносов. Важность разработки лингвосоциокультурных проблем давно и прочно была осознана во всех ЧЛТП вне зависимости от того, насколько близки лингвосоциокультурные характеристики контактирующих разноязычных сообществ. Речь идет лишь о степени разработки — она глубже и успешнее отмечена пока для тех пар языков, которые имеют давние переводческие контакты.

Что касается *дидактической* проблематики, то пока, к сожалению, интерес к ней обнаруживается больше на уровне заявлений о необходимости ее разработки. Авторы учебников по переводу вынуждены руководствоваться своими собственными практическими знаниями и зачастую интуицией.

Далее рассмотрим, как представлены данные четыре блока вопросов в проблематике частной теории перевода арабского языка (далее — **ЧТПАЯ**) и степень их разработки на сегодняшний день.

2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Блоки лингвистических проблем в ЧТПАЯ. Отечественные ученые, чьи труды внесли вклад в разработку этих проблем.

В переводческом изучении сопоставляемых знаковых форм арабского и русского языков приоритетными являются:

- а) сопоставительное изучение функционирования в речи номинативных единиц (слов, словосочетаний, фразеологизмов, терминов);
- б) сопоставительное изучение основных семантических категорий, функционально-семантических полей и категориальных ситуаций («качеств текста»);
- в) сопоставительное изучение функционально-стилистических параметров текста.

А. Начало сопоставительного изучения функционирования арабских номинативных единиц связано с именем академика И. Ю. Крачковского. Игнатий Юлианович Крачковский — блестящий представитель старой востоковедной школы русских арабистов, для которой были свойственны многоаспектность научных интересов, большое внимание к источниковедению и литературоведению. Он не только продолжил славные традиции этой школы, но и положил начало некоторым новым направлениям в арабистике¹. В частности, задолго до появления теории перевода как самостоятельной науки Игнатий Юлианович Крачковский

¹ Подробно о жизни и научных работах И. Ю. Крачковского читайте в замечательной книге А. А. Долининой «Невольник долга» (СПб., 1994).

в ряде своих работ, посвященных анализу чужих переводов¹, в своих собственных переводах², а также редактируя работы молодых переводчиков-арабистов для издательства «Всемирная литература», ратовал за то, чтобы по возможности учитывались особенности арабской номинации, и искал пути к сохранению оттенков значения арабского слова при переводе художественных текстов на русский язык³.

С такой же требовательностью Игнатий Юлианович относился к переводам русских текстов на арабский язык. Анализируя лексические небрежности, которые допускали арабские переводчики произведений А. П. Чехова, А. М. Горького, И. А. Крылова, Крачковский отмечал не только ошибки денотативного характера (на-

¹ Классический перевод такого анализа — статья «Арабский перевод “Илиады”», посвященная результатам работы переводчика Сулеймана аль-Бустани. (См.: Крачковский И. Ю. Арабский перевод «Илиады» // Избр. соч. Т. 111. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 335–349; см. также помещенные в этом же томе статьи: «Ризкаллах Хассун (1825–1880), переводчик басен Крылова на арабский язык»; «Сулейман аль-Бустани»; «Русские писатели в арабской литературе»; «Горький и арабская литература»; «Чехов в арабской литературе»; «Басни Крылова в арабских переводах» и др.).

² Приведем один пример, на наш взгляд, ярко показывающий, как взыскательно относился Крачковский-переводчик к слову, работая над переводом Корана. Как известно, в одном из бейтов Суры о скоте перечисляются десять заповедей ислама. Одна из заповедей требует от детей по отношению к родителям **إحسان**. В словаре Х. К. Баранова это слово толкуется как: 1) благодеяние, милость; 2) милостыня. В словаре О. Аттая (1913), рассчитанном специально на чтение религиозных арабских текстов, — как «благодеяние». Однако, опираясь на комментарии к Корану, в которых эта заповедь объясняется не просто как требование хорошего отношения, но и как требование а к т и в н о г о выражения этого отношения, а также учитывая значение каузативности словообразовательной модели масдара IV породы и противопоставив слово **إحسان** его антониму **إساءة** — злодеяние, Игнатий Юлианович дает очень точное новообразование: *добродейание*. Дети обязаны не просто хорошо о т н о с и т ь с я к своим родителям, а должны активно д е л а т ь добро. Таким образом, с помощью нового найденного слова был уточнен смысл заповеди, сохранен оттенок активного действия, которого нет в значении слова *благодеяние*, обозначающего прежде всего результат действия, а не само действие.

³ В первый круг таких переводчиков вошли И. П. Кузьмин, М. А. Салье, В. А. Эберман, Р. Л. Эрлих (См. *Долинина А. А.* Указ. соч. С. 180).

пример, когда русское слово *калека* переведено как *человек ничтожный*), но и неточности в передаче прагматического, оценочного значения русского слова. Например, Абдаллаха Келзи (он же Федор Иванович Кельзи, лектор Петербургского университета и переводчик), который слово *Фортуна* в басне И. А. Крылова перевел словом *سعادة* — *счастье*, а фразу *смотри, ты Крезом стал* как *смотри, уже наполнился мешок*, он упрекает в потере «выражения представления античной древности»¹. В современной научной терминологии такой подход называется компонентным анализом.

На работах И. Ю. Крачковского выросло несколько поколений отечественных арабистов, и такое бережное отношение к арабскому слову сохраняется как в научных трудах², так и в современных переводах художественных арабских текстов³ и при составлении арабско-русских словарей⁴.

Работе над словом уделялось большое внимание и авторами учебников по переводу⁵, которые, разрабатывая специальные комментарии и тематические словарики постоянных соответствий, прodelывали большую работу над параллельными текстами и привлекали богатый опыт практических переводчиков, в том числе и свой собственный.

Ситуация, сложившаяся на Ближнем Востоке в последней трети прошлого века, потребовала от арабских переводчиков сопоставительного знания военной терминологии. Вполне есте-

¹ Крачковский И. Ю. Басни Крылова в арабских переводах // Избр. соч. Т. III. С. 319.

² См.: Белкин В. М. Арабская лексикология. М.: Изд-во Московского университета, 1975; Долинина А. А. Арабски на тему Эткинда // Взаимодействие литератур Европы и Азии и проблемы перевода. СПб., 1999; Вартанов Ю. П. Проблемы теории и практики литературного перевода с арабского. Автореферат дисс. канд. филол. наук. СПб., 1992; Финкельберг Н. Д. Исследование структурных отношений в семантической системе арабских имен. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1975, и др.

³ См. поэтические переводы А. А. Долининой, прозаические переводы К. О. Юнусова, В. Н. Кирпиченко, О. Фроловой, Г. Лебедева и многих других.

⁴ О словарях см. соответствующий раздел настоящей книги.

⁵ Шитов Б. А. Учебник по военному переводу арабского языка. М.; Майбуров Н. А., Финкельберг Н. Д. Учебник общественно-политического перевода. Ч. I и II. М., 1986, и др.

ственно, что центром по разработке этой проблемы в научном и практическом плане стал Военный институт иностранных языков (нынешний Военный университет), где работа в этом направлении ведется по нынешний день¹.

Внимание к формированию других арабских терминологических подсистем языка стало активно проявляться с конца прошлого века, когда арабские страны все больше стали вовлекаться во всемирный процесс глобализации. Результатом стало появление отраслевых словарей, монографий² и диссертационных исследований³.

¹ Данилов И. С. О военной терминологии в арабских странах // Иностранные языки. М., 1965. № 1. С. 227–230; Губанов Ю. П. Структурно-семантическая характеристика арабской военной терминологии (на материале военной терминологии Сирии и Египта). Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1974; Терещенко В. В. Лексико-грамматические особенности образования многокомпонентных военных и военно-технических терминов в арабском языке (в сопоставлении с русским языком). Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 2001, и другие.

² Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций в их естественной классификации // Типология итеративных конструкций. Л., 1989. С. 5–53; Храковский В. С. Исчисляющая классификация условных конструкций в арабском литературном языке // XIII Объед. науч. сессия ... проф. Б. М. Гранде: Тез. докл. М.: МГУ, 1992. С. 63–65.; Финкельберг Н. Д. Краткий словарь слов, отмеченных ассоциативной связью по сходству или противоположности значений // Семантические особенности арабской речи. Учебное пособие по общественно-политическому переводу. М., 1984; Финкельберг Н. Д. Семантические доминанты арабского литературного языка и аспектуальные характеристики глагола // Сб. статей. № 28. М., 1992; Финкельберг Н. Д. Об арабской метафоре // Сб. статей. № 29–30. М., 1993; Рахтеенко В. А. Система сложноподчиненных предложений с придаточными обстоятельственными в современном арабском литературном языке в сопоставлении с русским. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1985.

³ Финкельберг Н. Д. Исследование структурных отношений в семантической системе арабских имен. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1975; Майбуров Н. А. Пассивные конструкции в арабском языке, их семантическая интерпретация и способы перевода на русский язык. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Л., 1983; Шитов Б. А. Связь предложений в письменном монологическом тексте арабского литературного языка (в сопоставлении с русским). Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1985; Морозова В. С. Структурно-семантическая характеристика фразеологии современного арабского литературного языка. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1985.

Б. Особое значение для теории перевода имеет разработка проблемы лексических полей. Лексические поля, по определению С. Ульмана, являются «промежуточным уровнем между отдельным словом и словарем в целом, представляют собой тесно объединенные разделы словаря, где определенная сфера опыта разделяется особым образом, который может варьироваться от языка к языку или от одного исторического периода к другому»¹.

В современном языкознании выделяют:

- семантические, или предметно-понятийные, поля (поле движения, поле звука и т. п.);
- грамматические поля (поле субъективной модальности, поле залога, поле темпоральности и т. п.);
- ассоциативные поля (группы слов-ассоциатов) и некоторые другие.

Для переводчика важно знать в сопоставительном плане не только состав полей, но и особенно важно иметь представление о национальной специфике их функционирования в речи. Так, если по составу арабское и русское поля движения очень похожи, то в речи русские люди гораздо чаще, чем арабы, указывают на конкретный способ передвижения. Это же касается поля звука и многих других предметно-понятийных полей.

В рамках текста обнаруживаются национальные особенности различия и системно-текстового характера. Внешними проявлениями системности текстовой семантики являются:

- тематическая организация текста,
- взаимосвязи лексикосемантических единиц,
- функциональные категории (качества) текста. Совокупной, высшей категорией является категория (качество) коммуникативности. Частные категории (качества) включают: с и т е м н ы е (информативность, слитность // дискретность, ретроспекция // проспекция, ритм и др.); ф у н к ц и о н а л ь н ы е (художественность // нехудожественность, образность // необразность, обобщенность // конкретность и др.); с и с т е м н о - з ы к о в ы е (предикативность, номинация, субъективная модальность, каузативность, темпоральность и др.).

¹ S. Ullman. 1972. P. 370.

В настоящее время ЧТПАЯ уже располагает некоторыми, к сожалению пока малочисленными, исследованиями в этой области, а также предложенными методиками проведения полевых исследований.

В. Изучение национальных особенностей функционально-стилистических параметров текста в ЧТПАЯ только-только начинается¹. Это объясняется как объективными, так и субъективными обстоятельствами. Объективные обстоятельства заключаются прежде всего в недостатке разработанности этой темы в арабском языкознании вообще и в отечественной арабистике в частности. Объективными обстоятельствами можно считать и многоаспектность стилевой тематики для любого языка, и отсутствие проверенных методик исследования, и необходимость выхода в литературоведение. Субъективным обстоятельством является требование сочетания в лице одного исследователя высочайшей переводческой компетенции, отличной научной подготовки, глубокого знания арабской и русской литературы и того, что называют «чувством языка». Таким исследователем сегодня можно назвать, к сожалению, только одного человека — доктора филологических наук, профессора Государственного университета Санкт-Петербурга Анну Аркадьевну Долинину, чья статья «Арабски на тему Эткинда» упоминалась выше.

Но нельзя не упомянуть диссертацию О. Е. Чухланцева², материал которой может быть использован при разработке функционально-стилистических проблем в ЧТПАЯ, а также появление некоторых методик исследования, которые дают достаточно корректные результаты³.

¹ *Игнатъев А. С.* Особенности ритмико-синтаксической стратификации организации современной арабской ораторской речи (на материале социально-политического красноречия в Египте). Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1980; *Спиркин А. Л.* Лингвостилистическая характеристика арабской публицистической письменной речи. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1981.

² *Чухланцев О. Е.* Функционально-стилистическая стратификация и экспрессивно-стилистические ресурсы арабского языка (в сопоставлении с русским языком). Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1994.

³ *Финкельберг Н. Д.* Стилистические аспекты частного переводоведения (методика — эксперимент — результат) // Сб. статей. № 29–30. М., 1993.

3. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Психосемантическая проблематика — новое направление в ЧТПАЯ. Важность и актуальность разработки психолингвистических проблем связаны со следующими обстоятельствами.

Акт любой речевой коммуникации осуществляется в широком лингвосоциокультурном контексте, который детерминирует речевые поступки коммуникантов не только в собственно языковом, но и в социальном, культурном и психологическом пространстве. Это предполагает, что у адресанта и адресата существуют определенные сопрягаемые компетенции языкового и неязыкового характера. Только в этом случае адресат получит доступ не только к тому, **как** оформлена мысль, но и **почему** она оформлена так, а не иначе, и **зачем** адресант вступил в коммуникацию. И только в этом случае будут созданы необходимые условия для вербального решения неречевой задачи.

Отражение объективной реальности в сознании человека в виде образа этой реальности, чувственная реакция на факты объективной реальности связаны с тем мировидением, которое у него складывается под влиянием деятельностного опыта вневербального и вербального общения. Поскольку «язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения в одно великое, исторически живое целое»¹, в менталитетах людей, принадлежащих к одному языковому этносу, обнаруживаются определенные общие черты работы сознания, которые находят отражение в речемыслительной деятельности, а также в речевом поведении. Поэтому понять

¹ Ушинский К. Д. Избр. педагогические сочинения. М., 1945. С. 206.

и усвоить особенности речи иностранного коммуниканта невозможно без понимания особенностей его сознания, которые материализуются в языковых и речевых знаках. Нельзя овладеть иностранным языком, используя только память.

Для успеха своей речемыслительной деятельности человек должен усвоить язык не как сумму конечного числа элементов¹, которые удобно выделять, описывать, наглядно представлять и т. д., а усвоить язык как реально существующую системность психолингвистического характера, которая отражает особенности коммуникативной мыслящей личности носителя этого языка.

Психолингвистическая системность любого языка находит свое непосредственное отражение в системе психосемантических установок (далее — **СПСУ**). СПСУ — глубинная подсистема, действующая в сознании человека и формирующаяся в неразрывной связи с формированием других подсистем его сознания. В СПСУ аккумулируются:

- 1) *воздействие среды*, физической, исторической и культурной, в которой развивался и развивается языковой этнос;
- 2) *работа сознания людей*, принадлежащих к данному этносу, в том числе работа сознания во множественных актах речевой коммуникации;
- 3) *особенности языковой системы*.

В актах речевой коммуникации национальная специфика СПСУ предстает как национальная специфика смыслообразования и смыслопонимания, необъяснимая непосредственно нормативными правилами языковой системы.

СПСУ действует:

- а) на границе трех сущностно различных составляющих акта речевой коммуникации (действительность — мышление — язык и его речевые реализации);
- б) в виде «недоопределенных правил»;

¹ Дж. Миллер подсчитал, что человеку только для того, чтобы прослушать употребляемые в его языковом коллективе предложения, потребовалось бы жить в 1000 раз дольше, чем он живет.

в) регулируя деятельность монолингва на всех этапах его рече-мыслительной деятельности. Такими этапами являются: этап перекодирования внешних относительно человека явлений действительности в сенсорные импульсы, которые интегрируются в довербальный образ ситуации; этап формирования развернутой программы будущего речевого поступка, коммуникативного образа ситуации и этап перекодирования коммуникативного образа ситуации в текст.

Знание СПСУ (как и языковая и языковая коммуникативная компетенции) не является врожденной способностью человека. Однако, в отличие от языковой и языковой коммуникативной компетенций, эта система усваивается им на сенсорном, а не на рациональном уровне сознания. СПСУ, хотя по своей сути является не лингвистической, а психосемантической субстанцией, наиболее последовательно эксплицируется в языковых и речевых формах. Поэтому, усваивая вербализованные образы, возникшие в филогенезе и закрепленные в дискурсе, монолингв интуитивно присваивает определенную часть СПСУ, которая актуализировалась в создании этих образов другими представителями его этноса, и интуитивно начинает использовать те же психосемантические установки как матрицу для создания образов в собственной рече-мыслительной деятельности.

Конкретная СПСУ может определять модель создания образов:

- с большей или меньшей детализацией признаков реальной ситуации или идеального объекта (бинарная оппозиция *интеграция: дифференциация*),
- с большей или меньшей степенью чувственных ассоциаций при формировании образа (бинарная оппозиция *чувственность: рациональность*),
- давать установку на сохранение или изменчивость ранее имеющегося опыта (бинарная оппозиция *устойчивость: изменчивость*) и т. д.

Номенклатура психосемантических установок, вероятно, должна быть отнесена к универсалиям в той степени, в какой

универсальна работа человеческого мозга вообще и речемыслительная деятельность в частности. Что же касается национальных различий систем ПСУ, то они обнаруживаются в *своеобразии конфигураций бинарных оппозиций*. Например, если сильная установка на интеграцию в одной СПСУ сталкивается с сильной установкой на дифференциацию в другой, можно говорить о том, что в первой СПСУ (в первом языке) по сравнению со второй СПСУ (со вторым языком) интеграция доминирует над дифференциацией по силе влияния на работу сознания монолингва. Это влияние может проявляться на некоторых или на всех этапах его речемыслительной деятельности.

Сильные психосемантические установки, отмеченные для одного языка по сопоставлению с аналогичной, но слабой установкой другого, будем называть **семантической доминантой** этого языка относительно другого языка.

Чем ближе друг к другу оказываются три фактора, лежащие в основе формирования СПСУ (среда обитания, работа сознания, язык), тем меньше так называемых «неязыковых» различий в смыслообразовании и смыслопонимании обнаруживается в актах двуязычной коммуникации. Следовательно, тем меньший интерес привлекает к себе данная проблема. Практика русско-арабских переводческих контактов, напротив, превратила СПСУ в важное и актуальное направление исследований как в теоретическом, так и в практическом плане.

На сегодняшний день в системе психосемантических установок, актуализирующихся в текстах на арабском литературном языке (далее — **АЛЯ**), выявлены три семантические доминанты относительно СПСУ, которая актуализируется в русских текстах:

- семантическая доминанта *чувственного восприятия* (далее — **СДЧВ**);
- доминанта *высокой семантической интеграции* (далее — **ДВСИ**);
- доминанта *семантической устойчивости* (далее — **ДСУ**)¹.

¹ Финкельберг Н. Д. Теория семантических доминант (на материале арабского литературного языка). Автореферат дисс. докт. филол. наук. М., 1994. В ка-

В системе языка сильное влияние СДЧВ проявляется:

- в фонематической образности корне- и словообразования,
- в четкой связи между производящей и производной основами (графическая четкость и этимологическая выводимость),
- в мотивированности лексического значения благодаря «семантически неподвижному» корню.

В речи влияние СДЧВ в различной степени обнаруживается:

- при обозначении отдельных элементов ситуации;
- при обозначении ситуации в целом;
- на синтаксическом уровне структуры арабского текста;
- в оценочной деятельности.

При обозначении отдельных элементов ситуации арабофоны чаще, чем русские, используют слова и словосочетания конкретного значения. Например, в тексте *أنقذنا من الحرج قدوم خادم القطار* (букв.: Спасло нас от неприятного положения появление слуги поезда) *служой поезда*, т. е. *поездным служой*, именуется человек, который в русском языке именуется словом *проводник*. Согласитесь, что *поездной слуга* более конкретно и прямо обозначает элемент ситуации, чем многозначное слово *проводник*, чье значение этимологически не выводится из семантики словообразовательной модели.

При обозначении ситуации в целом в арабском тексте также прослеживается стремление отправителя текста отразить ситуации в зримых, «живописных» формах. Например, арабский журналист, который вернулся в гостиницу, после того как, заблудившись, несколько часов бродил ночью по январской Москве, так описал свое состояние: (букв.: Останавливаются мои губы и мои зубы от какого-либо движения). Образ и состояние окоченевшего от холода человека в таком описании предстает перед получателем как наглядная картинка, иллюстрирующая ситуацию

честве иллюстрации рассмотрим отражение действия СДЧВ на различных участках речемыслительной деятельности арабофона. Эта доминанта формирует предметно-образное мироощущение, «детское» восприятие мира, в том числе и мира языковых и речевых форм.

с помощью выделения в н е ш н и х признаков (довербальный этап речемыслительной деятельности) и обозначая выделенные признаки словами п р е д м е т н о г о значения (этап перекодирования образа в языковых знаках). Причем следует отметить, что такой способ описания ситуации не фразеологичен. Египетский журналист использует для описания ситуации не готовое клише (ср. с русскими оборотами *стучать зубами от холода, промерзнуть до костей*), но авторски «рисует картинку».

Действие СДЧВ обнаруживается и на синтаксическом уровне арабского текста. Прежде всего это проявляется в большом числе предикативных групп. В результате синтаксический рисунок арабского текста во многом напоминает синтаксический рисунок сказки, которую рассказывают детям. Текст как бы дробится на отдельные короткие, грамматически завершенные кадры. Например, нижеприведенный отрывок из очерка о душевнобольной женщине содержит шесть предикативных групп (разделены знаком ||).

وقالت المرأة || و عمرها حوالي 36 سنة || إنها تشاهد في ركن
من الغرفة رجلا قصير القامة «قزم» || و شعر لحيته طويل
و يصل الى ركبتيه || و يظهر لها لمدة ثوان || ثم يخفي

(букв.: И сказала эта женщина, и возраст ее около 37 лет, что она видит в углу этой комнаты человека короткого роста, «карлика», и волосы его бороды длинные, и достигают они его двух коленей, и показывается он для нее на протяжении нескольких секунд, затем скрывается).

В адекватном русском переводе этого отрывка число предикативных групп уменьшилось вдвое:

Эта тридцатисемилетняя женщина рассказывает, // что в одном из углов комнаты появляется человек карликового роста с длинной до колен бородой // Он показывается на несколько секунд, а потом пропадает.

В оценочной деятельности арабофонов влияние СДЧВ обнаруживается в предпочтениях, которые в текстах отдаются оценкам, связанным с физическими сторонами мира действительности — *большой, яркий, ароматный*, и реже используются оценки, вторичные по своей природе, появление которых связано с обработкой чувственных впечатлений в рациональной сфере сознания по шкале «хороший // плохой» (ср. в русском языке: *большой, но громоздкий; яркий цвет, но ядовитый цвет* и т. п.). В связи с этой особенностью один и тот же арабский эпитет в различных ситуациях может передавать как положительную, так и отрицательную оценку. Например, признак физической устойчивости, который актуализируется в причастии **ثابت**, может восприниматься как положительная оценка в одной ситуации (**المنهج الثابت** — *последовательный курс*) и как отрицательная оценка в другой ситуации (**المصادر الثابتة** — *ограниченные ресурсы*).

Более подробно о влиянии СДЧВ и других семантических доминант пойдет речь в последующих разделах. Данное направление исследований в ЧТПАЯ еще только начинает разрабатываться. Методика исследования нуждается в новых экспериментальных методах.

4. ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Лингвосоциокультурная проблематика включает в себя:

а) проблему реалий, в которых отражаются различия, связанные со средой обитания, материальной культурой, производственной деятельностью, социально-бытовыми традициями, нравственными ценностями и пр.;

б) проблему диглоссии и другие вопросы, связанные с языковой ситуацией в стране обитания иноязычного этноса;

в) проблему регионализмов.

А. Важность сопоставительного знания реалий для переводчика трудно переоценить. Вот какие примеры переводческих ошибок приводит А. А. Долинина. Н. Стефанович так начинает перевод одного лирического стихотворения:

И снова дождь! Опять, стекая с крыш,
Ты монотонно каплями стучишь...
И ящерица ловкая сквозь грязь
Легко скользит, куда-то торопясь.

А. А. Долинина пишет: «В воображении возникает элегическая картина в конце лета, где-то на даче, под Москвой или под Петербургом. Но оказывается, что Н Стефанович так переводит Имруулькайса, знаменитого бедуинского поэта VI века, жителя пустынь, для которого дождь — величайшее благо, поэт любит-ся им и на самом деле говорит следующее:

«Огромная туча с обтрепанными обвислыми краями накрыла землю, и из нее хлещет проливной дождь.

Тебе виден колышек [от палатки], когда дождь ослабеваает, а когда он усилится, то и колышка не видно.

Ты видишь, как ящерица легко и ловко подгибает лапки, чтобы не запачкаться».

Стоит ли задавать вопрос, где переводчик услышал монотонный стук капель и какие крыши у бедуинских палаток?

Другой переводчик древней арабской поэзии, А. Ревич, нашел в пустыне болото (!):

«Рассыпалась гора, трясина под пятой» [12].

В подлиннике (стихотворение аль-Мухальхиля, VI в.):

«Накренилась под нами земля, и сдвинулись с места ее опоры» [93].

У того же А. Ревича ямка с сохранившейся в ней дождевой водой превращается в «запруду речную» [17] — это в пустыне-то! Мало того, по его представлению, очевидно, древние бедуины занимались пчеловодством:

«Волнуется стая, как рой растревоженных пчел,
Когда разоряют их дом на зеленом кургане» [16]

— пасеку, что ли?

В подлиннике (поэт аш-Шанфара, VI в.):

«[Стая похожа] на растревоженный рой, пчел которого вспугнули палочки, укрепленные высоко забравшимся собирателем меда» [458].

Разумеется, картина без комментариев непонятна. Конечно, никаких ульев у бедуинов нет, речь идет о диких пчелах, которые селились в расщелинах скал. Тот, кто желал полакомиться медом, взбирался на скалу и вставлял в расщелину полые бамбуковые трубочки с узкими дощечками внутри, по которым мед стекал в подставленный сосуд.

Если верить А. Ревичу, то бедуины жили не в палатках, а в каменных домах, от которых остались «развалины» [25], или «руины» [32, 94] (в арабском тексте — «стершиеся следы»), мылись они в «целительной бане» [28], на которую в подлиннике и намек нет, а на стоянке занимались групповым сексом:

«Там для красавиц верблюдицу я заколол,
После чего их самих оседлал на привале» [26].

На самом же деле:

«В тот день я заколол для девушек свою верховую верблюдицу.
И как удивительно! Они понесли на себе ее седло»¹.

Проблема реалий в ЧТПАЯ еще только начинает разрабатываться², но уже стала сегодня одним из перспективных направлений в ЧТПАЯ.

Б. Проблемы диглоссии и других вопросов, связанных с языковой ситуацией в арабских странах, целенаправленно в ЧТПАЯ еще не разрабатывались. Пока можно отметить лишь появление некоторых работ, в которых затрагивается вопрос вкрапления диалекта в определенных условиях речевой деятельности арабов (см., например, работы О. Е. Чухланцева и А. С. Игнатьева).

¹ Долинина А. А. Указ соч. С. 121–122.

² Шагаль В. Э. Межкультурное общение и взаимопонимание с арабами // Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции 5–8 октября 1998 г. М., 1998; Шамраев Н. А. Приемы передачи арабских реалий на русский язык // Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции 5–8 октября 1998. М., 1998; Шамраев Н. А. Лингвострановедческие основы классификации и лексикографического описания реалий арабского языка (в сопоставлении с русским языком). Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1997; Долинина А. А. Арабески на тему Эткинда // Взаимовлияние литератур Европы и Азии и проблемы перевода. СПб., 1999; Сивохо М. И. Прагматические аспекты передачи реалий при переводе художественной прозы с русского языка на арабский. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 2007.

В. В лучшем положении находится разработка регионализмов¹, особенно в военном подязыке². Однако это направление также нуждается в дальнейшей разработке.

Завершая рассмотрение проблематики ЧТПАЯ, следует кратко остановиться на следующих двух моментах: разработка теорий для отдельных видов перевода арабского языка и разработка прикладных проблем ЧТПАЯ.

Проблемы теорий отдельных видов перевода еще ждут своих исследователей. Можно надеяться, что со временем появятся: теория устного перевода арабского языка, теория синхронного перевода арабского языка, теория художественного перевода арабского языка и т. д.

В будущих прикладных проблемах ЧТПАЯ выделяются: разработка методик обучения переводу, создание новой учебной литературы по переводу и создание переводческого словаря.

¹ Осипов В. Д. Типы арабских регионализмов // Сб. статей. № 11. М., 1975; Шамраев Н. А. Указ. автореферат диссертации.

² См. работы по военной терминологии, указанные выше.

Глава 3

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ АРАБСКОГО ЯЗЫКА И ПЕРЕВОД

Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу.

Фердинанд де Соссюр

Материализуя свою мысль, человек вступает во взаимодействие с системой языка во всей сложности составляющих ее подсистем: фонетической, морфологической, словообразовательной, синтаксической и семантической. Знание системных особенностей арабского языка — одно из фундаментальных условий подготовки переводчика-арабиста. Известный отечественный переводчик Лев Гинзбург писал: «В переводе, наверное, самый тяжкий грех — **ложь**. Грех перед автором, перед самим собой. Есть ложь преднамеренная, когда чужое выдают за свое и свое за чужое. Есть ложь невольная — **от недостатка знания**, главным образом языка»¹.

1. НОМИНАЦИЯ

Понятие номинации. Коннотативные значения арабского слова. Национально маркированные разделы арабского вокабуляра. Арабская языковая картина мира.

В настоящем разделе речь пойдет о **номинации** как суммарном обозначении лингвистических проблем, связанных с именованием, а также со словообразованием, полисемией, фразеологией,

¹ Гинзбург Л. Разбилось лишь сердце мое // Новый мир. М., 1981. № 8.

рассматриваемыми в номинативном аспекте. Эти проблемы будут рассматриваться в рамках системы языка, а не речи.

Минимальной единицей номинации, самостоятельной по значению и по форме, является слово. Помимо слова единицей номинации может стать словосочетание, фразеологизм и предложение. В число «элементных номинаций» может быть также включена морфема и словообразовательная модель.

Процесс номинации начинается с объекта, который принадлежит к миру, внешнему для языковой системы, а заканчивается появлением объекта, который принадлежит к миру языковой системы. Этот новый объект, результирующий процесс наречения, имеет знаковую природу: а) материальную («тело знака» номинативной единицы) и б) идеальную (мысленный конструкт, сигнификат), в котором интегрируются внеязыковые представления (образ объекта именованного), языковые представления (образ языкового знака) и дополнительные оценки, которые дает человек объекту именованного (прагматические значения). Номинативные единицы как материальные объекты суть символы, которые вызывают в сознании носителя языка стереометрические образы сигнификатов (мысленные объекты) и относятся «к содержательным понятиям, как библиотечная картотека — к содержанию зарегистрированных в ней книг»¹.

«Слово в наши дни как никогда прежде обросло множеством дополнительных значений, смысл, заложенный в нем, непомерно разросся. Не проникнув в ядро слова, невозможно интерпретировать текст: переводчик читает его слепыми глазами»².

Для того чтобы *приблизиться* к пониманию содержательного понятия, репрезентируемого иностранным словом, переводчик должен стремиться к тому, чтобы в его сознании сформировался когнитивно-чувственный образ, подобный тому, который вызывается этим словом в сознании носителя иностранного языка. Пока этот образ не сформирован, нельзя быть уверенным в правиль-

¹ Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Наука. 1965. С. 24.

² Гинзбург Л. Разбилось лишь сердце мое // Новый мир. М., 1981. № 8.

ном понимании не только смысла, но даже содержания высказывания.

Переводческое сопоставление позволяет выделить три проблемы, в которых наиболее ярко обнаруживаются отличия арабской номинации от русской номинации:

- А) коннотативные значения арабского слова;
- Б) национально маркированные разделы арабского вокабуляра;
- В) лексико-семантические поля;
- Г) арабская языковая картина мира.

А. Коннотативные значения арабского слова

В каждом слове отражен накопленный опыт лингвокультурного сообщества по восприятию внешнего мира, по выделению признаков предмета или явления этого мира и по деятельности этнического сознания, направленного на поиски средств кодирования выделенных признаков в языковой материи. В результате в содержательное понятие слова включаются множественные элементы знания (*когниции*), связанные с экстралингвистическим и лингвистическим опытом этноса.

Словари фиксируют преимущественно только часть этих знаний в виде информации о лексических, грамматических и некоторых функционально-стилистических значениях слова. Этого явно недостаточно для приобретения переводческой компетенции, так как не позволяет переводчику проникнуть в механизм формирования содержательного понятия и получить те знания, которые появились у этноса во время работы этого механизма и сохранились у носителя языка, но не отражены в словарях.

В науке о языке такие скрытые знания принято обозначать термином *коннотация*. Понятие **коннотация** (ср.-лат. *connotatio*, от *connoto* — *имею дополнительное значение*) в Лингвистическом энциклопедическом словаре трактуется как эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуально-го (закрепленного в системе языка) или окказионального харак-

тера. Ю. Д. Апресян определяет коннотативные значения как *ассоциации* и *аллюзии*, Н. Д. Арутюнова — как *макрокомпонент значения*. За коннотациями скрываются области сознания, в которых в виде фреймовых структур хранится *чувственный опыт*, накопленный этносом (узусальные коннотации), и индивидуальный опыт отдельных представителей этноса (окказиональные коннотации).

Коннотативные значения представляют особую трудность в адекватном восприятии арабского слова, так как если в европейских словарях наличие коннотативной семы в значении слова может быть частично зафиксировано в виде специальных помет функционально-стилистического характера или в форме иллюстративных примеров, то в арабских словарях пометы такого рода отсутствуют, а иллюстративных примеров недостаточно. Недостаток этой информации для выявления наличия таких сем и для определения их значения настоятельно требует определить каналы, пользуясь которыми переводчик может получать сведения о коннотациях самостоятельно, получив доступ к национальным особенностям кодирования коннотаций в арабском слове.

Особую национальную черту арабских коннотаций **составляют коннотации, связанные с корнеобразованием и словообразованием**. Чтобы понять глубинные причины, вызвавшие формирование коннотаций, остановимся на *особенностях исторического процесса номинации в АЛЯ*.

Как говорилось выше, в механизме номинации находят свое отражение, во-первых, особенности восприятия объекта именованного, а во-вторых, национальные особенности кодирования образа объекта именованного в языковом знаке. В восприятии отражается отношение человека к предмету, в кодировании — отношение человека к системе языка. Оба отношения имеют национальную специфику и взаимосвязаны друг с другом.

А.1. В классический период развития АЛЯ сложилась **корневая номинативная база** для последующего словопроизводства. Основной корневой состав современного АЛЯ отражен в первых памятниках раннего классического периода и представлен в до-

исламской поэзии, Коране, а также в ранних административных документах¹.

Существует мнение, что главной тенденцией корнеобразования того периода было расширение первичных двухсложных корней до трехсложных, которые, по данным известного отечественного арабиста С. С. Майзеля, составляют 82 % от общего числа арабского корнеслова на современном этапе².

Арабскому корню соответствуют постоянное исходное значение (المعنى الأصلي) и общее интегрированное понятие, которое объединяет словоформы, образованные от данного корня, в единое семантическое поле. Таким образом, семантической основой для словоформ поля оказывается концепт, который не дан в непосредственном опыте, ни в психологическом, ни в физическом. Этому концепту в арабистике соответствует термин **инвариант корня**. Инвариант корня есть некое симультанное представление о простейшем означаемом, нечленимом на составляющие элементы и глобальном по своей природе. Различие между инвариантом корня и значением слова состоит в качественном различии их означаемых. Слово репрезентирует *понятие*, корень указывает на *понятийную область*. Например, слова, образованные от корня {ع ل م}, репрезентируют с различной степенью уточнения одну общую идею з н а н и я, у з н а в а н и я: علم — *знание; наука, теория*; علماء — *ученые мужи; алимь (знатоки мусульманского права)*; إستمع — *наведение справок; образование; тренировка; доктрина*; إعلام — *уведомление, извещение; информация* и т. д.

Инвариантом двухсложного корня является некий единый семантический заряд высокой степени интеграции, который сохраняется в инвариантах трехсложных корней, обра-

¹ См.: Белова А. Г. Историческая морфология арабского языка. М., 1994. С. 19 и далее; Белкин В. М. Указ. соч. С. 36 и далее.

² Майзель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М.: Наука, 1983. С. 78. См. также: Юшманов Н. В. Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. М.: «Восточная литература» РАН, 1998. С. 126–199.

зованных от данного двухсогласного корня. Например, корни {ق ب س}, {ق ب ض}, {ق ب ل}, {ق ب ن} и т. д. объединяются общей идеей захвата. В рамках трехсогласного корня идея захвата получает различную конкретизацию:

- **قبس** — приобретать знания, учиться; заимствовать;
- **قبض** — брать в руки, держать; владеть; сжимать; принимать; получать (например, жалованье); схватывать, арестовывать; тяготить, удручать;
- **قبل** — принимать, встречать; принимать на веру, верить; соглашаться; терпеть, смиряться; подчиняться, поддаваться;
- **قبن** — взвешивать безменом; прикидывать на руке вес.

Чередование третьего согласного развивает общую семантическую идею, заключенную в инварианте двухсогласного корня. Как известно, использование чередования согласных в корне в семантических целях называется **аллотезой**.

Другим распространенным приемом арабского корнеобразования в тот период был прием перестановки согласных в трехсогласном корне. Вопросы комбинаторики согласных корня традиционно были предметом пристального внимания арабских лингвистов — Ибн Джинни, Абу аль-Хусейна Ахмада ибн Фариса, Абу Бакра Мухаммада ибн аль-Хасана ибн Дурайда и многих других. Так, аль-Фарис (умер около 1005 г.) доказывал, что слова с тремя одинаковыми согласными корня, для которых возможны три комбинации, являются синонимами. В качестве примера аль-Фарис приводил слова **لحيم**, **حميل**, **حليم** — *тучный, дородный*. Интерес к этому вопросу сохраняется и в современной арабской литературе. Например, Абдалла ас-Сани пишет о «наибольшем смысле» (**المعنى الأكبر**), который объединяет различные сочетания корневых согласных {ق و ل} — *живость, проворство, легкость движения* (**خفة و حركة**):

{ق و ل} — **القول** — *говорение* (легкие движения губ и языка);

- { ق ل و } — القلو — *дикий осел* (животное, отличающееся подвижностью и быстрым бегом);
 { و ق ل } — الوقل — *каменный козел* (животное, легко перепрыгивающее через препятствия);
 { لوق } — اللوق — *размягчение движением рук*;
 { و ل ق } — الولق — *скорость*¹.

Таким образом, в языковой номинативной системе образовались две сетки концептов — сетка инвариантов двухсложных корней и сетка инвариантов трехсложных корней. Причем, как легко заметить, уровень абстракции в этих концептах превышает уровень обобщения, привычно допустимый для носителя русского языка.

Хотя эти процессы происходили в отдаленные времена, с точки зрения семантики важно, что отмеченные концепты, эти сетки интегрированных понятийных полей продолжают сохраняться в сознании современных носителей арабского языка². Это явление имеет *два следствия*.

Первое из них, близлежащее, — обогащение образа знака: арабская номинативная единица манифестирует не только объект именованного, но и одновременно ориентирует сознание на целое ассоциативное семантическое поле сходных объектов именованного, создавая многоплановость значения словоформы с возможностью движения в глубь исходных или пересекающихся множеств семантических понятий.

Связь значения слова с инвариантом корня проявляется и в том, что все изменения в семантике слова происходят на фоне сохранения в сознании носителя языка представления о первичном объекте именованного. Между прямыми и переносными значениями в арабском слове никогда не появляется того разрыва, с которым мы сталкиваемся в установлении этимологии русских слов. Семантическая неподвижность арабского корня контрастна с меняющейся величиной корня русского слова. Вряд ли кто-нибудь, кроме специалистов-русистов, знает, что слова *печаль* и *печь* —

¹ Цит. по: Рыбалкин В. С. Арабская лексикографическая традиция. Киев: Наукова думка, 1990. С. 78.

слова одного корня, что слово *кручина* произошло от того же корня, что и слово *крутить* и т. п. Образы русских слов со временем расплываются, либо полностью исчезая, либо утрачивая былую ценность. Этого никогда не происходит с арабским словом.

В качестве примера, иллюстрирующего связь семантики слова с номинацией предметного первоначального объекта (чувственное восприятие и последующее интегрированное представление о признаках этого объекта), приведем слово **كَبَس**. Толковый словарь **منجد** предлагает в качестве примеров употребления в речи этого глагола следующие ситуации:

كَبَسَ رَأْسَهُ فِي الثَّوْبِ — *закутаться с головой в одежду;*

كَبَسَ الْقَوْمَ دَارَهُ — *вторгнуться в чей-то дом (о многих людях);*

كَبَسَ اللَّفْتَ وَنَحْوَهُ فِي الْخَلِّ عِنْدَ الْعَامَةِ — *заливать репу и подобное ей уксусом;*

كَبَسَ عَلَى الشَّيْءِ — *сдавливать что-либо;*

كَبَسَ السَّنَةَ بِيَوْمٍ — *добавлять к году день (о високосном годе).*

Трудно понять, что может связывать репу и високосный год, одежду и толпу людей, вторгнувшихся в дом. Однако эта связь легко осознается, если знать, что понятийное поле корня включает представление о сдавливании, помещении внутрь и сжатии, которое нарушает естественное состояние объекта, и что первоначально этим глаголом обозначалась ситуация *засыпания колодца песком*. Можно предположить, что осознание признаков этой ситуации, как прямых (*узость, стенки колодца, давление, сжатие, текучесть воды и песка*), так и косвенных (*внезапность, естественное состояние и функционирование*), а также осознание в качестве коннотативного признака вредных последствий этой ситуации для жителя пустыни абстрагировались в интегрированное понятие, которое было материализовано знаком. По мере появления новых предметов и явлений значение слова обогащалось (вторичная номинация), однако все изменения оставались все в том же понятийном поле.

Второе следствие сохранения сеток инвариантов корней в сознании арабофонов выходит за рамки номинации в более высо-

кие подсистемы. Речь идет об опосредованном влиянии расширенного уровня обобщения, закрепленного в знаковых формах, на речевую деятельность арабов, а возможно, находит свое отражение и в национальном менталитете. Об этом мы поговорим позже. Пока же вернемся к особенностям кодирования образа объекта в номинативных единицах уже на ином номинативном материале.

А.2. В классический период развития арабской языковой системы наряду с корнеобразованием, в основе которого лежали описанные выше аллотеза (الاشتقاق الكبير) и метатеза (الاشتقاق الكبار), активно функционировало **простое словопроизводство** (الاشتقاق الصغير)¹. Простое словопроизводство — это образование новых слов по определенным моделям с сохранением связи нового слова с производящим словом по форме и значению. Природа словообразовательных значений — заключать в себе лишь «общую семантику создаваемого слова»² — предполагает интеграцию семантических представлений, установку на выделение общего, объединяющего начала, хотя и на ином уровне, чем предметно-понятийное значение. Этот уровень ориентирован не на внешний объект обозначения, а на систему языка, т. е. интенциональный уровень. Словообразовательные модели АЛЯ группируются в четкие ассоциативные семантические поля, характерными признаками которых являются:

- 1) относительно малый набор внешних аффиксов производных основ, глагольных и именных, и
- 2) семантическая определенность моделей.

Благодаря этому семантика производного арабского слова легко может быть выведена из соединения значения корня и значения словообразовательной модели. Это делает анализ «от модели к корню» и анализ «от формы модели к значению модели»

¹ Подробно об арабском словообразовании см.: *Белкин В. М.* Указ. соч. С. 56–97.

² *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1983. С. 96–97.

в акте речевой коммуникации обычной операцией для сопряжения интенционального и референциального смыслов.

Следует отметить, что четкость семантической заданности типа модели, отмеченная в классический период развития вокабуляра АЛЯ, привела к тому, что в языке сближены — в отличие от русского — лексический производящий и семантический производящий ряды, например (сравни с русскими переводами):

أخاف — خاف	бояться — <i>страшить</i>
صارخة — صرخات	крики — <i>истошные</i>
تعلم — علم	преподавать — <i>учиться</i>
تسلم — سلم	вручать — <i>получать</i>
صديق — صديق	друг — <i>закадычный</i>
لازم — لزوم	необходимость — <i>крайняя</i>
مستضيف — استضاف	принять гостя — <i>хозяин</i>
رسم — رسم	рисовать — <i>художник</i>
طبيب — طب	лечить — <i>врач</i>
نظرة — نظر	смотреть — <i>взгляд</i>
طيران — طائرة	самолет — <i>авиация</i>
مفتاح — فتح	открывать — <i>ключ</i>
صحف — صحيفة	газета — <i>пресса</i>
مبطخة — بطيخ	арбуз — <i>бахча</i>
معدن — عدن	добывать полезные ископаемые — <i>рудник; шахта</i>
مشواة — شوي	жарить — <i>сковорода и т. д.</i>

Сетка словообразовательных значений добавлялась к двум сеткам инвариантов корней и еще более усиливала склонность арабофонов кодировать информацию в номинативных процессах с использованием высоко интегрированных понятий, как экстенционального (предметно-понятийного), так и интенционального (категориального) характера.

Эта тенденция имела и продолжает иметь прогрессивный характер на современном этапе развития арабского вокабуляра.

А.3. Как известно, номинативные процессы в языке происходят непрерывно, но с разной степенью интенсивности. Так, для арабского литературного языка выделяются четыре крупных синхронных среза развития вокабуляра:

- домусульманский словарь общинно-племенного строя (конец VII — начало VIII в.);
- расширение словаря, связанное с зарождением, развитием и процветанием средневековой арабоязычной цивилизации (до XII в.);
- период застоя и сокращения диапазона применения АЛЯ (XIII–XVIII вв.);
- начало современного периода (с середины XIX в.).

Как известно, новое понятие может привести к появлению либо новой словоформы (**первичная номинация**), либо к использованию для именованного нового понятия формы, уже имеющейся в вокабуляре (**вторичная номинация**). Первичная номинация осуществляется или за счет иностранных заимствований, или за счет заполнения имеющихся в языковой системе словообразовательных лакун, или за счет создания комбинированной языковой формы (словосочетание, фразеологизм). Вторичная номинация есть результат смыслового развития понятия, ранее материализовавшегося в знаке, на основе интеграции образа нового понятия и образа знака. Если сравнить периоды в развитии арабского вокабуляра, когда процессы номинации были особенно продуктивными, то очевидным различием между ними является различие между первичной и вторичной номинациями. Для периода формирования домусульманского словаря общинно-племенного строя были характерны оба вида номинации, для современного периода — преимущественно вторичная номинация.

Современный период связан с расширением межкультурных связей арабоязычного этноса с западным миром, с приобщением к современной науке, технике и искусству, а также с внутренними процессами развития арабского общества, в том числе с развитием средств массовой коммуникации, народного образования и созданием новой арабской литературы во всем разнообразии современных жанров. В результате арабский литературный язык

получил мощный стимул развития, что отразилось прежде всего на активизации номинативных процессов.

Именно активное развитие номинативной подсистемы АЛЯ подтверждает, что в механизме номинации сохраняется тенденция кодировать информацию об объекте с использованием высоко интегрированных понятий, как экстенционального (предметно-понятийного), так и интенционального (категориального) характера.

Об этом свидетельствуют выведение из активного употребления слов «узкой» семантики и замена их словами общего значения, гиперонимической лексикой. Эта же тенденция прослеживается и при именовании понятий, новых для арабского общества. Например, *депортация* именуется словом إبعاد (букв.: удаление), а *импичмент* — словом إدانة (букв.: осуждение), хотя сохраняется и словосочетание سحب الثقة (букв.: лишение доверия). При этом важно подчеркнуть, что при этом в арабской номинативной единице не формируется нового сигнификата, происходит простое увеличение числа реальных объектов именования, которые появились в жизни общества и по главному признаку оказались сопряженными с изначальным образом первичного объекта именования.

Характерно также, что арабское слово, использованное для именования новой реалии, нередко начинает употребляться и для обозначения смежных с ней реалий. Например, словом الأشعة (букв.: лучи) начинают именовать не только *рентгеновские лучи*, но и *рентгеновские снимки, радиацию, флюорографию* и т. п., и только в случае особой коммуникативной значимости слово الأشعة получает в тексте уточнение.

Как уже отмечалось выше, главной тенденцией в номинативных процессах современного арабского литературного языка является **вторичная номинация**. Опирируя понятием инварианта корня и значением типоформы, арабский адресант конструирует новые слова, заполняя словообразовательные лакуны. Например:

تفعيل — корень { ف ع ل } (понятийное поле: *действие*) + модель масдара 2-й породы (значение: *каузатив*) = **активизация, подталкивание;**

إلتغى — корень { ل غ و } (понятийное поле: *несерьезность, развлечение*) + модель глагола 3-й породы (значение: *возвратность*) = **отвлечься**;

مفخخ — корень { ف خ خ } (понятийное поле: *средства для ловли мелкой дичи*) + модель причастия страдательного залога от глагола 2-й породы = **начиненный взрывчаткой**.

Арабы высоко ценят словообразовательные возможности своего языка и видят в богатстве и четкости словообразовательной парадигмы залог приспособления АЛЯ к современному состоянию общества. Причем следует отметить, что в современных процессах номинации наиболее активными оказываются модели с высоким показателем обобщенности. Так, в последнее время вокабуляр АЛЯ существенно пополняется за счет производных имен, образованных с помощью прибавления суффикса *ية*, формирующего дериватный ряд со значением обобщенно-отвлеченных качеств и свойств: *استقلالية* — *самостоятельность*; *حركية* — *динамизм, динамика*; *شمولية* — *максимализм; тоталитаризм*; *اشكالية* — *проблема* и т. п.

При этом отмечается стремление каждого словопроизводного типа к увеличению своей продуктивности лишь в одном из своих значений, т. е. тенденция к сокращению числа семантических признаков у типотформы. В первую очередь исчезают или становятся малоупотребительными значения, связанные с лексическим, а не с грамматическим значением. Например, в производной второй породе глагола увеличился удельный вес глаголов со значением каузатива и уменьшилось число непереходных глаголов, в особенности деноминативов времени, таких как *بكر* — *делать что-л. рано утром* и тому подобных. Такие изменения в семантике словообразовательных моделей АЛЯ еще одно лишнее свидетельство того, что доминанта высокой семантической интеграции является сильной психосемантической установкой в номинативных процессах и носит прогрессивный характер.

Говоря о доминанте высокой семантической интеграции, нельзя не вспомнить и о слабой дифференциации частей речи АЛЯ. В арабской грамматике традиционно выделяются три круп-

ных блока категориальных понятий — глагол (فعل), имя (إسم) и частица (حرف). В результате такой категориальной полисемантической в вокабуляре арабского языка существуют словоформы, в которых на морфологическом уровне не различаются адъективность и субстантивность, субстантивность и процессуальность, адъективность и процессуальность. Уточнение происходит только в рамках трехуровневой классификационной структуры: семантика — морфология — синтаксис при решающей роли семантико-синтаксической функции слова в речи.

А.4. Особенности кодирования образа объекта в арабской номинативной единице напрямую влияют на коннотацию арабского слова в двух аспектах. Они обусловили **особенности характера коннотативного значения**, с одной стороны, и позволили определить **каналы экспликации**, пользуясь которыми переводчик может получать сведения о коннотациях, не отмеченных в словарях, с другой стороны.

Остановимся более подробно на коннотативных значениях арабского слова. Как уже упоминалось выше, связь абстрактного понятия с конкретной исходной ситуацией, манифестируемой в застывшей семантике корневой основы, интуитивно осознается носителями языка. «Корень является подлинной реальностью языка в том смысле, что живые носители последнего ощущают корень, осознают его, хотя и с разной степенью отчетливости»¹. Любое употребление арабского слова происходит на фоне этого знания. Даже закрепление за словом на каком-то этапе отдельного, пусть даже частотно реализуемого, одного значения еще не может свидетельствовать о том, что исчезли другие, «свернутые» (латентные) признаки базового объекта именованного. Они могут обнаружить себя в тексте либо в полной мере, либо в виде коннотативных значений, либо повлиять на сочетаемость слова. Например, корень {ك ف ح} изначально репрезентировал ситуацию встречи с врагом лицом к лицу и единоборства с ним, прикрываясь щитом или чем-либо подобным. В противоположность этому

¹ Майзель С. С. Указ. соч. С. 87.

близкий по семантике корень {ن ض ل} был связан с ситуацией преследования врага и одержанной над ним победы. Признаком, различающим сигнификаты слов, образованных от этих корней, стали: *оборонительность* в первом случае и *наступательность* во втором. Современные двуязычные словари не отмечают этого различия и в качестве русского постоянного соответствия для имен действия от указанных корней дают только одно слово — *борьба*. Однако различие объективно сохраняется в виде латентных признаков и обнаруживает себя, во-первых, в частом синонимическом употреблении обоих масдаров в тексте для обозначения бескомпромиссной борьбы, включающей частные признаки обеих ситуаций: *лицом к лицу, оборонительность, наступательность, до победы*. Совместное употребление масдаров *كفاح* и *نضال* характерно для эмоциональных текстов и высокого регистра речи.

Во-вторых, слово *مكافحة* (вторая форма масдара, образованная от глагола 3-й породы от корня {ك ف ح}) употребляется в речи для описания борьбы с *болезнью, неграмотностью* и другими подобными явлениями, перед которыми человек оказывается в положении защищающегося. Слово же *نضال* (масдар глагола 3-й породы от корня {ن ض ل}) употребляется для описания ситуаций, в которых реализуются признаки *наступательность, победоносность*, т. е. в ситуациях, когда человек сам нападает на врага.

Естественно, что и в историческом развитии АЛЯ обнаруживается универсальная тенденция номинативных процессов — развитие от частного значения к общему значению. Например:

سلخ — *сдирать кожу* (раньше — *сдирать кожу с барана*);

راح — *уходить* (раньше — *уходить вечером*);

رزح — *изнывать* (раньше — *об усталой верблюдице*) и т. п.

Однако эта тенденция проявляет себя гораздо слабее, чем в русском языке, так как первичный объект именованной неизменно ощущается во всех последующих номинативных инновациях в виде коннотативной семы. Например, денотативное прямое значение слова *قفز* — *прыгать* (раньше — *о газели, лягушке, пры-*

гающем насекомом) дополняется коннотативной семой *внезапности*, которая сформировалась при наблюдении человека за характером движения указанных представителей животного мира. В современном АЛЯ слово **قفز** — частотный глагол. Субъектами при этом глаголе могут быть самые разнообразные «действительные»: *вопрос, товары, человек, сердечный ритм* и т. д. Но во всех случаях реализуется коннотативная сема, идет ли речь о *внезапно* возникшем вопросе, или о *неожиданном* появлении товаров на рынке, или о *резко* вскочившем человеке, или о *резком* изменении сердечного ритма.

Сохранение первичного образа отмечается и в арабской терминологии. Если «чувственно-наглядные» образы реалий, присущие этому специфическому разделу вокабуляра, являются обычно достоянием опыта только соответствующих специалистов, то в арабском термине специальный образ как бы растворяется в базовом образе. Например:

الإنطباعية — *импрессионизм* (букв.: *впечатляемость*);

الدعم — *дотация* (букв.: *поддержка*) и т. п.

Близость прямых и переносных значений в арабском слове является одним из примеров **превосходства чувственного начала**, отличающего номинацию в арабском литературном языке. В арабских номинативных единицах больше, чем в русских, ощущается связь с объективным миром, данным нам в ощущениях.

Такое чувственное восприятие мира проявляется и в плане **о з н а ч а е м ы х** (связь с предметным миром через инвариант корня, т. е. через внутреннее видение образа исходного денотата, о чем говорилось выше), и в плане **о з н а ч а ю щ и х** (связь материального знака с психической субстанцией означаемых через звуковую символику, графическую экспликацию семантических признаков).

В плане означающих подтверждение этому обнаруживается в повышенной семантической функции арабской фонемы в корнеобразовании и в словообразовании. Изменение физического качества звука оказывается связанным с изменением значения словоформы: усиление материальных, физических усилий, затраченных на

произнесение звука, отражается в усилении качества идеального конструкта — значения языкового знака.

Так, при использовании аллотезы образовался пласт антонимических арабских корней, в которых чередуются контрастные звуки. Например: *يسير* — *легкий* // *عسير* — *трудный*; *حلف* — *заключать союз* // *خلف* — *выступить против кого-л.*; *عار* — *позор* // *غار* — *лавыры*. В приведенных примерах *يسير* — *يسير* и *خلف* — *حلف* противопоставление по трудности артикуляции согласных (خ), (ع) относительно (ح), (ي) совпадает на уровне означаемых с появлением антонимических признаков *трудный* // *легкий* в первом примере и *несговорчивый* // *согласный* — во втором. Наоборот, корни, в которых чередуются близкие по своей природе звуки (ر — ل; د — ت; ق — خ; ع — ح), отличаются незначительными изменениями семантики, например: *خضم* *откусывать что-л. влажное, сочное* // *قضم* *откусывать что-л. твердое*.

Экспликация значения через фонемное выражение обнаруживается и на словообразовательном уровне, где изменения семантики производной основы однозначно ассоциируются с произошедшими фонетическими изменениями. Наиболее ярким фоносемантическим изменением в арабском словообразовании является удлинение гласного, манифестирующее появление множественности или постоянства. Нарращение физической интенсивности звука влечет за собой наращение количественных характеристик в семантике слова. Например:

- *كتب* — *писать*, *كاتب* — *писать кому-л.* (появление множественности участников ситуации);
- *زاد* — *увеличить*; *تزايد* — *увеличиваться* (появление множественности, протяженности действия) и т. п.

Интенсивность звучания и связанные с ее появлением семантические изменения обнаруживаются и при удвоении (геминации) согласного производящей основы. Например:

- *كسر* — *сломать*, *كسّر* — *сломать, разломать, изломать; разбить вдребезги*;
- *طاف* — *обойти*, *تطوّف* — *множественно обойти* и т. п.

Использование удвоения согласного или удлинения гласного для выражения аспектуальных характеристик значения может быть отнесено к универсалиям и простейшим фонетико-семантическим средствам языка, используемым для выражения оценки, экспрессии и эмоций. В русской речи также используются подобные приемы выражения экспрессии. Примером могут служить такие реплики, как *Р-р-р-разойдись!* или *Как до-о-олго!*. Однако в арабском языке эти приемы используются не в речи, а в корневых и словообразовательных процессах, т. е. в языке.

Интерпретационный механизм, напоминающий детское восприятие, когда ассоциации и аллюзии кодируются и расшифровываются на акустическом уровне речевого общения, заложен в основу системы номинации, что, в свою очередь, закладывает основу для успешного сопряжения интенционального и реципиентного смыслов в акте речевой коммуникации, помогая эксплицитно выражать значение непосредственно через фонемное выражение.

Что касается образования новых корней на нынешнем этапе развития арабского вокабуляра, то этот процесс отличают следующие черты. Во-первых, этот процесс играет незначительную роль по сравнению с той ролью, которую играют для именования новых понятий корни имеющейся корневой базы АЛЯ. Количество слов, образованных из корней, заимствованных из европейских языков, составляет около одного процента словаря¹. Новые корни в большинстве случаев заимствуются из французского языка или через французский язык (فلم — фильм, دكتورة — звание доктора, سكرتير — секретарь, روتين — рутина и др.), реже из английского языка (ونش — подъемный кран, ورشة — мастерская и др.) и некоторых других. Во-вторых, вполне осваиваются только те заимствованные корни, которые по своей структуре соответствуют существующим арабским моделям. Наконец, в-третьих, заимствования последовательно вытесняются из вокабуляра и заменяются созданием эквивалентов для них на базе наличного арабского корнеслова².

¹ Белкин В. М. Арабская лексикология. М., 1975. С. 115.

² Подробнее о заимствованиях в АЛЯ см: Белкин В. М. Указ. соч. С. 98–117.

Итак, *главной отличительной чертой арабской номинации при формировании сигнификата и при кодировании образа в языковом знаке является предпочтительное выделение крупных понятийных блоков, экстенционального и интенционального характеров, при сохранении связи этих широкообобщенных понятий с предметно-чувственным миром.* Это обстоятельство позволяет утверждать, что арабская номинативная единица — пример соединения чувственного восприятия и последовательного применения аналогии при кодировании чувственного образа в языковом знаке, т. е. пример соединения в сознании воображения и рациональной оценки. Такое сочетание придает системе языка устойчивость и самодостаточность. Именно благодаря этим свойствам преимущественным видом арабской номинации на современном этапе является вторичная номинация, а относительно редкое появление новых словоформ (первичная номинация) происходит по той же схеме — образ осознается на уровне чувственного восприятия, а его материализация в знаке осуществляется по аналогии с уже существующими в системе моделями, заполняя имеющиеся лакуны.

Главной отличительной чертой коннотативных значений арабского слова является связь с исходной ситуацией, фиксированной в застывшей семантике корневой основы, а также связь с фоносемантическими изменениями словообразовательных моделей.

Эта черта требует от русского переводчика перестройки привычного механизма сознания при определении коннотаций знака, поскольку речь идет о «чужеродных» каналах экспликации. Перестройка сознания включает весь комплекс его знаний, умений и навыков. Он должен стремиться узнать как можно больше о семантике корневой основы арабского слова и твердо знать значения словообразовательных моделей. Ему необходимо сформировать умение анализировать «тело знака» и извлекать на основе проведенного анализа скрытую информацию о возможных коннотативных семах значения. Наконец, переводчик должен отработать эти действия до степени операций, чтобы эта работа сознания совершалась автоматически.

Б. Национально маркированные разделы арабского вокабуляра

В арабском вокабуляре существуют некоторые разделы, где на отмеченное выше своеобразие номинации накладываются дополнительные особенности лингвистического, социокультурного и психосемантического характера. Эти разделы должны стать предметом особого внимания переводчика. К ним относятся *дейктические средства, глаголы состояния, словосочетания, ориентированные в лексикон, реалии и слова широкого значения (كلمات فضفاضة)*.

Б.1. Дейктические средства образуют в языке микросистему средств субъективного указания. Дейктические средства включают в себя:

- собственно дейктики,
- слова, для которых словарное значение является дейктическим (предлоги, немотивированные наречия, указательные местоимения и т. д.),
- слова и словосочетания, передающие дейктические значения в определенных синтаксических позициях (мотивированные наречия, деепричастия, адвербиальные словосочетания и фразеологические сочетания),
- а также грамматические категории (например, категории времени, лица, таксиса) и так называемую категорию вежливости.

Дейктические средства состоят из знаков или частей знаков и отсылают получателя текста к тому акту речи, в котором они используются.

Для темы номинации главный интерес представляют собственно дейктики, а также некоторые несобственно дейктические средства, которые занимают промежуточное положение между дейктиками и полнозначными словами, сохраняя тесную связь с их исходными значениями¹.

¹ Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963. С. 408–413.

Большинство арабских предлогов отражают переход от физических представлений к более абстрактным и в конечном счете к синкретичным понятиям. Так, предлог **على** обозначает в своем основном первичном значении положение сверху, из этого значения развились идея (о)владения и идея агрессивности, а также идея избыточности. Например:

- **فرض التراجع على الأعداء** — *заставить врагов отступить* (букв.: навязать отступление **на** врага);
- **تعرف عليه** — *познакомиться с кем-л., но* **تعرف به** — *опознать (труп и т. п.) или хорошо узнать кого-л.*;
- **لا تتزوج عليها** — *Женись только на этой* (букв.: Не бери в жены **сверх** нее).

Другой пример. За предлогом **إلى** с его исходным пространственным значением направления движения закрепляется идея кратковременности (**نظر إلى** — *взглянуть*), а за предлогом **في** с его исходным пространственным значением нахождения внутри — идея долговременности (**نظر في** — *рассматривать*).

Изменение значения глагола в зависимости от употребленного предлога обладает очевидной мотивированностью, связанной с исходной идеей того или иного предлога. Например, **تعرف بها** — *познакомиться с ней* (идея совместности), **تعرف على الجثة من البلة** — *опознать труп по костюму* (идея взгляда, направленного сверху вниз).

Но наиболее очевидно мотивированность обнаруживается не при анализе собственно дейктиков, а при обследовании языковых средств, которые передают дейктические значения только в определенных синтаксических позициях. Например:

- طول** — *длина*, но **طول اليوم** — *в течение дня*;
صدر — *грудь*, но **صدر الصفحة** — *в середине страницы*;
عقب — *пятка*, но **عقب الحرب** — *после войны* и т. д.

Большинство несобственно предлогов легко узнаются из-за их частотности и не вызывают переводческих ошибок. Однако и здесь бывают досадные промахи. Например, слово **صدد** (дентативное значение — *отношение, связь; близость, соседство*) частотно употребляется как дейктик: **في صدد المادة** — *отно-*

сительно этой статьи; **صده** — напротив него, перед ним. Привыкнув к употреблению этого слова в такой синтаксической позиции, переводчик может не понять фразу, в которой оборот **بصدد** выполняет функцию предиката. Например: **هو بصدد إستقالته** — Он собирается подать в отставку; **هو بصدد الأمر** — Он как раз этим и занимается.

Число арабских слов контаминационного употребления велико. Так, Б. М. Гранде отмечает 44 несобственно предлога и лишь 8 частиц-предлогов. В такой же степени это касается и несобственно наречий.

Собственно наречий в АЛЯ, «бесформенных частиц» по определению Б. М. Гранде, типа **هنا** — здесь, **هناك** — там, очень мало. В арабских источниках приводятся цифры от 4 до 6, причем в списки попадают не одинаковые слова. Слабость морфологии система АЛЯ восполняет использованием для выражения наречных значений богатой палитры синтаксических и морфологических средств¹. О синтаксических средствах, выражающих в арабском тексте обстоятельственные значения, речь пойдет ниже.

Морфологическим же средством, заменяющим категорию наречия, является ряд арабских глаголов, которые содержат в своей семантике семы обстоятельственных значений и которые квалифицируются как глаголы состояния.

Б.2. Глаголы состояния в семантическом отношении неоднородны. В их состав включаются как полносемантические глаголы, так и глаголы неполной семантики, которые в речи сопровождаются значимыми глаголами, играя роль вспомогательных.

К полносемантическим глаголам состояния относятся глаголы, в семантике которых (словообразовательной или корневой) содержатся «наречные» признаки. Например, **لازمه** — неиз-

¹ В учебнике общественно-политического перевода приводятся 12 типов таких языковых и речевых средств (Финкельберг Н. Д., Майбуров Н. А. Учебник общественно-политического перевода арабского языка. Ч. II. М., 1986. С. 294–297; 300–301; 305; 319–320; 338; 349.

бежно сопровождать кого-либо; تلازم — *быть тесно связанным друг с другом*; حكم — *запретить в законодательном порядке*.

К полносемантическим глаголам также относятся глаголы типа طال — *быть длинным, долгим*; قصر — *быть коротким, кратким*; كثر — *быть множественным, многочисленным* и т. п. При переводе эти глаголы, как правило, трансформируются в соответствующие русские наречия при русских глаголах, семантической основой для которых становятся субъекты арабских предложений. Например: الناس يكبرون فيعقلون, أما أنت فكلما كبرت قل عقلك — *Люди с возрастом умнеют, а ты чем становишься старше, тем больше глупеешь*.

К глаголам состояния неполной семантики относятся глаголы, обозначающие различные фазы действия — близость, повторение, итеративность¹.

Глаголами близости действия являются глаголы كاد, أوشك, توشك, كارثة أن تقع, أسى — *Вот-вот разразится катастрофа* (букв.: Является накануне катастрофа, чтобы произойти); المسألة وشيكة الحل — *Вопрос почти решен* (букв.: Этот вопрос близкий разрешением).

Глаголы повторения и итеративности в арабском вокабуляре представлены многими глаголами: كرر — *возобновлять, повторять*, تكرر — *повторяться, возобновляться*, أعاد — *возвращать, возобновлять* и т. д. В этом отношении особенно показателен словообразовательный глагольный ряд от корня {ع و د}: عاد — *возвращаться*, أعا د — *возвращать, возобновлять*; اعتاد — *иметь обыкновение* и др. В речи эти глаголы часто трансформируются в русские наречия. Например: عاد و طلب — *Он вновь потребовал* (букв.: Он вернулся и требовал); عاد الى المقدمة من الاهتمام — *Он снова оказался*

¹ См.: Храковский В. С. Семантические типы множественности ситуаций в их естественной классификации // Типология итеративных конструкций. Л., 1989. С. 5–53; Финкельберг Н. Д., Майбуров Н. А. Указ. соч. С. 313–314, 317.

в центре внимания (букв.: Он вернулся к впереди находящейся части внимания); استعاد جلسته — Он *опять* сел на место (букв.: Он возобновил свое сидение).

Переводчику следует помнить, что эти же глаголы могут употребляться в тексте и как однозначные, и поэтому он должен относиться к ним очень внимательно. Общая идея денотативного значения, отраженная в корне языкового знака, подкрепленная идеей словообразовательного значения, в речи варьируется, что расширяет возможности *употребления* знака без изменения его значения. Поэтому переводчик, воспринимая арабский текст, должен производить скрупулезный синтаксический анализ предложения, в котором используются глаголы состояния, а создавая переводной текст, прибегать к переводческим трансформациям различного типа в зависимости от контекста. Например, фраза كثر التساءل (букв.: Были множественными задаваемые друг другу вопросы) может быть переведена *Это вызвало всевозможные толки* или *Пошли разговоры* и т. п.

Б.3. Словосочетания, ориентированные в лексикон, — это «синтаксические модели транспозиционного типа»¹.

К таким типам словосочетаний в АЛЯ относятся словосочетания, различные по своей структуре.

Во-первых, они включают в себя номинативные обороты, образованные по типу несогласованного определения, идафы (الإضافة). Например:

رجال الصحافة — журналисты;

رجال السياسة — политики;

سوء الحظ — несчастье (букв.: плохость счастья);

فتح القبر — эксгумация (букв.: открывание могилы).

Во-вторых, этот тип словосочетаний представлен конструкцией «формального примыкания», «ложной идафы» (الإضافة اللفظية или الإضافة غير المخضة). «Ложная идафа»

¹ Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношения слова и словообразования. Л.: Наука, 1985. С. 279.

обладает, с точки зрения морфологии, как признаками существительного, так и имени прилагательного, а с точки зрения семантики, репрезентирует понятие, состоящее из двух компонентов: семантического ядра (второй член сочетания) и семантического параметра (первый член сочетания). Например:

حديث الولادة — *новорожденный* (букв.: новый рождением);

شاحب اللون — *бледный* (букв.: бледный цветом);

مشغول الفكر — *задумавшийся, задумчивый* (букв.: занятый размышлением).

В-третьих, словосочетания, ориентированные в лексикон, включают сочетания имени с предлогом, выражающие обстоятельственные значения. Например:

بلا هوادة — *безжалостно*;

على وجه التقريب — *приблизительно*;

بالفعل — *практически*.

Все перечисленные типы словосочетаний, ориентированных в лексикон, составляют большой пласт выразительных средств современного АЛЯ и не имеют ограничений функционально-стилистического характера. Тогда как в русском языке сложные слова, близкие по форме к генитивным номинативным конструкциям, в большинстве своем имеют функционально-стилистическую маркированность: *высококонравственный* — книжн.; *длинноволокнистый* — эк.; *сребролукий* — поэт., уст. и т. п.

Словосочетания, ориентированные в лексикон, с одной стороны, относятся к более раннему периоду развития языка, периоду, для которого механизм, известный под названием «сжатие кода»¹, еще не получил современной результативности. Но с другой — имеющиеся подобные словосочетания и их постоянное пополне-

¹ Сжатием кода называется возникновение в процессе развития языка нового слова для обозначения понятия, выражаемого ранее большим числом слов. Например: «нормализация» — إعادة الشيء الى سيره الطبيعي = التطبيع (см.: Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. С. 147).

ние при потребности обозначить новые понятия есть отражение в системе номинации одной из характерных черт арабского вербального мышления. А именно: все перечисленные конструкции отличает семантическая прозрачность, «картинность», свойственная детскому мышлению. Нельзя не отметить и тот факт, что в современном языке отмечается и действие механизма «сжатия кода». Например, понятие *нормализация* в 60-х и 70-х годах прошлого столетия в арабских текстах имело несколько синонимических соответствий, образованных по типу «синтаксической модели транспозиционного типа»: *إعادة العلاقات إلى سيرها الطبيعي* или *إعادة العلاقات إلى مجراها الطبيعية*. Однако уже в 80-х годах эти модели заменил масдар *تطبيع* с тем же значением, но выраженным более абстрактно, «свернуто».

Б.4. В понятие *реалия* в теории перевода принято включать так называемую «безэквивалентную лексику». К реалиям относятся группы предметов, явлений и понятий, характерных только для одной из сопоставляемых социолингвокультур. По классификации В. С. Виноградова, реалии могут быть отнесены к бытовым, этнографическим, государственно-административным, общественным, природным, ономастическим и ассоциативным реалиям.

Арабские реалии целесообразно разделить на реалии, имеющие русские соответствия, закрепленные в двуязычных словарях, и реалии, не имеющие постоянных и равнозначных соответствий в языке перевода.

Реалии, связанные с особенностями места обитания, сферы деятельности, быта, нравственных оценок, веры, а также литературные реминисценции, которые восходят к образцам классических текстов, получили в системе АЛЯ обозначения в виде номинативных единиц — слов или (реже) номинативных единиц — клишированных выражений и имеют фиксированные соответствия в русском языке. Например:

- بدي — *жить в пустыне, вести бедуинский образ жизни*;
 شادوف — *шадуф* (водоподъемное сооружение);
 صريفة (ирак.) — *хижина, построенная из тростника*;

معطين — место у водопоя, где лежат верблюды;

فقّه — мусульманское право;

زردة — сладкое блюдо из риса и меда;

فاتحة — Фатиха (первая сура Корана, букв.: открывающая)

и т. д.

Эти номинативные единицы включены в словари (энциклопедические, толковые, специальные и двуязычные).

Более существенную трудность для переводчика представляют реалии, появившиеся и появляющиеся на современном этапе развития арабского общества и развития АЛЯ. Появление новых понятий и номинативные единицы, которые используются для их обозначения, слабо отражаются в справочной литературе, в том числе и в лексикографической практике. Поэтому переводчику необходимо хорошо понимать национальные особенности вербального мышления арабофонов в номинативных процессах, те особенности, о которых шла речь выше. Применительно к реалиям этот процесс начинается с появления **реалии-денотата** и осмысления денотата как **понятия**, а завершается выбором языковой формы — **реалии-знака**.

Анализ современных реалий-знаков в арабском литературном языке свидетельствует о том, что их появление определяется чувственным восприятием реалии-денотата с выделением одного-двух из наиболее существенных его конкретных признаков. В качестве же реалии-имени избирается:

- либо уже имеющийся знак, в сигнификативе которого уже содержатся аналогичные признаки, т. е. подыскивается имеющийся в системе языка знак, обозначающий более широкое понятие (*декорация* — المناظر, *адаптация* — تكيف);
- либо появляется новая словоформа, заполняющая словообразовательную лакуну, реже корнеобразовательную лакуну (*египтизация* — تمصير);
- либо используется словосочетание, в составных частях которого отражаются данные признаки (*студсовет* — لجنة الطلاب, *диетологи* — خبراء التغذية);

- либо временно реалия-денотат получает развернутое толкование-дефиницию (*реабилитация* — إعادة الاعتبار السياسي);
- либо используются дублетные знаки (*буфет* (напр., в театре) — البوفيه و المقصف).

В случаях вторичной номинации использование знака для обозначения нового понятия повышает роль смыслового контекста. Без учета контекста переводчику не удастся избежать возможных ошибок. Так, Асуанская плотина, построенная в Египте благодаря помощи тогдашнего Советского Союза, называется السد العالي (букв.: *высокая плотина*), но это же словосочетание используется и для обозначения больших гидросооружений в других арабских странах, например в Сирии и Ираке. В этих случаях речь идет уже не об имени нарицательном, а об именах собственных.

Особую трудность для переводчика представляют реалии внутренней жизни арабского общества, которые не имеют аналога в жизни русскоязычного общества. Например, в учебных заведениях некоторых арабских стран существует المحكمة التأديبية (букв.: *воспитывающий суд*) — орган управления, который принимает решения об исключениях проштрафившихся студентов, о введении дополнительных экзаменов и т. п. В этом случае переводчику необходимо узнать содержательный характер явления и найти приемлемый знак в языке перевода, используя знания переводческой технологии.

Еще большую трудность представляют переводческие проблемы, возникающие с поиском соответствий для слов, которые обозначают культурно-специфические реалии. Примером таких русских слов могут служить слова *пошлость*, *интеллигенция*, *шестидесятники* и т. п. Примером арабских слов слова *عروبة*, *سلامة*, *مروة*.¹

¹ См. также: Белкин В. М. Указ. соч. С. 36–55; Шамраев Н. А. Лингвострановедческие основы классификации и лексикографического описания реалий арабского языка (в сопоставлении с русским языком). Автореферат дисс. кандидата филол. наук. М., 1997; Сивохо М. И. Прагматические аспекты передачи реалий при переводе художественной прозы с русского языка на арабский. Автореферат дисс. кандидата филол. наук. М., 2007.

Б.5. Слова широкого значения (كلمات فضفاضة) отличаются от многозначных слов. Р. А. Будагов, исследуя семантику старофранцузского языка, назвал подобное явление «разбросанной полисемией». Для разбросанной полисемии характерно выделение числа признаков, недостаточных для точной идентификации называемого объекта, но достаточных для соотнесения называемых словом объектов с группой предметов или явлений, имеющих общий функционально значимый признак. Это наблюдение совпадает с точкой зрения Р. Якобсона, который считал главным релевантным признаком многозначного слова невозможность выделить общее значение для всех его семантических вариантов.

В арабском языке число слов широкого значения велико. Большинство таких слов составляет слова конкретного предметного значения. Например, слово وحدة *вахда* называет составную часть любой статической системы. В системе жилищного фонда этим словом может называться отдельная *комната, квартира, дом, коттедж, квадратный метр жилой площади* и т. п. В армейской системе может обозначать различное *войсковое подразделение*. В человеческом обществе — отдельную *человеческую единицу*. Другой пример. Словом *عربة* *арба* может быть названа единица любой предметной движущейся системы: *вагон, телега, коляска, экипаж, дрезина, цистерна, лодка* и т. д. Еще одним из многочисленных примеров может послужить глагол *ساق* *саки* с его широким значением *управлять движением предметного множества*. В конкретной ситуации русским соответствием для причастия от этого глагола *سائق* *сакик* могут стать слова *погонщик, шофер, водитель, кучер* и т. д.

Перевод слов широкого значения в тексте требует от переводчика, во-первых, уточнения контекста ситуации и, во-вторых, знания русских конкретных названий объектов, обозначенных арабским словом широкого значения.

В. Лексико-семантические поля

Переводчику, помимо понимания значения отдельного слова, необходимо овладеть системным знанием арабского вокабуляра. Наиболее эффективным способом приобретения этого знания является конструирование им в своем сознании и памяти совокупности языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Такие совокупности принято называть семантическими полями¹.

Семантическое поле представляет собой систему языковых форм (прежде всего слов), которые выражают некое понятие с различной степенью выделения отдельных его признаков. В наиболее обобщенном виде это понятие закреплено за одним словом, которое занимает в поле центральное место. Например, слово طريق — *дорога* — является доминирующим в семантическом поле с инвариантом *имеющая пространственные параметры материальная или идеальная субстанция, следуя которой субъект действия достигает некоторой материальной или идеальной цели*. Чем дальше от центра располагаются другие слова, входящие в состав поля, тем слабее в их собственной семантической системе присутствует данное понятие и тем сильнее присутствие в их системах понятий, формирующих соседние или пересекающиеся с первым полем другие семантические поля. Например, в том же семантическом поле *дорога, путь* слова سبيل — *وسیلة* — طريقة занимают периферию поля и входят в состав пограничного дейктического поля. Признаки, по кото-

¹ Методика выявления и описания семантического поля арабских имен, а также уточнения семантики арабского слова как элемента системы была предложена в 1975 г. (см.: Финкельберг Н. Д. Исследование структурных отношений в семантической системе арабских имен. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1975. Также см.: Краткий словарь слов, отмеченных ассоциативной связью по сходству или по противоположности значения; Финкельберг Н. Д. Общественно-политический перевод. Семантические особенности арабской речи. М., 1984. С. 71–253).

рым отдельные слова конкретизируют инвариант данного семантического поля, могут иметь предметный, понятийный или функционально-стилистический характер. Так, словом *اوتوستراد* называется дорога для автомобильного движения без поперечных наземных переездов; словом *شعب* (мн. *شعاب*) называется горный проход, ущелье (предметные признаки). Слово *درب* того же семантического поля содержит в сигнификате признак трудной проходимости или новизны, неизвестности, т. е. также таящей в себе трудности преодоления (понятийный признак). Слово *هدى* характеризуется особыми функционально-стилистическими признаками (возможность употребления в религиозных текстах), а также понятийными признаками (правильность выбранного пути).

Знание слова как элемента семантического поля, а также знание возможно большего числа других элементов, входящих в данное поле, позволяют переводчику-адресату правильное ориентироваться в намерениях арабского адресанта и, следовательно, более точно в дальнейшем конструировать для себя смысл текста, в котором это слово было употреблено. Это же знание позволит переводчику-адресанту правильно выбрать арабское слово при переводе русского текста, не допустив потери,ращения или искажения смысла. При нынешнем состоянии арабской лексикологии русские переводчики, работающие с арабскими текстами, вынуждены составлять собственные тезаурусные словарики.

Национальные особенности арабской номинации приводят к тому, что арабское слово исключительно редко имеет постоянное соответствие в русском вокабуляре. Такие соответствия имеют только однозначные термины в том случае, когда эта однозначность отмечена и для соответствующего русского слова, например *زنك* — *цинк*, *شوخ* — *ель* и т. п. Поскольку абсолютное большинство слов как арабского, так и русского вокабуляров многозначны, то одно арабское слово вне контекста может соответствовать нескольким русским словам или словосочетаниям. Причем это соответствие весьма условно, так как русское слово тоже многозначно и далеко не все его значения принимаются во

внимание, когда в двуязычном словаре оно используется в качестве соответствия для арабской лексемы. Именно поэтому нельзя автоматически превращать арабско-русский словарь в русско-арабский.

Тем не менее, как известно из переводческой практики, многие номинативные единицы одного языка имеют частотные соответствия в другом языке, даже если это и далеко неполные соответствия. Чаще всего это слова, доминирующие в своем семантическом поле: طريق — *дорога*, مشكلة — *проблема*, شعبي — *народный*, قفز — *прыгнуть* и т. д. Еще чаще это касается не отдельных слов, а номинативных единиц следующих после слова языковых уровней — словосочетаний и предложений:

طبيب الأسرة — *домашний врач*;

غسالة أسبوعية — *приходящая прачка*;

البن الصافي السريع الذوبان — *быстрорастворимый кофе*;

سياسة الانفتاح — *политика открытых дверей*;

جهاز لاسلكي فردي — *переносная радиостанция*;

العصى من العصية و لا تلد الحية إلا حيا — *Яблоко от яблони недалеко падает* и т. д.

Переводчик обычно хранит в памяти и в личных словариках большое число таких соответствий не только из-за того, что ему приходится часто ими пользоваться при переводе напрямую, но и потому, что именно такие соответствия позволяют быстрее осознать узкий контекст высказывания. Заниматься перекодированием арабского сигнификата переводчику предстоит не в языке, а в речи, где актуализируется не вся многозначность арабской номинативной единицы, а лишь какая-то ее часть. Более того, поняв смысл высказывания, переводчик иногда бывает вынужден отстраниться от слова. Но и в этом случае «прежде чем подняться над словом, надо сначала как минимум овладеть

его смыслом, а сделать это без постоянных занятий лексикой родного и иностранного языков — невозможно. Воистину, «в начале было слово»¹.

Арабскому переводчику необходимо следить за появлением новых номинативных единиц, как в арабском языке, так и в русском, и фиксировать найденные соответствия между ними, отмечая все факты первичной и особенно вторичной номинации, такой как, например, مناقصة — тендер; خصصة , تخصيص — приватизация и т. п.

¹ Палажченко П. Все познается в сравнении, или Несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. М., 2000. С. 10.

2. АРАБСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Вокабуляр как отражение национального мирообраза. Теория файлов. Соотношение сигнификатов разноязычных слов, направленных на одну и ту же действительность. Приемы перераспределения каналов информации на уровне отдельного языкового знака.

Итак, в процессе номинации соединяются отражательная способность сознания человека, его мышление и язык. В результате *восприятия и воображения* (отражательная способность) в сознании возникает определенный образ внешнего явления. В результате *анализа и оценки* (мышление) образ приобретает черты конкретизации и упорядочения. На невербальном уровне мышления конкретизация проявляется в выделении признаков образа, а упорядочение — в виде включения образа в уже существующую систему понятий. На языковом уровне (языковое мышление) конкретизация проявляется в виде установления связи между понятием и языковым знаком, а упорядочение — в виде включения данного знака в уже существующую систему языковых форм. В конечном итоге происходит *двойная систематизация* — формируется **система понятий** (мысленные конструкты) и формируется **система вокабуляра** (материализованные знаки языка, символы понятий).

Обе системы носят открытый характер, т. е. изменяются с течением времени. В системе мысленных конструктов появляются новые понятия, исчезают или видоизменяются прежние, усложняется структура системы. В системе символов также происходят множественные количественные и качественные изменения.

Обе системы взаимосвязаны и активно влияют друг на друга. Система понятий, видоизменяясь под воздействием новых впечатлений от внешнего мира, стремится к материализации новых понятий в языковых символах. Символы, обладая знаковостью, т. е. соединяя «тело знака» (словоформу) и «образ знака» (значение), активно влияют на систему понятий, так как придают понятию категориальные языковые значения и добавляют ему коннотации и оттенки, связанные с «телом знака» и с его положением в системе вокабуляра. В результате благодаря языковой системе могут возникать понятия любой степени обобщенности и абстрактности. Эти последние активно воздействуют на механизмы восприятия и оценочной деятельности, формируя более глубокие взгляды носителя языка на окружающий его мир.

Таким образом, *отраженный в системе понятий образ мира неразрывно связан с системой национального языка. Слова выступают как хранилище национальных понятийных знаний о мире в формах системы национального языка.*

Лексикон национального языка отражает иерархически организованные понятия, каждое из которых обеспечено энным числом знаковых выражений (**тезаурус языкового коллектива**). Лексикон отдельного носителя данного языка отражает усвоенную им определенную часть этого множества (**тезаурус личности**). В современном языкознании активно разрабатывается теория **файлов**, в соответствии с которой предполагается, что знаки языка фиксируются в долговременной памяти человека в виде файлов (списков), репрезентирующих определенные участки тезауруса личности. Файлы делятся на:

1) концептуальные, включающие классы словоформ, объединенные по тем или иным знаниям о мире;

2) формальные, включающие классы словоформ, связанные со знанием о языке (например, класс словообразовательных файлов);

3) релятивные (промежуточные между концептуальными и формальными файлами), воплощающие наиболее общие отношения внешнего мира, которые нашли отражение в категориях синонимии и антонимии;

4) специальные файлы (например, файл рифм, кроссвордовый файл, ассоциативные файлы и др.);

5) смешанные файлы¹.

В процессе речемыслительной деятельности осуществляется выбор нужного элемента из известного файла. Актуализированный в данном акте речевой коммуникации элемент файла принято называть **номинантом**, оставшиеся, невостребованные элементы файла — **ассоциатами**. Число ассоциатов не может быть очень большим. Так, А. Моль считает, что это число находится в пределах тридцати². Знание ассоциатов создает фоновое значение и влияет на объемность вербального образа референта, формирующегося у участников акта речевой коммуникации.

Естественно предположить, что акт речевой коммуникации будет тем успешнее, чем ближе личностные тезаурусы коммуникантов, чем больше точек соприкосновения обнаружится в структурах и составах файлов, которые зафиксированы в их долговременной памяти.

Из этих данных следуют три практических вывода, касающихся формирования переводческой компетенции.

1. Переводчику нужно, во-первых, обладать большим объемом своего личностного тезауруса как носителю родного языка. По объему тезаурус профессионального переводчика в идеале должен не уступать тезаурусу хорошего писателя, а по смешанным файлам, которые соединяют когнитивные и специальные файлы, превосходить его. Последнее требование относится к переводчику, работающему в определенной конкретной области человеческой деятельности, например в строительной компании или в фирме, занимающейся обработкой алмазов. Работа над пополнением личностного тезауруса должна стать повседневной заботой и потребностью переводчика.

2. Во-вторых, переводчику необходимо целенаправленно работать над формированием в своем сознании и над сохранением в своей долговременной памяти личностного тезауруса как под-

¹ См.: Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990. С. 102–112.

² Моль А. Искусство и ЭВМ. М., 1975. С. 148.

множества от множества тезауруса инонационального языкового коллектива.

Эта работа будет тем результативнее, чем сознательнее переводчик к ней будет относиться. В первую очередь ему следует обратить внимание на те файлы, в которых национальные особенности системы номинации иностранного языка выражаются особенно ярко. Такими файлами в арабском тезаурусе являются формальные и релятивные файлы, а также смешанные, состоящие из релятивных и концептуальных файлов (синонимы и антонимы, образованные от аллотезных или метатезных корней). Работая с концептуальными файлами, переводчику нужно обращать особое внимание на национальные реалии.

При формировании своего арабского тезауруса переводчик не должен допускать подмены понятия, сформировавшегося как элемент арабской системы понятий, русским понятием, сформировавшимся как элемент русской системы понятий. Сопоставительный анализ речевых употреблений показывает, что даже близкие понятия имеют различительные признаки в арабском и русском тезаурусах, что связано с национальными особенностями языкового мышления.

История развития языков мира знает три типа языкового мышления: мифическое, поэтическое и прозаическое. Для первых двух типов наиболее характерным является наглядно-образный и практический образ мышления, для последнего типа — словесно-логический. В подсистеме номинации отражается тип языкового мышления, характерный для всей системы. Для переводчика понять сущностные отличия типа языкового мышления носителей иностранного языка от типа языкового мышления носителей родного языка переводчика — значит приблизиться к особенностям иного мировидения, которое формируется с участием философских основ языковой системы. Только так он сможет «приобрести способность понимать и производить бесконечное количество правильных комбинаций элементов неродного языка»¹.

¹ Вейнрих Уриэль. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика 111. М., 1999. С. 12.

Подсистема номинации АЛЯ обнаруживает сохранение черт мифического типа языкового мышления¹. Доминирующая в номинативных процессах установка на чувственное восприятие окружающей действительности соединяется в АЛЯ с сильной установкой на высокую интеграцию семантических представлений, которая позволила упорядочить структуру вокабуляра с алгебраической непротиворечивостью. Что касается понятийной арабской системы, то ее отличают понятия, которым присущи, с одной стороны, значительная обобщенность, а с другой стороны, сохранение связи с образом первоначального физического денотата (сценой-прототипом по Ч. Филмору).

3. В-третьих, для переводчика недостаточно сформировать в своем сознании два личностных тезауруса, русского и арабского. В процессе перевода эти две системы постоянно взаимодействуют, в результате чего формируется смешанный тезаурус. Смешанный тезаурус есть некое искусственное мировидение, в котором разноязычные понятия и слова, их материализующие, представлены в виде пересекающихся проекций. Для того чтобы такие проекции имели объективный характер, полезно сравнивать понятийные поля, как предметно-понятийные, так и категориальные.

В качестве примера рассмотрим понятийное поле «удивления». В словаре С. И. Ожегова *удивление* толкуется как «впечатление от чего-нибудь неожиданного, странного, непонятного». По данным Словаря синонимов русского языка З. Е. Александро-

¹ Известный французский лингвист Э. Б. де Кондильяк так характеризовал этот тип языкового мышления: «...Первые названия, дававшиеся тому, что мы способны испытывать, обозначали лишь чувственную деятельность» (1980: 239); «Языки были точными методами, поскольку люди говорили только о вещах, относящихся к насущным потребностям» (1983:238); поэтому «...первые языки были наиболее пригодными для рассуждения... Возникновение идей и способностей души должно было быть очевидным в этих языках, где было известно первое значение слова и где аналогия всегда определяла другие значения. Названия идеям, которые ускользали от чувств, давали исходя из тех чувственных идей, от которых они происходили» (1983: 242) (Цит. по: *Зубкова Л. Г. Язык как форма. Теория и история языкознания*. М., 1999. С. 49).

вой, синонимом для слова *удивление* является слово *изумление*. В АЛЯ близкое понятие репрезентируется по меньшей мере тринадцатью словами —

دهش — تحير — حيرة — إنبهار — بهر — ذهول —
إذهال — صعق — تعجب — إعجاب — دهشة — إنذهال

Такое большое число связано не только с лексико-семантическими признаками, но и с тем, что в арабском языке от каждого глагола может быть образован масдар, тогда как в русском языке далеко не от каждого глагола может быть образовано отглагольное имя существительное. Доминирующим словом в данном арабском поле является слово *دهشة*, в котором понятие удивления как состояние отражено в наиболее общем виде. Три следующих корня [ب ج ب], [ص ع ق], [ذ ه ل] доминируют в формировании трех микрополей: корень [ب ج ب] — микрополе *удивления с положительной коннотацией*; корень [ص ع ق] — микрополе *сильного удивления с метафорическим оттенком*; корень [ذ ه ل] — микрополе с множественными дополнительными признаками, которые связывают поле *удивления* с полями *замешательства, растерянности, тревоги, страха* и т. д., поскольку корень репрезентирует широкое понятие *потери четкого и правильного ориентирования*. Каждое из слов поля содержит дополнительные категориальные признаки — каузатива, состояния, итеративности и пр. Удержать в памяти эти синонимы помогут фиксация в сознании переводчика инвариантов корней и знание словообразовательных моделей, что и соотнесет арабский и русский типы вербального мышления. Использование этих каналов информации о семантике арабского слова, которые четко манифестированы в словоформе (теле знака), незаменимы для формирования в сознании переводчика объективно правильного представления о значении арабского слова.

Смешанный тезаурус должен включать не только проекцию разноязычных слов, различающихся по предметно-понятийным и категориальным признакам, но и слов-понятий, которые отличаются по признакам ассоциативного характера.

Например, *корова* ассоциируется у русского человека с неуклюжестью, у араба — с силой, поэтому если сравнение с коровой для русской женщины — оскорбление, то для арабской — всего лишь характеристика ее выносливости (ср. *козя на скаку остано-вит*). *Зелень* как свойство ассоциируется для русского человека с незрелостью, т. е. прежде всего с недостатком, для араба — со свежестью, т. е. как положительное качество, которое вызывает положительные эмоции (ср. *свежа как роза*).

Смешанный тезаурус позволяет переводчику в ряде случаев эксплицировать в тексте перевода латентные оттенки значения слова исходного языка. Так, название пьесы А. М. Горького «На дне» в арабском переводе звучит как **الحضيض**¹. Очевидно, что арабский переводчик сознательно не использовал слово **قاع**, которое достаточно однозначно репрезентирует понятие *дно*, а воспользовался гораздо более редким словом **حضيض**, в инварианте корня которого присутствует коннотативно понятие предела (ср. с корнем [ح د د]).

Можно предполагать, что смешанный тезаурус имеет сложную структуру и объективно обогащает родной тезаурус переводчика, а также что именно благодаря функционированию этой структуры пополняется и система понятий в языке перевода. Переводческая деятельность, таким образом, взаимно обогащает системы понятий контактирующих языков. При этом в каждом языке это пополнение идет своими путями номинативного заимствования. Как говорилось выше, для арабского литературного языка более характерным путем заимствования является вторичная номинация, тогда как в русском языке предпочтительнее первичная номинация.

Появление нового понятия сопровождается в русском языке, как правило, появлением нового знака (первичная номинация). Например, фонетические заимствования и структурные кальки из

¹ В словаре Х. К. Баранова: 1) край, конец, предел; 2) дно (*моря*); 3) основание, подножие (*горы*); 4) пропасть; 5) тж. **الحضيض القمري** — перигей; **الحضيض الشمسي** — перигелий.

английской терминологии ю составляют 73,49 %¹ русской терминологии. Кроме того, межъязыковая омонимия отмечается у 25–40 % французских и русских терминов². Расширение вокабуляра (в том числе и за счет слов-«однодневок») не может не осложнять функционирования системы, так как требует от носителей языка приспособления к потоку новой языковой информации. Но, с другой стороны, происходит объективное расширение фонда когнитивной информации, которую человек получает в виде языкового знака, однозначно манифестирующего появившееся новое понятие. Тем самым сетка понятий обогащается и количественно, и качественно, поскольку новое обозначающее обеспечивает большую точность связи со своим обозначаемым.

Что касается арабского языка, то здесь появление нового понятия чаще всего обозначается уже имеющимся в вокабуляре словом (вторичная номинация), которое имеет свой образ знака. В результате расширения лексикона не происходит, система сохраняет устойчивый внешний вид. Но, с другой стороны, новое понятие не обеспечивается той точностью связи с обозначающим, как это происходит в русском тезаурусе. Такая недоопределенность приводит к тому, что сетка когнитивных понятий оказывается как бы закрытой. Вместо количественного и качественного расширения сетки понятий, репрезентируемых своими обозначающими, происходит еще большая интеграция семантики слова («разбросанная полисемия»), а результатом становится определенное замораживание фонда когнитивных нерасчлененных понятий. Например, в АЛЯ до сих пор активно употребляются слова, репрезентирующие понятия, которые существовали в индоевропейских языках в недифференцированном виде несколько веков тому назад, а затем только позднее получили уточнение и в плане означаемых, и в плане означающих. Так, словом **فن** в арабском литературном языке до сих пор может именоваться

¹ *Циткина Ф. А.* Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения). Львов: Вища школа, 1988. С. 100–101.

² *Гарбовский Н. К.* Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале французского и русского языков). М.: МГУ, 1988. С. 57.

и наука, и искусство, и техника, и мастерство. Особенно часто вторичная номинация при появлении новых понятий характерна для использования причастных форм. Например, *عامل* (букв.: работающий) в современном языке может именовать и *рабочего* (о человеке), и *работника*, и *фактор* и т. д.

В результате того, что в значении арабского слова отражаются широко обобщенные понятия, сохраняющие связь с предметно-чувственным миром через семантически неподвижный корень, слово обеспечивает критерий необходимости в обозначении называемого объекта, но слабо обеспечивает критерий достаточности. Критерий достаточности перемещается на следующий уровень речемыслительной деятельности — синтагматический.

Переводчику необходимо помнить о национальных особенностях, которые отличают кодирование сигнификата в арабской словоформе (в теле знака) от кодирования сигнификата в русской словоформе. Эти особенности связаны с особыми чертами арабской номинации, речь о которых шла в предыдущих разделах, — с фонетической символиккой (явления аллотезы, метатезы, геминии, редупликации) и с графической четкостью кодирования словообразовательных значений. Благодаря этим особенностям те соответствия, которые даются арабским словам в двуязычных словарях, лишь частично покрывают те семантические пространства, которые покрываются арабскими словами. За границами русских соответствий оказываются многие категориальные и фоновые значения, которые кодируются телом знака и которые должен непременно осознавать переводчик, если он хочет успешно работать с арабским словом в речи.

3. СЛОВАРИ: ПОМОЩЬ ПЕРЕВОДЧИКУ

Словарь — это вселенная,
расположенная по алфавиту.

Вольтер

*Значение справочной литературы для переводчика.
Типы словарей. Особенности подачи материала
в словарях.*

Изучение лексики иностранного языка невозможно без обращения к словарям. Словари сопровождают переводчика с начала его обучения профессии и остаются его спутниками, когда он стал профессионалом. Изменяются только типы словарей, и появляется потребность обращения к другим типам справочной литературы.

Справочная литература делится на ту, которая содержит *энциклопедические* знания (энциклопедии, ежегодники, отраслевые справочники), и ту, которая содержит *языковые* знания (словари). Переводчик обращается к помощи справочной литературы постоянно, хотя частота этого обращения зависит от уровня переводческой компетенции и от вида перевода. Чем выше уровень переводческой компетенции, тем реже возникает необходимость получить помощь от справочной литературы, хотя эта необходимость никогда не исчезает полностью. На выбор справочной литературы влияет уровень переводческой компетенции: начинающий переводчик чаще работает с двуязычными словарями, опытный переводчик чаще обращается к специальным и толковым словарям. Что касается видов перевода, то при прямых переводческих контактах обращение переводчика к справочной литературе проис-

ходит, что называется, «постфактум»: закончив перевод, настоящий переводчик обязательно старается пополнить недостаток своих знаний, который он почувствовал во время перевода, чтобы в следующий раз этой проблемой у него было меньше.

Для успешной работы со справочной литературой переводчику необходимо *знать* номенклатуру этой литературы, *иметь доступ* к ней и *уметь* ею *пользоваться*. В первую очередь это касается словарей.

Как известно, словари делятся на **одноязычные толковые** словари и **переводные двуязычные** и **многоязычные** словари. В особую группу выделяются **специальные** словари.

1. Толковые словари содержат толкование, объяснение значений слов, включенных в словник и расположенных в определенном порядке. Основная функция толковых словарей — раскрыть значение слова через толкование значения, дефиницию. Мера точности зависит от: а) степени сложности значения; б) от искусства составителя; в) от лексикографической традиции.

Отечественная лексикография (наука о составлении словарей) предлагает переводчику толковые словари В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и 35-томный академический словарь русского языка. В этих словарях отражаются основные принципы русской лексикографической традиции¹.

Арабская лексикография имеет ряд существенных отличий от отечественной традиции.

Во-первых, современные арабские толковые словари появились на базе многовековой лексикографической арабской традиции, основы которой закладывались в VIII–XIII вв.² В тот период появилось огромное число работ, разнообразных по типу, объему, строению, главной авторской идее. Были выпущены простые реестры слов, связанных с качествами человека и свойствами окружающего его животного и растительного мира; перечни редких, малоупотребительных слов; глоссарии диалектной лексики;

¹ Гак В. Г. Словарь // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 462–464.

² См.: Рыбалкин В. С. Указ. соч.

гlossарии заимствованной лексики; словари необычных слов (غريب) в Коране и хадисах; лексико-грамматические сочинения на какую-либо одну или несколько словообразовательных моделей; общеязыковые толковые словари с разнообразными подходами к упорядочению лексического материала.

В основе мотивации возникновения арабской лексикографической традиции лежат два момента: религиозный (стремление распространить изучение Корана и хадисов на арабском языке) и поэтический (сделать доступной для читателя понимание доисламской поэзии — شعر).

Главными принципами аранжировки корневых гнезд являлись:

1) дифференциация корней в зависимости от количества корневых согласных (от двух до пяти);

2) свобода в выборе употребляемого алфавита: фонетический (с вариациями), общепринятый — أبثث, традиционный семитский — أبجد;

3) свобода выбора порядка алфавита (прямой порядок, обратный порядок, смешанный порядок);

4) комбинаторные перестановки в пределах исходного набора корневых согласных (метатезные изменения корня) и др.

Арабские средневековые историки и библиографы относили арабскую лексикографию к «арабским наукам» (علوم العرب) в отличие от «античных наук» (العلوم القديمة — علوم الأوائل), подчеркивая автохтонное происхождение арабской лексикографической традиции. Однако многие современные западные и арабские исследователи отмечают влияние лексикографии санскрита и александрийской эллинской школы. Хотя в последней не было стремления охватить весь словарный состав языка (например, гlossарии лексикона произведений Гомера), лексикография была полноправной ветвью античной науки, особенно во времена Аристофана Византийского (257–180 гг. до н. э.).

С другой стороны, многие идеи и практические разработки арабской лексикографии в дальнейшем были взяты на вооружение другими народами: евреями, персами, турками.

Древние арабские словари содержали надежный и апробированный материал, хотя пользоваться этими глоссариями было очень сложно из-за отсутствия прозрачного формального построения.

Наиболее ранним опытом регистрации всего словарного запаса языка считается знаменитый труд басрийского филолога ал-Халила ибн Ахмада ал-Фарахиди (умер в 791 г. в возрасте 74 лет) «Китаб ал-Айн» *كتاب العين*. От него ведет начало арабская лексикография толковых словарей, его влиянием в той или иной мере отмечены все последующие словари. В предисловии к словарю излагаются принципы его построения, которые позже неоднократно уточнялись. Так, Абу Бакр Мухаммад ибн аль-Хасан ибн Дурайда (837–934 гг.) в своем словаре «ал-Джамгара фи (илм) ал-луга» отказался от фонетического алфавита в пользу общепринятого. Следующий шаг в этом направлении сделал Абу Наср Исмаил ибн Хаммад ал-Джавхари (умер не позднее 1010 г.), составивший словарь «Тадж ал-луга ва сихах ал-арабийиа», известный под более кратким названием — «ас-Сиха:х» *الصحاح*. Этот словарь — эпоха в арабской лексикографии, его дополняли, комментировали, переиздавали, переводили на другие языки (на турецкий и персидский). Алфавит в этом словаре был общепринятый, в нем не было классификации корней по количеству корневых согласных, но корни были расположены по последней корневой. В известном смысле это был словарь рифм.

Впервые полный алфавитный принцип использовал в общезыковом толковом словаре «Аса:с ал-бала:га» его составитель аз-Замахшари (1075–1144 гг.). Он также разграничил прямые (*حقيقة*) и метафорические (*مجاز*) значения.

В настоящее время наиболее распространенными толковыми арабскими словарями являются следующие:

- المنجد في اللغة والأدب و العلوم;
- المعجم الوسيط لمجمع اللغة العربية;
- الرائد، معجم لغوي;

- محيط المحيط;
- ¹ المعجم الوسيط لمجمع اللغة العربية.

Основной трудностью, с которой сталкивается переводчик, впервые обращающийся к арабскому толковому словарю, является характер объяснения значения слова.

Дело в том, что наряду с толкованиями, сходными по полноте и точности с толкованиями, которые даются в русских словарях, а иногда и превосходящими их по этим параметрам

التفاح — ج تفافيح (ن) : شجرة من فصيلة الورديات تنتج ثمارا لحمية قاسية تمكن من حفظها طويلا. تؤكل طريئة ويصنع منها رب لذيد (ثمر شجر التفاح).

— Ср.: **Яблоня** — фруктовое дерево из сем. розовых с шаровидными съедобными плодами), в арабском толковом словаре значительное число толкований таковыми не являются. Известный арабист Дмитрий Владимирович Фролов выделил четыре типа арабских толкований, которые нарушают привычную нам логику, так как содержат ошибку «круг в определении» (по Аристотелю):

- толкование этимологическое (اللفظ — это бросание, говорят: Съел финик и выбросил косточку);
- толкование негативное (كبير — против «малый»);
- толкование экземплификативное (الإسم — это «человек», «лошадь», «стена»);
- толкование словесное (الإعراب — это выражение значения с помощью членораздельных звуков)².

Сохранение подобных толкований лишний раз подтверждает правильность выводов об особенностях арабской номинации и об особенностях мышления арабов, в менталитете которых домини-

¹ См. выходные данные словарей в списке литературы в конце книги.

² Фролов Д. В. Способы оформления понятий в традиционной арабской грамматике // Проблемы арабской литературы. М., 1987. С. 179.

руют психосемантические установки на высокую степень семантической интеграции и на чувственное восприятие окружающего мира. Благодаря этим особенностям в толковании многих слов арабским пользователям оказывается достаточным указать на родовое понятие (влияние ДВСИ) и / или на тот конкретный материальный денотат, который лежал в основе номинации данным словом (влияние СДЧВ).

Другой особенностью подачи материала в арабском толковом словаре является порядок подачи значений многозначных слов.

Во-первых, чаще в начале статьи дается толкование, связанное с материальным денотатом, даже если это значение слова очень редко реализуется в современных текстах. Например, в толковом словаре المنجد الأبجدي первым толкованием для слова تصدير дается *шляя для верблюда* (الجزام في صدر البعير) и лишь вторым — *экспорт* (هو أن توردته الى الخارج منتوجات الأرض و الصناعة).

Во-вторых, при подаче материала в большинстве арабских толковых словарей отсутствуют привычные для русского переводчика цифры, разделяющие значения слова. Их заменяют специальные значки, с которыми следует ознакомиться до начала работы со словарем.

В арабских словарях используются символы, объяснение которых содержится в предисловии к словарю, и переводчику, чтобы не потерять часть информации, содержащейся в словарной статье, необходимо предварительно усвоить значения этих символов.

Наконец, следует отметить, что, хотя составители арабских словарей используют корневую систему расположения материала (корни расположены по алфавиту, а слова, образованные от данного корня, образуют подстатьи, которые также располагаются по алфавиту), существуют словари, в которых по алфавиту расположены не корни, а слова — المنجد الأبجدي. Примером могут служить алжирский вариант известного словаря المنجد, а также изданный в Тунисе القاموس الجديد للطلاب.

Пользование словарем алфавитного типа, во-первых, затруднено, поскольку арабисты изначально привыкают к словарям, в которых слова расположены по корневому принципу. Во-вторых, объек-

тивно эти словари не дают представления о живой связи, существующей в арабском вокабуляре между однокорневыми словами, и тем самым лишают пользователя возможности приобрести знание о семантическом инварианте корня и о существующей в сознании арабского сетке понятий инвариантов корней.

Несмотря на отмеченные трудности, переводчик, научившись правильно пользоваться арабскими толковыми словарями, откроет для себя путь к пониманию того, как развивалось значение арабского слова, найдет ценную синтаксическую (употребление с определенными предлогами, сочетаемость с субъектами или объектами действия, различными по одушевленности или числу) и прагматическую информацию. Другими словами, внимательно проанализировав данные толкового словаря, переводчик может получить то, чего не сможет получить в переводных словарях, где эта информация чаще всего отсутствует. В результате он сможет более обоснованно сформировать в своем сознании живой образ арабского слова.

В качестве иллюстрации ниже приводятся статьи арабского глагола **أَنعَم** из арабско-русского словаря Х. К. Баранова и из **المنجد الأبجدي**, сопоставить которые и проанализировать различия вам предлагается сделать самостоятельно.

Арабско-русский словарь	المنجد الأبجدي
1) награждать (чем-л. ب); даровать; жаловать (кого-л. ب); على чем-л. على; 2) вникать (во что-л. في); внимательно, усердно делать (что-л. في); — أَنعَم النظر في... (في); внимательно рассматривать (что-л.); 3) делать приятным; оказывать благодеяние; * أَنعَم اللهُ صباحك! или أَنعَم صباحاً! — Доброе утро!	جعل ناعماً : في الأمر : بالغ فيه و أجاد : و النظر في المسألة : حقق النظر فيها و بالغ : و فلانا رفهه : ما يقال: "أَنعَم اللهُ صباحك أي جعله ذا لين و رغد. و كثر حذف الهمزة و النون بكثرة

	الاستعمال فيقال "عم صباحا أو عم مساء ! : و_ الله النعمة عليه و_ ه بالنعمة : أوصلها إليه : و_ و الله بك عينا : أقر بك عين من تحبه أو أقر عينك بمن تحبه : و_ الرجل: أفضل و زاد : و_ له: قال له نعم : و_ القوم : أناهم حافيا : _ صديقه : شيعه حافيا

2. Двухязычные словари. Задача двухязычных словарей состоит в том, чтобы дать слову ИЯ возможно большее число соответствий в ЯП, отложившихся в традиции языковых контактов. Для уточнения семантической информации даются специальные пометы функционально-стилистического характера, а в ряде словарей с этой же целью используются иллюстрации. В число иллюстративных примеров часто включаются словосочетания, выполняющие номинативную функцию. Кроме семантической информации, двухязычные словари дают минимум грамматической информации (род, число, словоизменительные формы и т. д.).

Двухязычные словари различаются по объему словника (большие, средние, карманные) и по объему грамматической информации (обычные, учебные).

Переводчику, особенно тому, кто занят контактными видами перевода, необходимо усвоить как можно больше эквивалентов и вариантов соответствий, предлагаемых двухязычным словарем. Однако следует помнить, что имеющиеся арабско-русские и русско-арабские словари не предназначены для обеспечения переводческой деятельности. Они могут служить лишь стартовой пло-

щадкой для поиска нужного решения в условиях постоянно меняющихся контекстов употребления слова.

Арабско-русские словари. Из арабско-русских словарей самым полезным словарем для переводчиков-арабистов остается Арабско-русский словарь Х. К. Баранова. Этот словарь относится к словарям общего типа и включает 42 тысячи слов. Дополнительную помощь переводчику могут дать Учебный арабско-русский словарь Г. Ш. Шарбатова, который при меньшем объеме словника содержит больше фразеологического материала, а также составленный по алфавитному принципу Арабско-русский словарь В. М. Белкина, отличающийся многими уточнениями в разработке словарной статьи.

Русско-арабские словари. Единственным большим русско-арабским словарем остается до сих пор Русско-арабский словарь В. М. Борисова, вызывающий много нареканий (особенно со стороны начинающих переводчиков) из-за отсутствия в нем достаточной информации о функциональных особенностях арабских соответствий как единиц обозначения, а также из-за встречающихся буквальных переводов русских фразеологизмов. Переводчик может пользоваться также Учебным русско-арабским словарем Г. Ш. Шарбатова, который содержит 16 тысяч наиболее употребительных слов современного русского языка и около 21 тысячи свободных и устойчивых словосочетаний, а также идиоматических выражений, пословиц и поговорок.

Из *иностраных двуязычных словарей* переводчику полезно иметь в личной библиотеке Англо-арабский и Арабско-английский словари братьев Ильяс. Эти словари отличаются достаточно большой словник, который пополнялся от издания к изданию, хорошо продуманная подача материала, обилие функционально-стилистических помет и использование множественных семантических символов и иллюстраций.

3. Специальные словари включают словари, словник которых отражает лишь определенные тематические или функциональные пласты лексики. Специальные словари делятся на одноязычные словари и переводные словари.

Из существующих *специальных одноязычных арабских словарей* отметим два словаря:

رفائيل نحلة اليسوعي – منجد في المترادفات و المتجانسات

, بيروت , 1959

и «Краткий словарь слов, отмеченных ассоциативной связью по сходству или противоположности значения», приведенный в книге Н. Д. Финкельберг «Общественно-политический перевод. Семантические особенности арабской речи».

Словарь Йасу:* и отличается смешанным характером справочной части, в которой наряду с синонимами приводятся тематические варианты. В словаре много лексикографических недоработок, касающихся словника, системы перекрестных ссылок, унификации принятых символов и т. д. Тем не менее этот словарь во многом помогает переводчику уточнить арабскую национальную картину мира, поскольку в словаре отражается существующее привычное для араба деление понятий и бытовые особенности жизни арабского общества. Словарь составлен по корневому принципу (хотя корни графически не выделяются) и содержит большое число специальных значков для передачи грамматической и семантической информации.

Словник второго упомянутого выше словаря содержит 1500 слов, образованных от 750 корней, и составлен на материале языка современной арабской прессы и современных произведений художественной арабской литературы. В справочной части словаря приводятся синонимы, антонимы, а также слова, связанные с заглавным словом родовидовыми отношениями или сходством по тезаурусу. Тип отношений между заглавным и справочным словом отмечен соответствующим условным значком. Каждая пара заглавного и справочного слова неоднократно встречалась в текстах в виде копулятивного словосочетания, которое представляет собой традиционное изобразительное средство, излюбленную риторическую фигуру эмоционально-экспрессивной арабской речи и выполняет ряд специфических функций. Каждая пара слов иллюстрируется примерами. Этот словарь в отличие от всех других ориентирован в первую очередь на его использование переводчиками.

Переводные специальные словари, которыми может воспользоваться арабский переводчик, представлены множественными дву- и многоязычными тематическими словарями, неполный список которых приведен в списке литературы в конце книги, а также единственным на сегодняшний день русско-арабским фразеологическим словарем, составленным А. М. Фавзи и В. Г. Шкляровым.

В последнее время в лексикографии все чаще раздаются голоса о том, что при создании словаря следует ориентироваться на конкретную группу пользователей. Группа может иметь языковую, профессиональную или социальную характеристику. Такие словари уже появились. Так, упоминавшиеся выше словари Г. Ш. Шарбатова составлялись в расчете на арабов, изучающих русский язык; тематические словари ориентированы на пользователей, которые работают с текстами определенной специальности; арабский толковый словарь *القاموس الجديد* рассчитан на студентов, изучающих в Тунисе арабский язык, и т. п.

Во второй половине прошлого века заговорили о необходимости создания *специального переводческого словаря*, но эта идея пока так и не была реализована. Первые конкретные шаги в этом направлении недавно предприняты для русско-английской комбинации языков усилиями П. Палажченко, выпустившего два словаря, названных им «несистематическими», а также «Жизнь имен, или Необыкновенные приключения антропонимов, географических названий и др. имен собственных в английском и русском языках». Все три книги содержат сведения лексикологического, лексикографического и культурно-лингвистического характера, которые имеют функциональную ориентацию на то, чтобы обеспечивать непосредственно переводческую деятельность. Для русско-арабской комбинации языков пока нет ничего подобного. Однако автором данной книги предложена следующая информационная схема справочной части словарной статьи будущего арабско-русского переводческого словаря для русских арабистов-переводчиков. По мысли автора, справочная часть должна включать: 1) грамматическую информацию, традиционно

фиксируемую во всех типах арабских толковых словарей; 2) толкование инвариантного значения арабского слова, его семантического потенциала (например, для масдара **تعرض** с предлогом **ل** таким толкованием может быть *состояние открытости для внешнего воздействия*); 3) информацию о синтаксических позициях и категориальной валентности слова в речи (например, для глагола **... تعرض ل** — *предикат, как при одушевленном, так и при неодушевленном субъекте; предложно управляемый объект — имя неодушевленное, чаще масдар*); 4) информацию о лексической валентности (например, для того же глагола могут быть приведены следующие примеры **تعرض البلد للتصف** || **تعرض الرجل للمرض** || **تعرضت الصحف للنبا** и т. д.); 5) информацию об ассоциативной связи слова в релятивных файлах (например, при слове **عدل** даются синонимы **حق** и **إنصاف** и антоним (**ظلم**); 6) информацию о диалектных синонимах с возможным указанием ареала использования диалектизма; 7) информацию о наиболее частотных русских соответствиях (например, для глагола **... تعرض ل** — *подвергаться чему-л.; отдаваться, предаваться чему-л.; быть подверженным чему-л.; также русские глаголы, понятийное значение которых соответствует понятийному значению арабского предложного объекта при глаголе **تعرض للمرض** : **تعرض** — заболеть; **تعرض للنبا** — сообщать, передавать сообщение*); 8) возможную страноведческую информацию (например, при слове **التنظيم** — *терминологическое обозначение Арабского социалистического союза, единственной политической организации, легально существовавшей в Египте при Гамале Абдель Насере и распущенной Садатом в 1977 году*).

Составление переводческого словаря такого типа для арабистов — дело будущего. Сегодня реально можно говорить лишь о возможном составлении селективных переводческих словарей, объем которых определяется накопленным знанием и более узким назначением словаря (например, переводческий арабско-русский и русско-арабский словарь для двустороннего перевода).

В заключение следует сказать, что переводчик должен собирать как можно более полную личную библиотеку справочной литературы энциклопедического характера и словарей различного типа, как одноязычных (начиная со словарей русских синонимов и антонимов, русского фразеологического словаря и т. п.), так и дву- и многоязычных, как толковых, так и переводных и специальных словарей. Собранная в справочной литературе информация, расположенная таким образом, чтобы обеспечить пользователю легкость поиска нужной ему информации, позволит переводчику восполнить пробелы в его знаниях. Что касается словарей, то отраженный в них опыт лингвистов и переводчиков бесценен как для обучающихся переводу, так и для профессиональных переводчиков.

4. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Категория (от греч. *kategoria*) языковая — в широком смысле — любая группа языковых элементов, выделяемых на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле — некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака (напр., «К. падежа», «К. одушевленности/неодушевленности», «К. вида», «К. глухости/звонкости»). Нередко термином «К.» называется одно из значений упомянутого признака (параметра), напр., «К. винительного падежа», «К. неодушевленности», «К. совершенного вида», «К. глухости», «К. состояния» (Лингвистический энциклопедический словарь).

Грамматическая категория существует как класс значений, объединенных в системе знаковых и семантических **противопоставлений**. Оформление концепта (понятия) в грамматическую категорию неизбежно ведет к **обязательности** выраженности концепта в соответствующем языковом знаке в тексте. Так, в русском глаголе обязательно присутствует выражение грамматической категории времени и вида.

Знание категорий арабского языка рассматривается как обязательный компонент языковой компетенции переводчика. Тем не менее следует остановиться на некоторых категориях, которые имеют особую значимость для переводческих действий, так как в них отражаются национальные особенности грамматической семантики и кодирования категориальных значений в языковых формах. К ним относятся: *категория частей речи*, *категория неодушевленности*, *категория множественности (итеративности)*, *категория вида и категория времени*.

А. Категория частей речи

Как известно, арабские авторы делят все слова на три частеречные группы: глагол, имя и служебные (неизменяемые) частицы.

Такое деление могло появиться на том историческом этапе развития мышления, когда у человека еще не было четкого разделения между именованием предмета и между именованием признака предмета, а каналом уточняющего знания служила ситуация конкретного акта общения. Позже средневековые грамматисты, изучая письменные тексты, зафиксировали и описали в своих трудах этап становления системы языка, когда для различения субстантивных признаков (имя существительное) и адъективных признаков (прилагательное и причастие) каналом уточняющего знания стал контекст, прежде всего порядок следования словоформ. Сами же тела знаков остались неизменными.

С течением времени в трудах арабских авторов появились подразделы в частеречных группах:

- **الإسم الموصوف** — имя описываемое, имя существительное;
- **إسم الفاعل** — имя действующего; причастие действительное;
- **نعت** — прилагательное;
- **جار** — предлог как частица, ставящая имя в родительный падеж, и т. д.

Уточнения отражали влияние развития собственной грамматической семантики и влияние интерференции при знакомстве арабских ученых с морфологическими системами других языков.

Окончательное установление принадлежности арабской словоформы к той или иной части речи происходит не на морфологическом, а на синтаксическом уровне. Поэтому действия переводчика непременно должны включать анализ синтаксического контекста — порядок следования и сочетаемость арабских многозначных словоформ. Например, во фразе **قد مات العامل الساكن في هذا البيت** — *Рабочий, живший в этом доме, умер* словоформа **عامل** выполняет функцию субстантива, а в словосочетании **عضو عامل** эта

же словоформа передает адъективный признак штатный *сотрудник* (букв.: член работающий). Анализ усложняется в неогласованном тексте, когда одна и та же буквенная форма, будучи огласована, репрезентирует два разных слова. Например, *من* может иметь огласовку фатха над первым согласным и в этом случае означать местоимение („, „ *ليس عديداً من يعلم أن* — *Немногие знают, что...*), но может иметь под тем же согласным огласовку кясра и тогда означать предлог (*وصل من ليبيا* — *Он приехал из Ливии*).

Особенность категории частей речи в арабском языке, сохраняясь в текстах на протяжении веков, не могла опосредованно не влиять на характер мышления носителей этого языка, поддерживая у них склонность к интеграции семантических представлений. Эта склонность отмечалась выше, когда речь шла о номинации. Но она же обнаруживается и на уровне грамматической семантики, отражаясь в частеречной категориальной системе.

Б. Категория неопределенности

Неопределенность имени как грамматической категории в арабском языке оформляется отсутствием определенного артикля *أل*, который представляет собой сокращение харфа *الذي* *тот, который*, и танвинного окончания.

Концепт (понятие) неопределенности присутствует и в системе русского языка. Однако в русском языке это понятие не является грамматической категорией, которая существует как класс значений, объединенных в системе противопоставлений. Наличие формального выражения категории определяет обязательность выражения в тексте: имя в арабском тексте может быть неопределенным или определенным, третьего не дано. Напротив, в русском языке выражение этого понятия лишено знаковой обязательности и находится в сфере коммуникативной важности. В этом случае оно выражается:

- неопределенным местоимением или наречием (*некто, не-который; какой-то; куда-нибудь; кое с кем* и т. д.);
- лексически (*один из..., определенный, целый* и т. п.);

- синтаксически: занимает место в конце предложения (*Вчера я была в театре, а сегодня пойду в кино*); встраивается в структуру неопределенно-личного предложения (*По улицам слона водили*), обобщенно-личного предложения (*На войне встречаешь разных людей*), безличного предложения (*Как всегда на юге, начинает быстро темнеть*).

В арабском языке также существуют средства выражения понятия неопределенности, такие как:

- имя **بعض** — кто-нибудь из..., один из...; некоторые из...; некто, а также словосочетания с этим именем, например: **بعض الشيء** — до некоторой степени; **... أصاب بعض النجاح في...** — он достиг некоторого успеха в...;
- имя **شيء** (мн. **أشياء**) в значении кое-что, что-нибудь, нечто;
- имя **أي** (ж. **أية**) в словосочетании со значимым словом в постпозиции, например: **أي واحد** — кто-нибудь;
- харф **ما** в значении какой-нибудь; в постпозиции к полнозначному имени образует множество словосочетаний со значением неопределенности, например: **أحد ما** — кто-нибудь; **كتاب ما** — какая-нибудь книга; **في مكان ما** — где-нибудь и т. п.;
- предложения с неопределенным и обобщенным субъектом, который может быть выражен словами **رجل** — мужчина; **مرء** — человек и т. п. или быть инкорпорированным в глаголах действительного залога 3-го множественного или 2-го единственного числа. Такие предложения соответствуют русским неопределенно-личным, обобщенно-личным предложениям или предикативам, например: **كما يقولون** — Как говорят..., Как говорится...; **يرى المرء أن...** — Считается, что...; **... ترى أن...** — Очевидно, что...; и т. п.;
- синтаксические конструкции типа «масдар + **تم**», т. е. так называемые конструкции пассивной перспективы, например: **تم اقتياده الى سلم الطائرة** — Его подвели к трапу.

Эти и им подобные лексические и синтаксические средства, которыми располагает система арабского языка и речи для выражения понятия неопределенности, несмотря на их национальные особенности, не так необычны для русского вербального мышления, как категориальная грамматическая форма неопределенного артикля. Такие средства не вызывают трудностей понимания у русскоязычного переводчика, так как напоминают ему способы выражения данного понятия, существующие в системе русского языка. Иное дело, когда неопределенность выражается в арабском тексте грамматически, то есть с помощью неопределенного артикля имени. В этом случае речь идет о системных различиях, что требует к себе целенаправленного внимания.

В переводческом плане важно различать два случая употребления арабского неопределенного артикля по его функции. Он может выполнять *строевую грамматическую функцию*, и тогда он не интересен переводчику. Но он может выполнять и *семантическую коммуникативную функцию*, и в этом случае его роль должна быть отражена в тексте перевода.

Начинающий переводчик под влиянием русского языка часто ошибается, не понимая семантической коммуникативной функции неопределенного артикля в арабском тексте. Поэтому важно знать, в каких случаях неопределенное состояние имени выполняет только нормативную грамматическую функцию. Эту функцию неопределенный артикль выполняет:

- в глагольном предложении при рематическом подлежащем, например:

و اشترك في المباحثات ممثلون من بعض الدول الإسلامية

— В переговорах приняли участие представители некоторых исламских государств;

- при прямом дополнении, если оно встречается в сообщении впервые, например:

تناول المشتركون في المباحثات مجموعة واسعة من القضايا

— Участники переговоров затронули широкий круг проблем;

- в специальных оборотах с причастием или масдаром в винительном падеже, например: ...إحتجاجا على... — в знак протеста; ...متوجها إلى... — направляясь в...; ...عائدا من... — возвращаясь из...; ...أضاف قائلا إن... — Далее он отметил, что...;
- в наречных формах, например: على حد سواء — в равной степени; لأول مرة — впервые; بصورة رسمية — официально;
- в газетном заголовке при инвертированном подлежащем, например: وفد سوري يزور موسكو — Визит сирийской делегации в Москву.

В других случаях функция неопределенного артикля коммуникативно важна, и если переводчик не улавливает ее, то ошибка неизбежна.

Начинающий переводчик чаще всего ошибается в двух случаях.

Во-первых, от неопределенности арабского имени может зависеть правильное **актуальное членение**. Например, в предложении

إن فرقة كاملة من الجنود يمكن أن تمر بسهولة عبر النفق
خلال ساعة واحدة.

(букв.: Поистине целая дивизия солдат может, чтобы пройти с легкостью через этот ход сообщения в течение часа) неопределенный артикль при слове **كاملة** выполняет только нормативную грамматическую функцию (согласование), а неопределенный артикль при слове **فرقة** — коммуникативную (актуальное членение). Правильное понимание коммуникативной функции неопределенного артикля определило действия переводчика в поиске нужного русского соответствия для выражения понятия неопределенности: синтаксический прием (место в конце предложения). В результате арабское предложение было переведено как: *По этому ходу сообщения за один час легко может пройти целая дивизия.*

Во-вторых, за неопределенным артиклем имени может скрываться **нулевой конкретизатор неопределенности**, который в русском переводе должен непременно актуализироваться в знаке. Например, так произошло при переводе следующего арабского предложения: **هناك إعتبارات تدعو لذلك** — *Это вызывает целым рядом соображений*. Переводчик использовал лексическое средство выражения понятия неопределенности, которое существует в русском языке.

В. Категория числа

Число — грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли.

В системах русского и арабского литературных языков категория числа имеет следующие различия по значению и по формам кодирования:

- в системе русского языка отражено *бинарное* противопоставление единичности и множественности, тогда как в системе АЛЯ отражено *тройственное* противопоставление единичности, множественности и двойственности;
- в русском языке во множественном числе родовые различия стираются, в системе АЛЯ родовые различия сохраняются и к ним добавляются различия по одушевленности/неодушевленности;
- в системе АЛЯ существует морфологическая форма множественного числа от множества, например: **يَد** — *рука*, **أَيَاد** и **أَيْد** — *руки*.

Нельзя не отметить, что тройственное противопоставление числа и сохранение родовых различий в формах множественного числа были свойственны числовой парадигме древнерусского языка и исчезли из грамматической системы русского языка только позднее.

Как известно, усвоение выражения категории числа в арабском языке требует больших усилий у русскоязычных студентов

при изучении нормативного курса грамматики. Достаточно напомнить, что, по данным Б. М. Гранде, разбитое множественное число для трехгласных корней имеет 29 форм плюс еще 11 форм для четырехгласных корней. Еще большую трудность вызывают правила согласования исчисляемого и исчисляющего по падежам и по состоянию определенности и неопределенности. Тем не менее эти знания не выходят за рамки обязательных строевых грамматических правил и, следовательно, должны быть дополнены знаниями собственно переводческими. Ниже приводятся четыре случая, которые требуют от переводчика особого внимания.

1) **Наличие двойственного числа** в морфологической системе АЛЯ делает его кодирование в тексте *обязательным*, тогда как в русском тексте оно всегда только *коммуникативно обусловлено* и в этом случае передается с помощью количественных и собирательных местоимений. Например, одно и то же словосочетание ... *يعتبر الطرفان أن* в двух разных текстах в зависимости от его функции в тексте может быть переведено как *Стороны считают, что...* (грамматическая функция) и как *Обе стороны считают, что...* (коммуникативная функция).

2) Арабское **множественное число от множества** может лексиколизироваться и в этом случае выразить:

- разные сорта или разновидности групп предметов, например: شراب — *напиток*, أشربة — *напитки*, أشربات — *разные сорта напитков*;
- иное значение, например: أضلع — *ребра*, أضالع — *помощники*;
- понятие конкретизации совокупности, например: بلد — *страна; область; город; местечко*, в форме множественного числа بلاد означает множественное число этого имени — *города; страны*; но употребляется и для обозначения совокупности поселений и имеет значение единственного числа — *страна*, а форма множественного числа от множества بلدان актуализирует число только для этого значения — *страны*.

3) В словосочетаниях типа **أكثر من...** (букв.: больше, чем раз), **عدد من...** (букв.: некоторое число из...) понятие множественности может дополнительно приобретать признак **неопределенности множества**. Например: **إن الإقتراح صوته أكثر من وفد** — *За это предложение проголосовали несколько делегаций.*

4) Особую трудность для перевода представляет явление **расхождения понятия счетности** в арабском и русском текстах.

Чаще всего это происходит из-за большей склонности арабских авторов использовать множественное число там, где по норме русского языка употребляется единственное число имени. Например:

تقدم بمبادرات جديدة من أجل درء المخاطر على الاستقلال
الوطني لبلادنا

— *Он выступил с важными инициативами для того, чтобы предотвратить угрозу, нависшую над национальной независимостью нашей страны.* Такая трансформация, по мнению Н. А. Майбурова, характерна для перевода арабских имен, обозначающих абстрактные и общие понятия качества, действия и состояния:

أوضاع — توسعات — نضالات — أعمال — ضغوط
! نشاطات — مواقف

Весьма часто арабское имя единственного числа переводится русским именем множественного числа. Таким арабским именем чаще других оказывается масдар. Например:

تقضي الميزانية بزيادة الإنفاق على بناء منازل السكان

— *Бюджетом предусматривается увеличение расходов на жилищное строительство.*

¹ Финкельберг Н. Д., Майбуров Н. А. Учебник общественно-политического перевода. Арабский язык. Ч. 1. М., 1986. С. 278.

В заключение следует отметить, что вопрос сопоставления выражения понятия числа в арабском и русском текстах пока еще не стал объектом целенаправленного изучения в переводоведческом аспекте, несмотря на коммуникативную важность этого понятия.

Г. Категория вида

Вид (в международной терминологии — аспект) — грамматическая (морфологическая) категория глагола, выражающая противопоставление частных грамматических значений.

Категория вида глагола в различных языках характеризуется значительным многообразием как со стороны форм своего выражения, так и со стороны содержания. Выделяются аспектуальные противопоставления, связанные с достижением/недостижением внутреннего предела действия, с подчеркиванием процесса протекания действия, с понятием многократности (итеративности), обычности и т. д.

В любом национальном языке складывается своя подсистема аспектуальных понятий в рамках *функционально-семантического* поля аспектуальности (А. В. Бондарко), т. е. в составе широкой совокупности грамматических, словообразовательных, лексических и иных средств, служащих для выражения такого рода значений. Что касается грамматической категории вида, то в конкретном национальном языке роль, которую играет эта категория в функционально-семантическом поле, может отличаться от роли этой категории в другом языке. Сопоставление системы русского языка и системы АЛЯ по параметру грамматической категории вида обнаруживает значительные расхождения как по форме и содержанию категории, так и по роли, которую глагольная аспектуальность играет в функционально-семантическом поле аспектуальности.

Главный содержательный признак категории вида в русском языке связан с достижением/недостижением внутреннего предела действия, т. е. с понятием совершенности или понятием несовер-

шенности. В русском языке любой глагол содержит одно из этих значений, хотя не все глаголы образуют видовые пары. В видовой доминанте совершенного/несовершенного вида может имплицитно присутствовать аспектуальный признак однократности (*мигнул*), аспектуальный признак многократности (*перечитывал*), аспектуальный признак интенсивности (*нахлестывал*) и другие признаки способа действия. Однако группы способов действия не охватывают всего словарного состава глаголов и не образуются регулярно. Видовое значение совершенного/несовершенного вида определяет возможность образования временных форм и характер временных значений. Так, глаголы несовершенного вида могут употребляться в трех временах: настоящем, прошедшем и будущем; а глаголы совершенного вида — только в двух: прошедшем и будущем.

Что касается форм выражения видовой категории в русском языке, то они различаются по трем типам:

- 1) приставочная видовая пара (*делать* — *сделать*);
- 2) суффиксальная видовая пара (*решить* — *решать*);
- 3) смешанная видовая пара, состоящая из нерегулярных оппозиций (*лечь* — *ложиться*, *сесть* — *сидеться*, *брать* — *взять*).

Что касается грамматической категории вида в системе АЛЯ, то нельзя не отметить большого разброса мнений, которые существуют в отечественной и зарубежной арабистике по этому вопросу. Не вступая в полемику, отметим лишь тот факт, что в арабском глаголе сохраняются значения, характерные для ранних этапов вербального мышления. Поэтому сопоставлять видовые значения, которые сформировались в системе русского языка в ходе его развития, и видовые значения, которые отражены в глагольной парадигме АЛЯ, не претерпевшей существенных изменений со времени появления первых письменных источников на этом языке, следует очень осторожно, чтобы не допустить терминологической путаницы.

Мы будем исходить из переводческой практики и из тех трудностей, с которыми сталкиваются начинающие переводчики при понимании и перекодировании арабских аспектуальных значений.

В первую очередь рассмотрим финитные формы арабского глагола, которые образуют пару **يفعل** — **فعل**. По содержанию эта простейшая порода глагола, которая является отправной формой для всех производных пород. Финитные формы дают только самое общее семантическое представление о глаголе, и аспектуальность будет продиктована только контекстом употребления. Поэтому ошибочно считать, что финитная пара арабского глагола соответствует по аспектуальности видовой паре русского глагола по совершенности/несовершенности действия. Одна и та же форма **كتب** может быть переведена русскими глаголами с разными аспектуальными характеристиками в зависимости от ближайшего или узкого контекста (*писал, написал, переписал*). Аспектуальные характеристики финитные глаголы могут передавать и аналитически в сочетании с частицей (**قد فعل**) или со строевым глаголом (**كان يفعل**).

Производные породы арабского глагола являются главными аспектуализаторами, образуя стройную систему оппозиций по признакам подчеркивания процесса протекания действия, многократности (итеративности), обычности и т. д. Так, глагол второй породы содержит признак частоты и повторительности действия (интенсив-итератив). Глаголы возвратных пород являются семантическими эквивалентами прямых пород, но придают им значения или «себе-возвратное» или «себя-возвратное», т. е. либо «делать в свою пользу», либо «делать себя таким-то»¹. Глаголы третьей и шестой пород содержат аспектуальный признак итератива с той только разницей, что в третьей породе умножается число участников ситуации, так как появляется адресат (**كاتبه** — *писать кому-л.*), а в шестой умножаются субъекты действия (**تكتاتب** — *переписываться друг с другом*).

Все вышесказанное непреложно требует от переводчика глубокого знания значений производных пород арабского гла-

¹ Юшманов Н. В. Избранные труды. Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 104.

гола и понимания существенных различий видовых значений арабского и русского глагола. В завершение хотелось бы еще раз обратить внимание читателя на ту повышенную роль контекста, которая отмечалась и при рассмотрении частноречной категории, и категории числа как характерная отличительная черта арабского вербального мышления от русского вербального мышления.

Д. Категория времени

1. Начнем с рассмотрения представлений о времени (**мир действительности**) в связи с уровнем развития отражательных и когнитивных способностей языкового коллектива (**образ мира**). Науке известно, что представление человечества о времени менялось в процессе развития человеческого знания об окружающем мире. Представление о времени менялось в направлении от *цикличности* к *векторности*. На ранних этапах своего развития человек не отделял себя от окружающей природы, поэтому повторяющиеся циклы смены дня и ночи и смены времен года, где ничего нельзя взять за начало, но лишь можно осознать признаки предшествования и завершенности, явились первыми темпоральными представлениями человека. Но чем больше человек в своей практической производственной деятельности отъединялся от природы, чем больше развивались его отражательные и когнитивные способности, тем все больше крепились представления о направлении и необратимости времени (жизнь — смерть), создавался научно-городской отсчет времени с его векторным характером.

В современном мире у разноязычных этносов понятия о времени (**образ мира**) могут значительно отличаться друг от друга. Но еще в большей степени, чем физические характеристики времени, у них различаются лингвистические представления о времени (**языковой образ мира**). Языковой образ времени связан со средствами выражения темпоральных значений, арсеналом средств, которыми располагает язык, понятие о времени — со

степенью полноты и точности выражения темпоральных значений в тексте, с количественным и качественным использованием имеющихся языковых средств.

2. Средства выражения темпоральных значений в арабском тексте. С формальной стороны арсенал языковых средств, используемых для выражения темпоральных значений в системе АЛЯ, не отличается от арсенала темпоральных языковых средств русского языка. В обоих языках для передачи временных значений **используются глагол, наречие, имя с предлогом и таксис** (временные отношения между действиями в рамках описываемой ситуации). Однако между разноязычными одноименными средствами существуют значительные различия. Прежде всего это касается глагола и таксиса.

2.1. Темпоральное значение арабского глагола. В арабском глаголе отражаются темпоральные представления, характерные для древнего и средневекового общества, — цикличность. В основе цикличности лежат два признака: признак предшествования (зима предшествует весне, весна — лету, лето — осени, осень — зиме) и признак целостности (зима, весна, лето и осень составляют один цикл, который затем повторяется). Кроме того, в финитных формах арабского глагола сохраняется достаточно сильное значение модальности, а, как известно, аспектуальные функции исторически предшествовали выражению темпоральности. Например, форма имперфекта глагола *يعمل* — *عمل* *делать*, наряду со значением *делает, сделает*, регулярно выступает в тексте как средство модальной аспектуальности — *может сделать, должен сделать, сделал бы*. Это также свидетельствует о том, что в арабском глаголе сохраняются значения, характерные для ранних этапов вербального мышления.

Развитие понятия о времени в арабском обществе не вызвали изменения категориального значения глагола, которое сложилось много веков назад. Если в системе русского языка меняющиеся в ходе развития представления о времени (запрос надсистемы)

привели к изменениям глагольных форм¹, то в системе АЛЯ тот же запрос надсистемы привел к другому результату. Система АЛЯ отреагировала на запрос надсистемы расширением употребления языковых средств, которые передают темпоральное значение не на грамматическом, а на лексическом уровне, обеспечивая большую точность обозначения времени. Другими словами, если в русском языке темпоральное значение глагола является *грамматической категорией*, то в системе АЛЯ это значение глагола находится в *переходном состоянии от понятийной категории к грамматической категории*. Тем самым темпоральная роль арабского глагола в тексте слабее темпоральной роли в тексте русского глагола.

2.2. Темпоральная роль арабского глагола в тексте. Арабский глагол как выразитель временных значений сохраняет центральное место только в микрополе прошедшего времени. В микрополе настоящего времени центральное место принадлежит *именному предложению* с причастием, сложным прилагательным, именем или масдаром с предлогом и др. в функции предиката. Например:

هو غاضب عليك !

(Букв.: Он сердящийся на тебя.) — *Он на тебя (все еще) сердится.*

أكدت مصادر مطلعة أمس أن رئيس الوزراء الأردني بصدد تقديم إستقالته.

(Букв.: Подтвердили источники осведомленные вчера, что премьер-министр иорданский в близости подачи своей отставки.) — *Как подтвердили вчера некоторые осведомленные источники, премьер-министр Иордании готовится подать в отставку.*

¹ За период, прошедший с появления первых списков Корана, русскоязычный этнос, по сути дела, сменил один язык (древнерусский) на другой, в котором в XIV–XVI веках категория времени еще раз претерпела существенные изменения — утрату аориста и плюсквамперфекта.

إنه سليم المظهر.

(Букв.: Он нормальный/здоровый видом.) — *Он хорошо выглядит.*

إنه كثير الأسفار في المهمات الحكومية.

(Букв.: Он частый поездками в задачах правительственных.) — *Он часто разъезжает по государственным делам.*

В микрополе будущего времени доля глагола больше, чем в микрополе настоящего времени, однако и в этом случае глагол выступает не автономно. Он используется или в супплетивной конструкции «имперфект + частицы **سوف** — **س**», либо в форме имперфекта с отрицательной частицей будущего времени **لن**, либо в форме имперфекта при обязательном участии в высказывании именного темпорального конкретизатора.

«Слабость» арабского глагола проявляется и в высказываниях, эквивалентных действию, поступку (перформативах), например:

لعمرك!

(Букв.: Поистине, жизнь твоя!) — *Клянусь!*

На уровне текста отмеченные особенности арабского глагола выражаются в его меньшей частотности по сравнению с частотностью русского глагола в тексте перевода. Так, проведенное исследование параллельных текстов (20 оригинальных арабских текстов каждый объемом 1200 печатных знаков и 20 русских текстов-переводов) обнаружило, что число арабских глаголов составляло всего 80 % от числа русских глаголов. Особенно ярко ослабленность арабского глагола и повышенная номинативность при выражении времени проявляются в описательных текстах, менее ярко — в повествовательных.

2.3. Таксис характеризует временные отношения между сообщаемыми фактами по параметрам *одновременности/неодно-*

временности, соотношения главного и сопутствующего действия, прерывания и пр. Таксис может быть выражен различными (морфологическими, синтаксическими, морфолого-синтаксическими, лексическими) средствами, которые образуют функционально-семантическое поле, пересекающееся с полями темпоральности и аспектуальности.

Как в русском языке, так и в арабском таксис представляет собой функционально-семантическое поле с полицентрической структурой независимого и зависимого таксиса.

В русском языке в сфере зависимого таксиса центром являются **деепричастия совершенного и несовершенного вида**, в сфере независимого таксиса — **сочетание видо-временных форм глагола** в сложных предложениях и **лексические элементы** типа *затем, сначала* и т. п.

В арабском языке в сфере зависимого таксиса центром являются:

- винительный падеж масдара или причастия,
- масдар с предлогом,
- предложение состояния,
- придаточное предложение с частицей **إِذْ**,
- арабское «заменительное предложение»;

центром независимого таксиса являются:

- соединение предложений союзами **و** или **ف**,
- лексические элементы типа **بَعْدَ ذَلِكَ، ثُمَّ** и т. п.,
- сложноподчиненные предложения с придаточным предложением времени.

Проиллюстрируем употребительность арабских средств таксиса на примере выражения *одновременности* и *неодновременности* событий в рамках одной ситуации.

Одновременность событий, выраженную в русской фразе *Проводя переговоры, президент обратил внимание сирийской стороны на...* соединением деепричастия несовершенного вида и глагола прошедшего времени, может быть переведена на арабский с использованием различных таксисных средств, например:

- двумя самостоятельными предложениями с сочинительной связью:

أجرى الرئيس المباحثات و لفت نظر الطرف السوري
إلى...

- сложноподчиненным предложением с союзом إذ :

إذ يجري الرئيس المباحثات لفت نظر الطرف السوري
إلى...

- сочетанием масдара с предлогом и глагола-сказуемого в рамках простого предложения:

في خلال إجراء المباحثات لفت الرئيس نظر الطرف
السوري إلى...

- сложноподчиненным предложением с придаточным предложением времени:

عندما أجرى الرئيس المباحثات لفت نظر الطرف
السوري إلى...

- масдаром или причастием в винительном падеже и глаголом-сказуемым в рамках простого предложения:

لفت الرئيس نظر الطرف السوري إلى ... إجراء المباحثات.

Особым средством передачи одновременности является употребление арабского заменительного «предложения примыкания», когда между словами, обозначающими факты, находящиеся в одном реальном времени, отсутствует знаковое выражение морфологических и синтаксических отношений, например:

إنتزع اسرائيل بيغين من مصر السادات كل ما تريده.

(Букв.: Вырвал /для себя/ Израиль Бегин от Египта Садат все то, что хочет /он/ его.)

При Бегине Израиль урвал у Египта во время президентства Садата все, что хотел.

Неодновременность событий в арабском тексте наиболее четко выражается с использованием лексических элементов типа **ثم**, **بعد ذلك** и т. п., конструкцией «перфект + частица» **قد**, а также сложноподчиненными предложениями с придаточными времени. Однако неодновременность может выражаться и теми же средствами таксиса, которые используются для выражения одновременности. Например, русская фраза *Указав на ... , он сказал*, где использовано соединение деепричастия совершенного вида и глагола прошедшего времени, может быть переведена:

- двумя самостоятельными предложениями с сочинительной связью:

أشار إلى ذلك فقال...

- сочетанием масдара с предлогом и глагола-сказуемого в рамках простого предложения:

بعد إشارة إلى ذلك قال...

Функциональной темпоральной многозначностью обладает и арабское предложение состояния, например, в предложениях **دخل إليه يبكي** (букв.: Я встал, а люди сидящие) и **قامت و الناس قعود** (букв.: он пришел к нему плачет /он/) передается одновременность событий. Однако формами прилагательного **قعود** и имперфекта **يبكي** передано понятие времени настоящего результативного, т. е. событие, которое началось в прошлом, но продолжается и во время первого события — *Я встал, а люди сидели (...оставались сидеть или ...хотя люди продолжали сидеть и т. д.); Он пришел к нему в слезах.* В предложении **سافر و قد طلعت الشمس** (букв.: Он выступил в путь, и уже взошло солнце) второе событие предшествовало первому. Возможны два перевода: *Он выступил в путь после восхода солнца* или *Когда взошло солнце, он выступил в путь.*

Характерным приемом арабского таксиса является употребление глагола **كَانَ** или **أَصْبَحَ** в начале большого периода, иногда целого абзаца, внутри которого события описываются как происходящие в реальном настоящем времени. Таким образом, адресант как бы делает адресата очевидцем событий. Проиллюстрируем это на следующем примере:

و أصبحت كل أيامها معه... و البيت كأنه بيتها... و أمه كأنها
 أمها أو حماتها و تمر ساعات طويلة و كأنه بعيد... يعيش في
 دنيا ألحان يبحث عنها فوق إطار العود... أو يعيش مع القلم و
 الورق يكتب صفحات... و لا تدري ماذا يكتب ولكن عينيها
 تتعلقان بأصابعه وهي ملتفة حول القلم و تحس كأنها تقرأ كل
 ما في خياله... و تفجأ به يوماً وقد نصب أمامه لوحة... و جمع
 حوله ألوانا... و أمسك بريشة و بدأ يرسم...

(Букв.: И стала /она/ все свои дни с ним... и этот дом как будто ее дом... и его мать как будто она ее мать и ее свекровь... И проходят долгие часы, и как будто он далекий... живет в мире мелодий, которые ищет их поверх струн... или живет с пером и бумагой пишет страницы... и не знает /она/, что пишет /он/, но глаза ее связываются с пальцами его, а они обхватившие перо, и чувствует /она/, как будто читает /она/ все, что кружится в фантазии его, и застаёт /она/ его однажды врасплох, а уже поставил /он/ перед собой картину свою... и собрал вокруг себя краски... и схватил кисть и начал рисует /он/.)

Она стала все свои дни проводить с ним... Его дом стал как бы ее домом, его мать — ее матерью и настоящей свекровью. Долгими часами, когда он, погрузившись в себя, жил в мире мелодий, подбирая их на струнах лютни, или лихорадочно что-то писал, исписывая страницу за страницей, она неотступно следила за движением его пальцев, и ей казалось, что так она проникает в его мысли. А однажды он вдруг поставил перед собой подрамник, отобрал краски и, схватив кисть, принялся рисовать.

Такая же многофункциональность свойственна и заменительному предложению, примыканию, например:

ورط العراق الأمة مرتين في صراع في الزمن الخطأ و في المكان الخطأ.

(Букв.: Ввергал Ирак эту нацию дважды в конфликт во время ошибка и место ошибка.)

Ирак дважды ввергал арабов в вооруженный конфликт в неудачно выбранное время и в неудачно выбранном месте.

В целом функциональные особенности арабских и русских языковых средств, передающих темпоральные значения, можно представить в виде следующей таблицы.

№	Параметры сопоставления	АЛЯ	РЯ
1	Роль глагола	Второстепенная или существенная	Основная
2	Роль слов или сочетаний слов с темпоральным значением, именных конкретизаторов	Основная	Дополнительная
3	Роль наречий	Дополнительная или существенная	Дополнительная
4	Роль таксиса	Существенная	Существенная

Глава 4

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКОЙ РЕЧИ И ПЕРЕВОД

1. РЕФЕРЕНЦИЯ ОТДЕЛЬНОГО ЗНАКА

Отличие референции от номинации. Национально маркированные типы обозначения в арабском тексте. Предпочтительные типы файлов, используемых арабским адресантом для обозначения референтов.

Референцией, или **обозначением**, называется речевое использование номинативных единиц для замещения в знаковой форме представлений адресанта о реальных и идеальных объектах окружающего мира.

Если слово как элемент номинативной подсистемы языка выполняет функцию хранения знаний, накопленных языковым этносом в течение столетий, т. е. эпистимическую функцию, то слово в речи материализует в знаковой форме мыслительную деятельность отдельного представителя этноса в конкретном акте речевой коммуникации и тем самым выполняет когнитивную функцию. Адресант, воспринимая реальный или идеальный объект окружающего мира (*денотат*), создает в своем сознании образ денотата (*референт*), выделяя те признаки денотата, которые, по его мнению, являются главными. Вступая в общение, он выбирает из номинативной подсистемы знак, в значении которого отражены данные признаки, и, следовательно, этот знак сможет символизировать в речи идеальный мысленный конструкт, созданный в сознании адресанта. Совершая эти мысленные действия и операции, говорящий далеко не так свободен, как это может показаться. Его действия носят не только индивидуальный характер, но и социально ориентированы, поскольку в задачу адресанта как одного из участников акта речевой коммуникации входит выделение таких признаков денотата и материализация их в знаке

таким образом, чтобы обеспечить адресату возможность реконструировать аналогичный мысленный конструкт в его сознании.

Во время речевой коммуникации именно в процессе референции осуществляется связь языка с языковым осмыслением действительности отдельным языковым субъектом. В референции эпистемическая функция языкового знака меняется на когнитивную, а амбивалентность значения знака устраняется в определенном контексте употребления¹.

Номинативная единица языка — возможность обозначения, потенциальная величина для будущих обозначений, поскольку знак обладает социально фиксированным значением. Любые возможные контекстуальные модификации значений номинативных единиц в речи в рамках индивидуально-творческого обращения с ними осуществляются на основе этих значений, а не в обход их системных свойств. Однако знание знака в номинации должно быть дополнено знанием особенностей механизма референции, которые отличают референцию в иностранном тексте от механизма референции в родном для переводчика тексте.

Как говорят арабские ученые, одного знания слова (معرفة) еще недостаточно, чтобы говорить правильно. Чтобы использовать слово в речи, т. е., по терминологии арабов, для «делания смысла» (صناعة) нужно знать, как использовать знак для обозначения.

Овладеть особенностями обозначения, характерными для иноязычного этноса, — задача более трудная, чем овладеть особенностями номинации. Задача тем более трудная, когда речь идет о таких контрастивных языковых системах, как системы русского и арабского языков, и о таких различных типах языко-

¹ В системе номинации отражается сущность языковой системы, ее общее, с присущими характеристиками — абстрактность, воспроизводимость, потенциальность, отвлеченность от времени и пространства, конечность... В речи языковая система отражается как явление (в противоположность сущности), ее частное состояние, для которого характерны — конкретность, неповторимость, актуальность, развернутость во времени и пространстве, бесконечность» (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 414).

вого мышления, как типы арабского и русского языкового мышления. Это направление исследований в частной теории арабского перевода еще мало изучено. Попробуем порассуждать.

В первую очередь следует определить, какие факторы влияют на сознание адресанта с момента начала процесса обозначения?

Очевидно, что изначально этими факторами являются факторы вневербального характера. Они связаны с предметом мысли и теми признаками, которые адресант выделяет в объекте реального мира при создании образа денотата, т. е. референта. Признаковая оценка объекта осуществляется через соотнесение последнего с понятиями, входящими в личностный тезаурус адресанта. Поскольку тезаурус личности есть присвоенная адресантом часть общенационального тезауруса, признаковая оценка имеет смешанный индивидуально-социальный характер. Следовательно, чем больше переводчик знакомится с индивидуальными текстами, тем ближе он интуитивно подходит к общенациональному иностранному тезаурусу, а также получает возможность понять национальные особенности выделения признаков в объектах окружающего мира.

Другую группу факторов, влияющих на выбор адресантом номинативной единицы для обозначения предмета мысли в тексте, составляют уже факторы вербального характера. Эти факторы связаны с системой файлов, закрепленных в тезаурусе личности адресанта. Личная система файлов также имеет смешанный индивидуально-социальный характер, и, следовательно, знакомство переводчика с множеством индивидуальных иностранных текстов помогает ему ближе подойти к пониманию особенностей общенациональной системы файлов, в частности, выделить те типы файлов, к которым носители иностранного языка обращаются чаще, чем к аналогичным типам файлов обращаются носители родного языка переводчика.

Факторы обеих групп имеют смешанный *универсально-национальный характер*. Они универсальны в той степени, в какой универсален мир денотатов, человеческое мышление и языковая способность, и национальны в той степени, в какой разнятся между собой миры денотатов, в которых обитают этносы, сами этносы и их национальные языки.

Естественно, что большей национальной специфичностью отличаются факторы второй группы, т. е. факторы вербального характера, поскольку они напрямую связаны с системой языка. Однако, как показывает практика переводческой деятельности, национально маркированными оказываются и факторы первой группы, факторы вневербального характера.

Национальные особенности выделения признаков объекта по их количеству и качеству могут в ряде случаев создавать ситуации, когда переводчику с трудом удается установить смысловую связь между использованным знаком (номинантом) и объектом, обозначаемым этим знаком. Например, в одном тексте словом *صحة* был обозначен объект, который в русском тексте мог быть идентифицирован как *здравоохранение* (*في مجالات الإسكان والمرافق والصحة* — в сферах жилищного строительства, коммунально-бытовых услуг и здравоохранения), а в другом тексте этим же словом был обозначен более конкретный объект, которому в русском тексте соответствовало словосочетание *сотрудники санэпидемстанции* (*... وصلت الصحة وأمرت* — *Прибыли сотрудники санэпидемстанции и распорядились...*). Очевидно, что переводчику для того, чтобы установить объект, обозначенный словом *صحة* (первая фаза переводческой деятельности), в обоих случаях потребовалось извлекать из контекста реальной и речевой ситуации необходимые дополнительные признаки объекта, а при создании текста перевода (вторая фаза переводческой деятельности) — использовать русские номинанты, отличающиеся большей степенью семантической детализации.

Возможна и противоположная ситуация, когда число признаков объекта, выделенных для его обозначения иноязычным адресантом, представляется избыточным и переводчик использует известный прием опущения. Например, в предложении

إن درجات الحرارة العالية أدت إلى إنصهار الأعمدة والجسور
الحديدية التي يتكون منها البناء.

— Из-за высокой температуры расплавились металлические перекрытия здания. Как видно, при переводе опущены при-

знаки большей конкретизации, материализованные словами *درجات* — градусы и словами *الأعمدة والجسور* — опоры и переходы.

Теперь обратимся к тем систематизированным знаниям об особенностях арабской референции, которыми на сегодняшний день располагает частная теория арабского перевода.

Во-первых, поскольку в арабском тезаурусе в большей степени, чем в русском, присутствуют понятия, для которых характерной является **высокая степень семантической интеграции** (экстенционального значения — по Р. Карнапу), то арабский адресант, формируя образ денотата, также часто выделяет в нем признаки, которые, с точки зрения русского адресата, слишком обобщены. Выбирая номинант в когнитивном файле, он соответственно использует **слова с широким объемом понятия**, т. е. слова, которые могут быть использованы для обозначения любых объектов, если выделенные признаки являются существенными и для них.

С точки зрения трудностей, которые приходится преодолевать переводчику при появлении такого типа обозначения, в нем выделяются *два подвида, различающиеся по характеру денотата*.

К первому подвиду относится обозначение *материальных денотатов*, конкретных предметов или явлений. При работе с такими обозначениями, особенно если обозначаемые объекты суть привычные реалии и в жизни языкового коллектива, к которому принадлежит сам переводчик, последний легко по контексту идентифицирует объект, и для того, чтобы найти нужное соответствие, ему необходимо лишь вспомнить, каким привычным словом или словосочетанием обозначается этот объект в русскоязычном коллективе. Например, в тексте

و يقولها والد الطفل هنا يؤكد تقرير مستشفى المواصات حيث
يقول إن سبب وفاة الطفل هو نزف صاعق بعد عشرة أيام من
عملية استئصال اللوزات

использован масдар, который репрезентирует понятие *утверждение чего-л. как процесс* или как *результат процесса*. Круг

реальных денотатов, которые могут быть обозначены данным словом, очень широк. Речь идет о том, что им должны быть присущи, по данным толковых словарей, только два признака: 1) делание чего-л. устойчивым и 2) делание чего-л. признанным, устойчивым. Соответствия, приводимые в двуязычных словарях для слова *تقرير* как результата действия (*отчет, отчетный доклад, докладная записка, справка*), не исчерпывают списка возможных объектов обозначения. Однако для того, чтобы найти нужное соответствие в данной ситуации, переводчику было необходимо лишь вспомнить, каким привычным номинантом обозначается этот объект в русскоязычном коллективе — *врачебное заключение, эпикриз*:

Слова отца подтверждаются и врачебным заключением, в котором говорится, что смерть ребенка наступила в результате внезапного кровотечения, которое произошло через 10 дней после операции по удалению миндалин.

Вычленение высоко обобщенных признаков резко повышает возможности сочетаемости таких обозначений с другими обозначающими в рамках одного сообщения. Например, глагол *ملا* и прилагательное *مليء*, репрезентируя соответственно признаки *абсолютное распространение чего-л. в/на каком-л. пространстве + глагольность* и *абсолютное распространение чего-л. в/на каком-л. пространстве + признаковость*, встречаются в сочетаниях со следующими оппозициями:

«люди : не люди»

و ينتهزون الفرصة فملؤا عقولهم المعلومات الهائلة.

— Они использовали эту возможность, *обогатившись* знанием *огромного числа* сведений и фактов (букв.: ...они... наполнили свои умы).

و سوف يبني لبنان الخرائب التي ملأت بيروت.

— Ливан заново *отстроит* Бейрут, *лежащий* сейчас в развалинах (букв.: ...развалины наполнили Бейрут).

«имеющий объем : не имеющий объема»

و همست في أذنها ورائحة شعرها الأدمية تملأ أنفي.

— Наклонившись к ее уху так близко, что меня *обдало* ароматом ее волос, я *прошептал*... (букв.: ...запах заполнил мой нос).

و ملأت الثلوج وجهي.

— Снег *залепил* мне лицо (букв.: ...заполнил... лицо).

«прямое значение : переносное значение»

ملأ الدلو بالماء.

— *Наполнить* ведро водой.

وملأ التفكير نظرتها.

— Она *смотрела, задумавшись* (букв.: Заполнило размышление ее взгляд).

وملأ التفكير نظرتها.

— Эта девушка *просто очаровательна* (букв.: Заполнила красота девушки мой глаз).

Как видно из приведенных примеров, адекватный перевод достигнут благодаря самым разнообразным переводческим трансформациям, но в любом случае он не требует от переводчика значительных умственных усилий. Гораздо более сложные задачи ему приходится решать, когда он сталкивается с обозначениями второго подвида этого типа арабской референции.

Ко второму подвиду относятся обозначения *метафизических денотатов*, вычленяемых адресантом в метафизической ситуации, которая отражает ход его рассуждений по поводу чего-либо.

Например, такой денотат обозначен в предложении

و بتعبير مباشر لا بد من سيادة المواجهة السياسية على
المواجهة الأمنية.

(букв.: *С прямым выражением, нет избегания от господства политического противостояния над безопасным противостоянием*). В предложении дважды арабский адресант использовал масдар **المواجهة**. В значении этого слова содержатся только два признака: 1) присутствие в определенной ситуации субъекта и объекта и 2) их взаимные контрдействия, которыми могут быть любые действия, во время которых участники ситуации находятся относительно друг друга «лицом к лицу». Значение этого масдара в толковом арабском словаре объясняется следующим образом: **إستقبالك الرجل بكلام أو وجه** (букв.: *Встреча тебя человеком речью или лицом*). Для осознания объекта, обозначенного этим словом, потребуется проанализировать контекст ситуации в широком лингвокультурном пространстве. В предложении масдар **المواجهة** имеет два противопоставленных определения. В одном случае масдар имеет определение **الأمنية**, образованное от имени **أمن** — *безопасность; спокойствие*. В словосочетании **رجال الأمن** (букв.: *люди безопасности*) слово **الأمن** обозначает *полицию*, а производное от него **أمني** в словосочетании **الإدارة الأمنية** (букв.: *безопасное управление*) обозначает *Управление общественной безопасности*, политическую полицию, существующую в арабских странах. Можно предполагать, что арабский адресант использовал свернутый прием обозначения, подсознательно исходя из того, что имеющиеся в личном тезаурусе возможного получателя текста фоновые знания дадут ему возможность легко идентифицировать обозначаемый словосочетанием **المواجهة الأمنية** объект в рамках сконструированной адресантом референтной ситуации. Во втором словосочетании **المواجهة السياسية** значение определения понимается несколько легче. Для его понимания не требуется выхода в культурный фон. Достаточно сопоставить данные двуязычного словаря (*политиче-*

ский; дипломатический; дипломатичный) и узкий контекст употребления.

Что касается переводчика, то после преодоления трудностей понимания подобных расплывчатых обозначений ему придется немало потрудиться и на этапе создания текста перевода. Чтобы донести смысл высказывания до русского адресата, переводчику потребуются более конкретные обозначения с выделением большего числа признаков обозначаемых объектов, например:

Говоря прямо, нужно использовать не отряды сил Управления общественной безопасности, а средства политического урегулирования. Короче говоря, нужны не силовики, а политики.

Оба подвида данного типа обозначения отражают один и тот же ход мысли арабского адресанта как на невербальной стадии его речемыслительной деятельности, так и при выборе им нужного номинанта и опосредованно доказывают тесную связь между языком и речью. Этот ход мыслительной деятельности определяется установкой на большую степень семантической интеграции и на малое число выделяемых признаков. Для переводчика различие между отмеченными подтипами связано с меньшими или большими эвристическими процедурами. Первый подтип (обозначение материального предмета или явления окружающего мира) связан с меньшими трудностями, так как трудности возникают только на втором этапе переводческой деятельности и связаны с перекодированием пусть необычного, но легко понимаемого обозначения. Второй подтип (обозначение метафизического денотата, сконструированного в рамках созданной адресантом референтной ситуации) требует от переводчика значительных эвристических усилий, так как трудности возникают не только и не столько при перекодировании (второй этап переводческой деятельности), сколько при понимании (первый этап переводческой деятельности).

Во-вторых, особой национальной специфичностью отличаются арабские обозначения, связанные с **выбором номинанта из формальных файлов**, т. е. файлов, за которыми стоят знания о системных качествах языка (файлы словообразовательных моде-

лей, файлы корней и файлы семантически нагруженных фонем). Такие типы файлов присутствуют и в русском языковом сознании, однако по сравнению с русскими коммуникантами арабофоны отличаются тем, что в их сознании файлы, связанные со знанием языковой системы (интенциональные значения — по Р. Карнапу), фиксируются четче, и он чаще использует их в процессе опредмечивания образа объекта. Благодаря этому арабский адресант маркирует вычленяемый объект действительности малым числом признаков весьма высокой степени абстракции. Рассмотрим следующие примеры.

а) Выбор номинанта из **словообразовательных файлов**. Например, в предложении **و لهذا إختلق حكاية كهذه** использован глагол **إختلق**, образованный по модели 8-й породы, для которой характерен сильный интенциональный признак «предумышленность действия, совершаемого в пользу субъекта, для субъекта»¹. Переводчик, осознав в рамках конкретного контекста коммуникативную значимость выделенного признака описываемой ситуации, был вынужден конкретизировать интенциональное значение модели 8-й породы. Для этого он использовал прием «добавление», введя в текст перевода русские лексемы, которые материализуют этот признак на экстенциональном уровне: *Он выдумал эту историю, чтобы оправдать свои действия.*

Такой тип арабского обозначения весьма частотен и требует от переводчика глубокого знания словообразовательных значений АЛЯ и постоянного внимания к словообразовательной модели слова в тексте, к «телу знака».

Следует также отметить, что при этом типе обозначения в арабских текстах часто появляются словоформы, не зафиксированные в словарях, но заполняющие возможные словообразовательные лакуны. Например, в тексте

برفض الجانب العربي تهميش الوفد الفلسطيني

¹ Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Восточная лит-ра, 1963. С. 131.

использована модель масдара от глагола второй породы корня [ه م ش] интенсивно-каузативного значения. Имеющиеся словари не содержат в своих словниках ни масдара, ни глагола этого корня. В них дается только имя **هامش** (мн. **هوامش**) — 1) *поле, поля (книги)*; 2) *окраина, опушка*. В современных текстах этим словом обозначаются такие денотаты, как: **هامش ل** — *заметка о...; история вопроса о ...*; **على هامش الحوادث** — *комментарий на события*; **وضعه على الهامش** — *отложить что-л. в долгий ящик*; **هوامش** — *сноски и источники*. Используя контекст ситуации и семантический анализ признаков интенционального и экстенционального характера нового образования, могут быть предложены три варианта перевода данного текста:

Арабская сторона выступает против того, чтобы палестинскую делегацию лишили той роли, которую она должна играть в урегулировании конфликта.

Или:

Арабская сторона выступает против того, чтобы та проблема, которую поднимает палестинская делегация, была отодвинута на второй план.

Или:

Арабская сторона выступает против маргинализации палестинской делегации.

Очевидно, что во всех трех случаях переводчик произвел значительные действия по изменению числа и качества признаков. Трансформации подобного рода налагают на переводчика большую ответственность, требуется большая тонкость, чтобы не переступить ту грань, за которой излишняя конкретизация превратит перевод в «отсебятину».

б) Выбор номинанта из **файлов корней и файлов семантически нагруженных фонем**. Этот вид обозначений связан с феноменом сохранения в системе номинации АЛЯ сетки первичных семантических представлений, закрепленных за языковыми

строевыми материальными единицами, из которых образуются полнозначные слова, но которые и сами по себе обладают некоторым собственным значением. Благодаря этой особенности арабский адресант может обозначать отдельные признаки образа денотата не с помощью лексических значений полнозначных слов, а используя возникающие аллюзии, связанные с консонантной структурой корня. Признаки, которые выделяются при этом типе обозначения, не всегда имеют коммуникативную значимость в акте речевой коммуникации, но их фоновое присутствие при выборе номинанта остается неизменным. При полной коммуникативной реализации этих латентных признаков переводчику необходимо использовать средства их экспликации и конкретизации, вводя дополнительную русскую лексику. Например, в предложении *نحتاج لا إلى مباحثات بل إلى مفاوضات* противопоставлены два слова *مباحثات* и *مفاوضات*, которые в двуязычном словаре имеют одно и то же соответствие — *переговоры*. Существующее между ними семантическое противопоставление есть результат противопоставления файлов корней, от которых образованы данные имена. Сходные с корнем [ب ح ث] корни — [ح س و] — [ح س س] имеют инвариантное значение *нащупывание*; корень [ف و ض] семантически связан с понятийным полем мощных процессов, сходных с разливом рек, приносящих существенные перемены, а также входит в файл сходных корней, таких как [ف ي د] — [ف ء د] (понятийное поле *пользы* и *сердца*) и [د ف ع] (понятийное поле *резких внешних движений, направленных на изменение положения кого-чего-л.*). Во многих случаях употребления эти глубинные семантические признаки остаются коммуникативно не востребованными, и тогда соответствие *переговоры* достаточно точно передает образ денотата. Однако в приведенном примере фоновые значения приобрели коммуникативную значимость, так как без их осознания утрачивается смысл текста. Поэтому в переводе скрытые значения должны актуализироваться, например, в таком виде: *Нам нужно не просто собраться и поговорить, нам нужны серьезные переговоры, которые привели бы к кардинальным*

решениям. Заметим, что в случаях, когда речь идет о переговорах по жизненно важным вопросам, например о заключении мира, всегда употребляется слово **مفاوضات**.

Частотность использования второго и третьего типов обозначения в арабском тексте свидетельствует о том, что «лингвистический» канал информации является для арабофонов привычным каналом и, следовательно, он доступен простым коммуникантам, не обладающим специальными лингвистическими знаниями. Если бы этого не было, то арабские коммуниканты не смогли бы употреблять такие «свернутые» обозначения без опасения нарушить взаимопонимание.

В-третьих, национально маркированным типом арабской референции является выделение в обозначаемом объекте признаков, связанных с **чувственными представлениями**, и выбор номинанта из соответствующих когнитивных файлов. В качестве примера проанализируем следующий отрывок из книги Мустафы Талласа «Фронт стойкости и противодействия в борьбе против кэмп-дэвидского лагеря»:

شعر السادات منذ توليه السلطة بمدى ثقل نظرات
 الاستخفاف التي يحيطه بها رفاق درب الرئيس الراحل
 جمال عبد الناصر فقرر البطش بهم.

Садат, который со времени своего прихода к власти ощущал пренебрежительное отношение сторонников покойного президента Гамалы Абдель Насера к своей персоне, принял решение расправиться с ними.

Подчеркнутые в арабском тексте лексемы передают физические признаки, связанные с **весом** (**ثقل** — *тяжесть*; **أستخف** — *считать легким, невесомым*), **пространственным расположением** (**درب** — *тропа, с трудом прокладываемая в горах*) и **изменением расположения в пространстве** (**بطش عليه** — *прыгать*

на кого-л. сверху). В тексте связь переносных значений с прямыми значениями прозрачна:

- тяжелые взгляды создают дискомфорт;
- Садат чувствует, что его оценивают не по достоинству, относятся к нему пренебрежительно;
- Насер с трудом прокладывает свой новый путь;
- Садат, пользуясь своим положением, весом, обрушивается на своих недоброжелателей.

Создается картинная реальность образа описываемой ситуации через противопоставление бинарных признаков чувственного характера: *тяжесть // легкость; трудные, весомые усилия // легковесность, достойная презрения; слабость // сила*. Такая картинность позволяет адресату правильно интерпретировать «излишнюю» обобщенность каждой из описываемых лексем. Причем необходимо отметить, что в данном тексте создание семантического образного фона — не литературный прием, поскольку книга написана профессиональным военным и не является произведением художественной литературы.

Стремление арабского адресанта создать зрительную «картинку» при обозначении в тексте отдельных денотатов видно и на следующем примере:

و على واجهة المحلات تقرأ لافتات كتب عليها بالخط العريض
إعلانات الانتخابية.

На фасадах магазинов укреплены транспаранты, на которых крупными буквами написаны предвыборные лозунги.

Подчеркнутые лексемы материализуют физические признаки соответственно: *то, что повернуто лицом к кому-л.; линия; открытость, явность*. В словосочетании *الخط العريض* — *широкая линия* отражена особенность арабского письма, где нет прописных и строчных букв, а выделение обычно осуществляется за счет более широкой начертательной линии. Для понимания, воссоздания в сознании адресата описанной «картинки» этих при-

знаков вполне достаточно¹. Переводчику же пришлось описать ее с помощью контекстуальных соответствий, используя те же приемы, что и в описанном выше первом подтипе первого национально отмеченного типа арабской референции.

Для русского переводчика все отмеченные выше арабские типы референции требуют внесения коррективов в привычный ход вербального мышления, усвоенный им в опыте одноязычного коммуникативного общения в русскоязычном коллективе. Ему приходится совершать насилие над собой, приучая себя «мыслить по-арабски». Приобрести нужные умения и навыки переводчику могут помочь специальные процедуры, которые состоят из: 1) постоянного внимания к смысловому контексту, умения целенаправленно следить за *ходом мысли* арабского адресанта; 2) до автоматизма доведенного предпереводческого лингвистического анализа арабских словоформ в тексте (семантического, грамматического и словообразовательного) и 3) профессионального владения приемами перевода.

¹ Как свидетельствует двуязычный словарь, этими лексемами в текстах обозначаются множественные и разнообразные объекты действительности: **واجهه** — 1) фронтон; фасад; лицевая сторона (монеты, кредитного билета и т. п.); 2) витрина; 3) воен. фронт; **خط** — 1) линия; 2) полоса; колея; борозда; трасса; 3) ряд, линия (строя); 4) почерк, письмо; 5) черта; **إعلان** — 1) обнародование, публикация; 2) объявление, извещение; 3) афиша, плакат, объявление.

2. РЕФЕРЕНЦИЯ ОТДЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Понятия реальной, референтной и речевой ситуации. Сопоставление ситуации по параметрам полноты, латентности и точности. Основные национальные отличия обозначения целостного образа отдельной ситуации в арабском тексте. Особенности клишированного описания ситуации. «Избыточное» выделение признаков синтаксическо-морфологического характера в арабской референции отдельной ситуации.

Как отмечалось в предшествующем разделе, речемыслительная деятельность адресанта обращена к двум качественно различным объектам — материальному миру и мысли о нем, с одной стороны, и языковым способам вербализации мысли, с другой.

Объектом материального мира, к которому обращено внимание адресанта при формировании мысли об этом объекте, является **реальная ситуация**.

Адресант, выделяя признаки реальной ситуации и давая им определенную оценку, создает в своем сознании *образ реальной ситуации*, формирует *мысль о ней*. Образ реальной ситуации создается на «языке мозга» и является скрытым от прямого наблюдения результатом нейрофизиологических процессов, которые происходили в сознании адресанта. Этот образ — **референтная ситуация** — всегда отличен от реальной ситуации по количеству признаков, по качеству признаков и, естественно, по представлению: реальная ситуация объективно существует вне адресанта, референтная — только в его сознании, формируя когнитивное содержание будущего текста. Одна и та же реальная ситуация

может стать основой формирования различающихся референтных ситуаций в сознании разных адресантов.

Чтобы передать информацию о референтной ситуации адресату, адресант материализует ее языковыми средствами (**предметная ситуация**) в рамках конкретного акта речевой коммуникации (**речевая ситуация**). **Предметная ситуация** представляет собой содержание текста. Содержание текста может совпадать с интенциональным смыслом, но может и отличаться от него по разным параметрам. Смысл текста есть результат взаимодействия речемыслительной деятельности адресанта и речемыслительной деятельности адресата в условиях конкретного акта речевой коммуникации. **Речевая ситуация** влияет на то, каким образом адресант будет вербализовать референтную ситуацию, с тем чтобы наполнить содержание текста тем смыслом, который он в него вкладывает в соответствии со своей «концептуальной программой» (по З. Д. Львовской). Для успеха коммуникации он должен оценить:

- принимающие способности адресата;
- норму и узус речевой деятельности языкового сообщества;
- неязыковые каналы информации, которые могут быть задействованы в конкретном акте общения.

Поскольку принимающие способности адресата носят индивидуально-социальный характер, адресант, чтобы быть понятым, должен при моделировании референтной ситуации и при определении ее в тексте придерживаться определенных социально осознаваемых границ **полноты**, **латентности** и **точности**. Для большей наглядности представим эти понятия в виде следующей таблицы.

Понятие	Референтная ситуация	Текст
Полнота	Моделирование референтной ситуации с выделением большего или меньшего числа признаков реальной ситуации при принципиальной невозможности выделения всех признаков.	Вербализация признаков референтной ситуации при возможности вербализации всех признаков, выделенных в референтной ситуации.

Окончание таблицы

Понятие	Референтная ситуация	Текст
Латентность	Моделирование референтной ситуации с использованием «свернутых» признаков, выделенных на основе интегративного принципа в отражательных процессах.	Вербализация признаков, выделенных в референтной ситуации, с использованием языковых средств со «свернутой семантикой» и всякого рода аллюзий.
Точность	Моделирование референтной ситуации с обязательным выделением в реальной ситуации признаков, без которых указанная ситуация не может существовать.	Вербализация признаков референтной ситуации с помощью языковых средств, обладающих достаточной степенью точности (сингулярности).

Взаимопонимание коммуникантов в определенной речевой ситуации может быть достигнуто только в том случае, если при конструировании референтной ситуации и при материализации мысли в языковых знаках параметры полноты, латентности и точности будут сопоставимы для компетенций адресанта и адресата.

В качестве иллюстрации проведем краткий сопоставительный анализ означивания одной и той же реальной ситуации в арабском и русском текстах.

والوقت ليل والجو صحو والهواء راتب يهمس في الأغصان

(Букв.: Время — ночь, воздух ясный и воздух влажный шепчет /он/ в ветвях.)

Ночь. Ясно. Влажный ветерок шелестит в ветвях.

Очевидно, что в обоих случаях референтные ситуации моделируются в виде завершенных кадров, субситуаций, каждая из которых впоследствии вербализуется. Однако если арабский ад-

ресант в субситуациях выделяет денотат / референт и его признак (две первые субситуации) и денотат / референт и совершаемое им действие (третья субситуация), то русский адресант в двух первых субситуациях ограничивается выделением только признаков. Таким образом, если говорить о ситуации в целом, то вербализованная в арабском тексте референтная ситуация отличается от русской большей полнотой.

Что касается образов отдельных денотатов, то они в арабской референтной ситуации отмечены, напротив, меньшей полнотой по сравнению с русской. Так, в третьей субситуации русский адресант вычленяет объект *подвижной влажной воздушной субстанции, способной осуществлять активные действия* (влажный ветерок), который отличается по частным признакам от объекта *воздушная субстанция* (ясно), который был выделен для второй субситуации. Арабский адресант выделяет меньшее число различительных признаков между денотатами второй и третьей субситуаций, они отличаются большей «свернутостью», латентностью. В русских референтных субситуациях присутствуют 3 различительных признака: *подвижность//отсутствие подвижности, прозрачность//отсутствие признака прозрачности, способность к активным действиям//отсутствие способности к активным действиям.* В арабских референтных субситуациях присутствуют только 2 признака: *наличие целостности воздушной субстанции//отсутствие целостности воздушной субстанции.*

Что касается вербализации признаков референтной ситуации в текстах, то в арабском тексте ей свойственна большая полнота, чем в русском тексте, включая вербализацию признаков отношений между субситуациями, которые в русском тексте выражены латентно. Латентность в русском тексте отмечена и в синтаксических структурах двух первых эллиптированных предложений (назывные предложения, в которых подлежащее имплицитно). Однако точность вербализованных признаков не мешает русскому адресату воспринимать референтную и понимать реальную ситуацию, так как в тексте не нарушены общепринятые литературные нормы синтаксического эллипса.

По параметру точности, т. е. сингулярности обозначения отдельных денотатов русский текст явно превосходит арабский. Арабские лексемы **جو** и **هواء** отличаются большей степенью латентности и меньшей степенью точности, чем русские *воздух* и *ветерок*¹. Лексикографический анализ позволяет сделать вывод о значительной семантической близости слов **جو** и **هواء**, но и о некотором глубинном их различии, которое позволило арабскому адресату использовать их для обозначения несколько отличающихся между собой объектов референтной ситуации. Однако, учитывая латентный характер этого различия, а также разбросанную семантику каждого из этих слов, точность обозначения оказывается значительно меньше, чем в русском тексте, где слово *ветерок* однозначно манифестирует признаки, выделенные в референтной ситуации.

Опыт речевой коммуникации свидетельствует о том, что при всем многообразии вариантов референтных ситуаций для одной и той же реальной ситуации это многообразие имеет два предела: предел *информационный* (понимание) и предел *эстетический* (привычность). В первом случае речь идет о том, состоится ли акт коммуникации вообще, поймет ли адресат, о чем идет речь, во втором — о том, в каком виде он получит информацию о реальной ситуации, привычном или необычном, соответствующем норме и/или узусу речевых реализаций или нарушающем норму и/или узус речевых реализаций.

Установить эти пределы со сколько-нибудь достаточной точностью не представляется возможным даже для родного языка. Если интеллектуальный предел в известной степени связан с язы-

¹ Лексема **جو** в арабско-русском словаре Х. К. Баранова имеет следующие соответствия: 1) воздух, атмосфера; 2) перен. атмосфера, обстановка; 3) небо; 4) широкая долина; 5) погода; климат; 6) благоприятная почва; 7) физ., тех. атмосфера. Лексема **هواء** в том же словаре имеет соответствия: 1) атмосфера; воздух; 2) ветер; 3) климат; 4) погода; 5) каприз; 6) трус. В арабском словаре синонимов Рафаила Нахле ал-Йаси:ли оба слова даются как взаимозаменяемые. В толковом словаре ал-Мунджид и в арабско-английском словаре Ильяса слово **هواء** использовано в качестве поясняющего синонима для слова **جو**.

ковыми коммуникативными компетенциями коммуникантов, то эстетический предел остается в сфере интуитивного чувства правильного и/или уместного выражения в речи референтной ситуации. Одни непривычные референтные ситуации эстетический предел не пропускает (например, те, которые создаются под действием интерференции иностранной языковой системы), тогда как другие непривычные референтные ситуации получают признание социума (например, в произведениях таких самобытных национальных писателей, как Андрей Платонов или Владимир Набоков).

Очевидно, оставаясь только в сфере лингвистического знания, можно установить лишь ту часть эстетического и интеллектуального пределов, которые относятся к области относительно точных языковых знаний — грамматики, вокабуляра, словообразовательной системы, клишированных образов описания типовых ситуаций, т. е. всего того, что может быть задано списком. Та же часть этих пределов, которую нельзя определить с помощью языкового знания, связана с более глубинными пластами сознания. Эти пределы определяются теми максимумами, которые складываются у этноса в ходе множественных актов отражательной работы сознания его представителей. Они закрепляются в процессе формирования их языковых коммуникативных компетенций, а затем включаются в индивидуально-социальную концептуальную систему человека как установки психосемантического характера на осуществление отражательной работы сознания, стратегии и тактики образования энграмм (образов) в речемыслительной деятельности. Для того чтобы гарантировать корректность репродуктивных и особенно продуктивных речевых операций на уровне создания референтных ситуаций, переводчику необходимо знание — сознательное или интуитивное — семантических доминант, активно влияющих на формирование референтных ситуаций в сознании иностранного адресанта и актуализирующихся в иностранном тексте.

В порождении арабского коммуникативного образа референтной ситуации, актуализирующейся в тексте, прежде всего обнаруживается влияние **психосемантической установки на**

высокую интеграцию семантических представлений (ДВСИ). Напомним, что эта же доминанта была отмечена как ведущая для арабской номинации и для обозначения отдельных денотатов / референтов ситуации. Проявление действия ДВСИ на уровне описания ситуации отмечено в следующих случаях.

1. Опредмечивание референтной ситуации на основе интегрированного понятия о строевых единицах синтаксиса.

В арабском предложении слова, словосочетания и предложения представляются с точки зрения операций с ними *однопорядковыми единицами* в рамках единой системы *иараба* (الإعراب) и понятий *определенности/неопределенности (детерминативности)*. Классы словоформ и словосочетаний от класса предикативных конструкций отличаются в этом смысле лишь по первичности и вторичности функций. Для класса словоформ и словосочетаний первичной функцией является номинация, вторичной — сообщение, для класса предикативных конструкций первичной функцией является сообщение, вторичной — номинация. При выполнении арабскими предикативными конструкциями их вторичной функции — номинации — они подвергаются воздействию тех же изменительных факторов, что и отдельные слова и словосочетания в их первичной функции. Об этом свидетельствует тот факт, что синтаксические конструкции в их вторичной функции легко вступают в отношения однородных членов предложения со словоформами в их первичной функции. Рассмотрим такой пример:

كانت جثة رجل أخرجها من البحيرة جثة تسيل منها المياه منتفخة

(Букв.: Был труп мужчины, вытащили они двое его из озера, трупом, льются из него воды, раздувшимся.)

Определительное придаточное предложение (تسيل منها المياه) и причастная форма (منتفخة) относятся к одному и тому же слову *جثة* — *труп*. По правилам согласованного определения и придаточное предложение, и причастная форма находятся в одной словоизменительной позиции (نصب), той же, что и слово *جثة*,

и в неопределенном состоянии, которое для причастия выражено в виде флексии, а для предложения — в виде нулевого относительного местоимения **الذي**.

Таким образом, единую парадигму иараба только условно можно назвать словоизменительной парадигмой. Объективно иараб есть парадигма синтаксических функций различных языковых форм (слов, словосочетаний, предложений). Основываясь на этой парадигме, адресант строит высказывания по единой и простой схеме.

В этой особенности арабского синтаксиса обращает на себя внимание не только легкость трансформационных процессов при замене предикативной конструкции словоформой и наоборот, но и та легкость, с которой арабский адресант, замещая масдаром предложение с глаголом-сказуемым, опускает при этом категориальные признаки глагола, в частности временные характеристики глагольного действия. Использование масдара вместо предикативной конструкции часто создает высказывания, лишенные для русского получателя необходимой точности. Это может быть проиллюстрировано следующим примером:

أعلن الرئيس معارضة بلاده مبدأ استخدام القوة وسيلة لتسوية المنازعات.

(Букв.: Заявил президент противодействие своей страны принципу использования силы средством для улаживания конфликтов.)

Президент заявил, что его страна выступает (будет выступать?, выступит?) против использования силы как средства решения конфликтов.

2. Опредмечивание референтной ситуации на основе интегрированных понятий о синтаксических отношениях между строевыми единицами сообщения. В арабском тексте наряду с присутствием дифференцированных средств выражения атрибутивных, причинно-следственных и других типов отношений активно используются синкретические формы, для которых харак-

терно смешение представлений о типе связей на фоне интегрированного инварианта. Это порождает сообщения, понимание которых в условиях недостаточно прозрачного контекста может вызывать у русского адресата серьезные затруднения в их понимании. Подобные синкретические формы широко используются в арабском дискурсе вне зависимости от временного среза и от функционально-стилистической принадлежности текста.

Примером может служить известная **форма сопряженного состояния, или несогласованного определения (идафы)**. Как известно, эта форма может использоваться для передачи 13 различных типов отношений:

- отношение принадлежности,
- назначение предмета,
- отношение обладателя к обладаемому,
- отношение распоряжающегося или управляющего к управляемому,
- отношение явления к возбудителю этого явления,
- отношение качества к предмету, обладающему этим качеством,
- отношение причины к следствию,
- отношение следствия к причине,
- отношение деятеля к результату действия,
- отношение предмета к веществу, из которого он сделан,
- спецификация вещества по предмету, сделанному из него,
- отношение части и целого,
- отношение имен, обозначающих географическое название, название сочинения, дня недели или месяца, к именам, обозначающим соответствующее понятие.

В результате такой многозначности одно и то же выражение может быть интерпретировано в ряде случаев только на основе контекстуального анализа. Например, выражение *إعتداء إسرائيل* в одном контексте может означать *нападки Израиля*, а в другом *нападки на Израиль*.

Сочетание атрибутивных и причинно-следственных отношений в одной синтаксической конструкции отмечено в арабском

синтаксисе не только для идафы, но и для ряда других частотных моделей. При этом к атрибутивным и причинно-следственным отношениям могут добавляться уступительные, условные и др. Примером таких синтаксических структур может служить «предложение состояния» (جملة حالية), смысловым инвариантом которого является понятие состояния в самом широком значении этого слова. Используя эту конструкцию, арабский адресант материализует признак состояния референта в данной референтной ситуации по различным параметрам:

- а) положение референта в пространстве;
- б) положение референта относительно других объектов ситуации;
- в) внутреннее состояние референта;
- г) отношение действия референта к другим его действиям на временной оси и т. п.

При этом, поскольку эти различия не получают эксплицитного выражения, русскому адресату часто нелегко понять, какое конкретное отношение выражается в арабском тексте с помощью этой латентной конструкции, а иногда допускаются различные истолкования типа связи между главным предложением и предложением состояния даже в рамках одного контекста.

Приведем несколько примеров.

تلعب البلاد بالنار وهي بدأت الحملة.

(Букв.: Играет эта страна с огнем, и она начала эту кампанию.)

Начав эту кампанию, страна играет с огнем.

Страна, которая начала эту кампанию, играет с огнем.

وما هو الهدف من هذا الضجيج الإعلامي الذي يحاول تغيير الحقيقة التي لا يمكن حجبها وقد شارك فيها مئات الألوف من جنود وشعب العراق!؟

(Букв.: И какова она — та цель этой шумихи информационной, которая пытается сделать иной эту истину, которая не

является возможным скрыть ее под покрывалом, и уже участвовали в ней сотни тысяч из солдат и народа Ирака?)

Какова же цель этой пропагандистской шумихи, с помощью которой пытаются исказить факты, но которые нельзя уже завуалировать, коль скоро участниками (войны с Кувейтом) оказались сотни тысяч военнослужащих и мирных граждан Ирака?

و كان إينشتين بطيء النمو وهو طفل فلم يعرف كيف يقول
بابا أو ماما إلا في الخامسة من عمره.

(Букв.: Был Эйнштейн медленно развивающимся, и он ребенок, и не знал, как сказать папа и мама, кроме в пятый /год/ своего возраста.)

Когда Эйнштейн был ребенком, он очень медленно развивался. Так, «папа» и «мама» он научился говорить только в пять лет.

يؤسفني أنك لا يصدقني و أنا رجل بريء.

(Букв.: Огорчает меня, что ты не веришь мне, и я человек невиновный.)

Очень жаль, что ты мне не веришь, хотя я невиновен.

و أخرج علبة الكبريت و لم يكن فيها إلا عود واحد , فأشعله
و هو خائف.

(Букв.: Он вытащил коробок спичек, и не было в нем кроме одной спички, и зажег ее, и он боящийся)

Он достал спичечный коробок, в котором оказалась только одна спичка. Поэтому он чиркнул спичкой очень осторожно (не дыша).

С подобным же явлением переводчик сталкивается и в том случае, когда интегративные признаковые характеристики пере-

даются в арабском тексте с помощью **конструкции** شيء كونه (букв.: нечто, его суть такова, что оно...). Используя этот оборот, арабский адресант, как и при употреблении предложения состояния, только сообщает информацию о признаке при референте, но не уточняет характер семантической связи, существующей между признаком и смыслом всего высказывания. В результате определенная связь, лежащая в основе конструкции, может трансформироваться в причинно-следственную или процессуально-условную. Например:

إن بلادنا كونها مشاركة نشيطة في حركة عدم الإنحياز ستساعد في المستقبل أيضا ومن كل الجوانب تعزيز اتجاه السياسة.

(Букв.: Поистине, наша страна, суть ее активная участница в движении неприсоединения, будет она помогать в будущем также и со всех сторон укреплению этой политики.)

Являясь активным участником движения неприсоединения, наша страна и впредь будет всемерно содействовать этому политическому курсу.

و دعا الجماهير الوطنية لانخراط في هذه المعركة كونها ستحدد ليس فقط مصير الجبل بل مصير لبنان.

(Букв.: И призвал он массы национальные к нанизыванию как бусины на нитку бус этой борьбы, суть ее будет она определять не только судьбу этой горы, но судьбу Ливана)

Он призвал патриотические массы примкнуть к боевым действиям, так как от них будет зависеть не только судьба Горного Ливана, но и судьба всей страны.

Латентное выражение синтаксической связи в арабском тексте постоянно подстерегает переводчика еще и из-за широкого употребления **многозначных союзов**: **و — حيث** и др. Каждый из этих союзов может передавать все распространенные

типы отношений — аддитивность, альтернативность, противопоставление и зависимость. Так, арабский союз **ف**, который относится к высокочастотным союзам в арабском дискурсе¹, реализует в различных контекстах общую идею «уточнения знания» (**وظيفة التعليم**), как называется эта идея в арабской литературе². Благодаря диффузности этой идеи данный союз может обозначать временные, причинно-следственные, противительно-выделительные, иллюстративные и прочие типы связи. Полифункциональность союза требует от адресата умения самостоятельно сопоставить смыслы синтаксических единиц, соединенных этим союзом. Тогда как от переводчика требуется не только сопоставить смыслы, но и при создании текста перевода конкретизировать синтаксические связи и выразить их с эксплицитной точностью. Например:

و لم يكن ذلك صعبا فيما تعلق بالاتصال بين السادات
والاسرائيليين فله سوابق فلمطلع 1961 عقد في باريس لقاء
سري (مصري – إسرائيلي) هو الأول من نوعه منذ تسلم
السادات السلطة.

Что касается установления контактов между Садатом и израильянами, то осуществить их было несложно, поскольку такие прецеденты уже имелись: так, в начале 1971 года в Париже произошла тайная египетско-израильская встреча, первая с момента прихода Садата к власти.

¹ По данным Б. А. Шитова, с помощью этого союза вводится более 9 % самостоятельных предложений (Шитов Б. А. Связь предложений в письменном монологическом тексте арабского литературного языка (в сопоставлении с русским): Автореф. дисс. канд. филолог. наук. М., 1985. С. 15–16).

² مالك المطليبي - استجابة العربية للتحديات العصرية - دراسة في النول و النسيج - "الأقلام" - سنة 1985 , ص. 80 - 101.

و نقل الرئيس هذا العرض فرفضه انذاك.

Он передал президенту это предложение, но тот тогда его отклонил.

Примеры недифференцированных синтаксических отношений известны и в русском дискурсе. Так, в русских сложных бессоюзных предложениях смысл отношения также выявляется на основе конкретного содержания сопологаемых предикативных конструкций. Например, реплика *Кончу статью, поеду на дачу* гипотетически в разных речевых ситуациях может означать, что между действиями существуют условные (*если*), временные (*когда*) или следственные (*если*) отношения. Однако такие примеры латентных текстов имеют гораздо меньшую частотность по сравнению с арабским дискурсом и характерны или для определенной формы речи, или для определенного функционального стиля, тогда как для арабского дискурса употребление латентных форм синтаксической связи не зависит от формы и стиля речи.

3. Опредемчивание референтной ситуации на основе интегрированных денотативных понятий. Национальные особенности номинации и механизма использования номинативных единиц в речи влияет на характер отражательной деятельности сознания, создавая национальную картину мировидения у носителей конкретного языка. Сетка понятий-слов, которыми располагает араб, отличается от сетки понятий-слов, которыми располагает русский, тем, что большую ее часть составляют понятия-слова, сохраняющие тесную связь с физическим миром через инвариант корня и в силу этого имеющие недостаточную точность выделяемых признаков из-за возможной бесконечности расширения их числа в процессе индивидуально-социального познания чувственного мира. Чувственное начало, с одной стороны, позволяет легко сформировать образ реальной ситуации, но для русского адресата этот образ не имеет привычной для него рациональной конкретности. Проиллюстрируем это на следующем примере.

و قد أثبتت الأحداث أن التنسيق الإقليمي بين دول الخليج يفوق ما هو يعلن , حتى بالنسبة لتلك الدول التي تتخذ من الهامش الديموقراطي واجهة لها.

(Букв.: И уже установили эти события, что координация безопасная региональная между странами залива превосходит то, что оно объявляется, даже по отношению к тем странам, которые приняли из окраины демократической лицевою сторону для себя.)

Как очевидно из буквального перевода, выделенная часть арабского текста не может быть переведена без значительного переводческого анализа составляющих его слов-понятий, чтобы осознать признаки референтной ситуации. Релевантными признаками в рамках системного целого референтной ситуации можно считать:

- сильный интенциональный признак предумышленность действия, совершаемого в пользу субъекта (8-я порода глагола);
- экстенциональные признаки периферийность, незначительность (الهامش, демократия (الديموقراطي), лицевая сторона, видимая часть (واجهة));
- коннотативный признак видимость, внешнее впечатление (контекст статьи).

Дальнейшие действия переводчика сводятся к тому, чтобы воссоздать референтную ситуацию, сопоставимую с исходной референцией, и материализовать ее средствами русского языка.

Эти события свидетельствуют о том, что координация действий региональных систем безопасности (спецслужб) в странах Персидского залива выходит за декларированные рамки, причем даже в тех государствах, которые заявляют, что у них якобы есть демократия (которые афишировали свой переход к демократии).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в результате действия ДВСИ образ референтной ситуации формируется в сознании арабского адресанта, а затем материализуется им в языковых знаках с иными требованиями полноты, латентности и точности по сравнению с теми требованиями полноты, латентности и точности, которые действуют в русском дискурсе. А именно такие требования были усвоены русским переводчиком в его предшествующем опыте речемыслительной деятельности в русскоязычном коллективе. Это обстоятельство повышает степень сложности эвристических процедур, которые вынужден совершать переводчик.

Остановимся еще на одной речевой форме референции отдельной ситуации — клише.

Клише (стереотип) — готовая к употреблению языковая или речевая форма (слово, словосочетание, готовая фраза). Это наиболее привычная и экономная форма выражения мысли с помощью тематических или ситуативных высказываний. Например, при деловом общении употребляется клише *Предъявленному верить!*, а обращаясь к железнодорожному кассиру — *Два до конца*. Клишированное выражение обычно переводится готовой формой языка перевода, например:

سري جدا جدا — *Совершенно секретно* (гриф на документе);

الحمد لله على السلامة! — *С приездом!*;

تتصرف كما تريد! — *Делай как знаешь!*;

ما باليد حيلة! — *Что же поделаешь? Другого выхода нет!*;

هذا بديهي! — *Само собой разумеется!* и т. п.

Сопоставительное знание клишированных форм входит в обязательную программу подготовки переводчика. В это знание входят: **национальные особенности состава клишированных выражений и словосочетаний (синтаксического и семантического) и их употребления.**

1. Особенности состава арабских клишированных выражений и словосочетаний. В числе этих особенностей можно

выделить особенности синтаксического характера и особенности семантического характера.

К синтаксическим особенностям арабских клишированных выражений и словосочетаний относятся:

а) «избыточная» полнота синтаксических признаков, например:

و إذا أردنا ترجمة هذا فإنه يعني أن...؟! — *Можно ли это понимать так, что?.. или Другими словами?..* (Букв.: И если захотели мы перевести это, то поистине это означает, что...);

б) широкое употребление винительного падежа (نصب), например:

سمعا وطاعة! — *Неприменно!* ;

لا بد من كلمة! — *Нужно поговорить!* ;

в) употребление слова с предлогом или словосочетания с предлогом перед первым словом, например:

على مبدأ الأمر — *в принципе;*

على منطلق مبدئي — *по принципиальным соображениям;*

من الآن فصاعداً — *отныне и навсегда;*

г) повтор слова, например:

نص و نص — *так себе;*

لا يزورنا إلا كل حين وحين — *У нас он бывал лишь изредка.*

К семантическим особенностям арабских клише относятся:

а) широкое употребление речений с именем Аллаха, например:

نعمة من الله! — *Авось, обойдется!;*

و العلم عند ربك!؟ — *Кто знает?!;*

و العلم عند علام الغيوب! — *Да как знать!;*

الله يحلي دنياك! — *Желаю Вам всего наилучшего!;*

б) использование синонимических пар, например:

كلنا أهل شرف و ذمة! — *На нас можно положиться!*;

в) использование антонимических пар, например;

لا زيادة ولا نقصان — *только и всего, ни больше ни меньше;*

لا يفرق بين الجد و الدعابة! — *Он не понимает шутки!*;

г) использование однокорневых слов, например:

كيف تقولون هذا القول! — *Как Вы можете так говорить!*;

بقدره قادر — *как по волшебству;*

أنا أرى في ذلك لذة لا تعادلها لذة — *Я нахожу в этом ни с чем не сравнимое удовольствие;*

д) редкое по сравнению с русским текстом употребление клише-цитат. Исключение составляют коранические речения. В текстах художественной литературы встречаются цитаты из литературы, но в отличие от приемов такого цитирования в русских текстах они, как правило, сопровождаются пояснениями;

е) заимствованные клише, например:

وفر الوقت — *выиграть время;*

حرب الأشقاء — *братоубийственная война.*

2. Особенности употребления клише в арабском тексте.

В числе особенностей употребления клише в арабском тексте, которые вызывают сложности при переводе, могут быть упомянуты следующие:

а) Большая валентность арабских клишированных форм по сравнению с русскими. Например, устойчивое словосочетание طولا و عرضا (букв.: длиной и шириной) в определенных случаях соответствует таким русским клише, как *вдоль и поперек, там и сям, от края до края*, но в выражении

جلس الأب بطوله و عرضه على الكرسي

это же клише может быть переведено *Отец тяжело опустился на стул.*

б) Тематическая полифункциональность многих арабских клишированных форм. Например, выражение **كفى الله الشر!** может употребляться как тематическое высказывание для описания ситуаций: а) решительного отказа (*Ни в коем случае!*), б) утешения (*Все позади! Пройдет!*) и в) пожелания успеха (*Держись! Все будет хорошо!*).

в) Стилистическая полифункциональность арабских клишированных форм. Например, клишированный ответ **سما وطاعة!** будет соответствовать: а) при официальном общении военнослужащих (*Слушаюсь!* или *Есть!*), б) при бытовом нейтральном общении (*Обязательно!* или *Непреренно!*) и в) при речевых ситуациях шутливого общения (*Слушаюсь, Ваше превосходительство!*).

г) Отсутствие коннотации арабского клишированного выражения. Например, клишированное употребление двух синонимов характерно для ситуаций, маркированных как положительно (**القرار ذو حق وعدل** — *Это абсолютно справедливое решение*), так и отрицательно (**القتل لك حق وعدل!** — *Убить тебя мало!*).

д) Существование нескольких клишированных выражений для одной ситуации.

е) Отсутствие арабских клише для описания ситуации, которая в русском дискурсе имеет клишированную форму, например: **و إن مستقبل النظام مرهون باحترامه لمبدأ التعدد الحزبي** — *Будущее этого строя целиком и полностью зависит от того, будет ли при нем уважаться принцип многопартийности.*

Как видно из приведенных выше примеров, при переводе арабских клишированных форм могут использоваться:

1) русские клишированные формы, находящиеся с арабскими клишированными формами в отношениях постоянного соответствия (пример в 1е);

2) русские клишированные формы, находящиеся с арабскими клишированными формами в отношениях вариантных соответствий (2б);

3) неклишированное словосочетание (2г), что квалифицируется в теории перевода как лексическая замена.

Выбор соответствия для клишированных форм ИЯ происходит под значительным влиянием **нормы** и **узуса**, которые существуют в ЯП. В нашем случае это положение оказывается наиболее важным при переводе типов арабских клише, отмеченных в пунктах 2в, 2г и 2е. Как известно, языковой нормой является «совокупность устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации»¹. Нарушение нормы порождает неправильную, неграмотную речь. Узусом является общепринятое употребление языковой единицы в отличие от окказионального (индивидуального или временного) употребления языковой единицы. Нарушение узуса порождает неестественную, неидиоматичную речь. Например, хотя ситуативное высказывание *Ответь на телефонный звонок!* не нарушает нормы, более узуальной формой является высказывание *Возьми трубку!*. Поэтому информативное высказывание, в котором использовано клише *هذا التاريخ عزيز على قلوب الجماهير الشعبية*, (Букв.: Эта дата дорога для сердец народных масс) может быть переведено или: *Эта дата дорога всему нашему народу*; или: *Память об этой дате живет в наших сердцах*. В первом случае переводчик отказывается от использования русского клише, во втором использует иное клише, которое уместно в данной ситуации по аналогии и не нарушает ни нормы, ни узуса русского языка.

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 337.

В завершение остановимся еще на одной особенности описания целостного образа ситуации в арабском тексте, а именно на «избыточном» выделении признаков синтаксическо-морфологического характера. В качестве примера рассмотрим следующие высказывания:

- 1) قرأت في ملامحي الرغبة في تفسير ما تعني فقالت...

(Букв.: И увидела она в моих чертах желание уточнения того, что она имеет в виду, и сказала...)

Отвечая на мой немой вопрос, она пояснила...

- 2) استلقى على جانبه الأيسر ثم ضم يديه وأسند
عليهما رأسه إنه ينظر الى الغرفة من زاويته
الجديدة.

(Букв.: Растянулся он на своем левом боку, затем соединил две свои руки и установил на них свою голову. Поистине, он взглядывает на комнату из нового угла.)

Он растянулся на левом боку и, подложив под голову руки, стал разглядывать комнату из этой новой позиции.

- 3) لوثيقة مكتوبة بخط اليد بشكل تصعب معها
قراءتها

(Букв.: Этот документ написан линией руки с формой, с которой трудно читать его.)

Этот документ написан неразборчиво.

Анализ приведенных примеров обнаруживает, что, во-первых, во всех арабских высказываниях число предикативных групп больше числа предикативных групп в русских переводах, соответственно:

1) три полные предикативные группы в арабском высказывании против одной полной и одной структурно неполной (*отвечая на мой немой вопрос*) в русском переводе;

2) четыре против двух полных и одной структурно неполной (*подложив руки под голову*);

3) две против одной.

Подобное явление наблюдается постоянно. Оно не зависит ни от реальной ситуации, ни от цели повествования. Ситуация может быть конкретной или абстрактной, а предложения могут быть повествовательными, вопросительными или побудительными. То, что в арабском тексте вынесено в препозицию, в русском переводе отнесено в пресуппозицию: *молчаливый вопрос* означает, что информация о существовании вопроса передана по кинетическому каналу; *написан* означает, что документ не напечатан, а написан от руки; *неразборчиво* означает, что читать такой документ трудно.

Устойчивое стремление арабского адресанта к упорядоченному и упрощенному моделированию референтной ситуации и полноте вербализации признаков в тексте подтверждается и тем фактом, что в арабском дискурсе назывные предложения — редкость, правилом же является «восстановление» при переводе гипотетического субъекта действия, например:

تمطر السماء — (букв.: Дождит небо) — *Дождь*;

المني ذلك (букв.: Причинило боль мне это) — *Жаль!* ;

لا يعرف المرء هل يكذب الوقائع أم يصدقها (букв.: Не знает этот мужчина, считает ли он лживыми эти факты или считает правдивыми он их) — *Неизвестно, соответствуют эти факты истине или нет; или: Неизвестно, можно ли верить или нет этим фактам.*

Во всех арабских высказываниях присутствуют хорошо известные из нормативного курса «избыточные» признаки принадлежности, выраженные слитными местоимениями.

Как известно, в арабской лингвистической традиции существовало правило соблюдения двух контекстов — смыслового (**السياق المعنوي**) и грамматического (**السياق اللفظي**). И, наконец, не исключено влияние литературной традиции. Однако окончательного ответа на вопрос пока не существует. Синтаксическо-морфологическая избыточность арабской референции

остается так называемым «фактом языка», с которым должен считаться переводчик, если он не хочет постоянно нарушать норму и узус русского языка, перенося эти признаки в текст перевода.

Чем вызвана подобная избыточность синтаксическо-морфологических признаков в арабском описании ситуации? Вероятно, ответ на этот вопрос следует искать на различных уровнях, а не только на грамматическом уровне организации высказывания. Его следует искать и в расплывчатой семантике арабских номинативных единиц, которая компенсируется четкостью синтаксиса (множественность мини-ситуаций), и в неогласованной системе письма, которая требует четкости грамматического контекста.

3. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЧТПАЯ

А. Текст как система

Текст как система. Содержание и смысл. Функциональные качества (категории) текста. Текст и дискурс.

Выше были рассмотрены особенности обозначения отдельных денотатов/референтов и отдельных референтных ситуаций в арабском тексте, т. е. особенности *элементов* (подсистем) **системы текста**, которая, в свою очередь, является *элементом* (подсистемой) в суперсистеме акта речевой коммуникации. В разделе 1.4. настоящей книги рассматривался содержательный аспект системы текста. В разделе 1.5. излагались взгляды ученых, занимающихся общей теорией перевода, на роль текста в акте переводческого общения, т. е. функциональный аспект. В результате были освещены понятия *содержания и смысла*.

Содержание текста определялось как некое семантически напряженное пространство — идеально-материальный образ текста. Содержание текста должно быть *воспринято и понято* адресатом, что является одним из неперемных условий успешного акта речевой коммуникации. *Восприятие* содержания текста есть сложный процесс раскрытия опосредованных материальными элементами текста и порядком их следования связей и отношений между содержательными единствами разного уровня. Процесс восприятия линеен, воспринятый содержательный блок синтезируется в более крупный блок, образ актуализированных значений слов вырастает в образ актуализированных значений словосоче-

таний, образ словосочетания — в образ синтагмы, образ синтагмы — в образ предикативной конструкции, образ предикативной конструкции — в образ сообщения, и в конечном итоге конструируется образ текста. Если процесс восприятия шел без нарушения правильного алгоритма, то восприятие завершается *пониманием содержания текста*.

Смысл определялся как сверхсуммарная сущность, в которой интегрированы содержание текста и условия осуществления речевого акта коммуникации. Этап понимания содержания текста должен завершаться этапом осмысления понятого в условиях определенной речевой ситуации. На этапе *понимания смысла* работа сознания адресата, который должен соотнести содержание текста с неречевой целью адресанта, целиком перемещается в область чувственного сознания — содержание текста *узнается*, смысл *переживается*. Только в этом случае адресат сможет понять не только *что* и *как* сказано, но и *для чего* сказано. Успех или неуспех этого этапа речемыслительной деятельности зависит от любого из элементов суперсистемы акта речевой коммуникации: адресата, адресанта, текста, речевой ситуации, предмета речи.

Однако в любом случае текст является основным (а иногда и единственным) каналом информации, извлекая которую адресат может начать реконструировать в своем сознании мысли адресанта. Поэтому для переводчика необходимо уметь извлекать всю коммуникативно значимую информацию, которую несут в данном тексте его материальные и имплицитные элементы, так как без этого фундамента его дальнейшая деятельность не гарантирована от серьезных ошибок.

В разделе 1.5. был также рассмотрен еще один вопрос, понимание которого (сознательное или интуитивное) обязательно для переводчика связного текста. Это вопрос о некоторых функциональных качествах текста, которые имеют национальную специфику в текстах на двух контактирующих языках.

Функциональные качества (категории) текста — одно из внешних проявлений системности текста наряду с единой тематической организацией текста и взаимосвязями лексикосемантических единиц текста. Высшим качеством текста является его

коммуникативность, благодаря которой текст обеспечивает сопряженную речемыслительную деятельность адресанта и адресата в условиях определенной речевой ситуации. Частными качествами текста являются такие качества, как связность и слитность, информативность : неинформативность, слитность : дискретность, ретроспекция : проспекция, ритм, художественность : нехудожественность, образность : необразность, обобщенность : конкретность и т. п., а также такие системно-языковые качества, как предикативность : номинативность, модальность, поссесивность, каузативность, темпоральность, признаковость, определенность : неопределенность и т. п.

Практика перевода показывает, что большинство качеств текста оригинала уже воспроизводится в том случае, если переводчик корректно интерпретирует и адекватно кодирует элементы системы текста, поскольку многие составляющие текстовой семантики относятся к понятиям межъязыковых универсалий. Однако некоторые частные качества арабского текста имеют настолько ярко выраженный национальный характер, что требуют к себе особого внимания со стороны переводчика. Адекватный перевод текста не может быть осуществлен без адекватности системных качеств исходного текста. Поэтому национально маркированные системные качества арабского текста будут рассмотрены ниже подробнее. Такими функциональными качествами являются по меньшей мере такие качества, как связность и цельность, темпоральность, признаковость и образность.

Б. Связность и цельность арабского текста

Средства оформления связности и цельности в арабском тексте: способы кореферентности, особенно-сти союзного соединения, «мозаичный синтаксис».

Понятие грамматики широкого контекста.

Связность и цельность — главные свойства текста, которые отличают текст от простого набора высказываний. Они достига-

ются единым назначением текста, тематической и функционально-стилистической однородностью, взаимосвязью компонентов текста, системно-коммуникативной обусловленностью его номинативных единиц. По этим характеристикам арабский текст не отличается от русского текста. Национальная специфичность проявляется в языковых средствах, с помощью которых в арабском тексте обеспечивается **тематическая однородность и взаимосвязь компонентов текста.**

А. Тематическая однородность текста. В любом языке тематическая связность двух языковых синтаксических структур достигается упоминанием в каждой из них одного и того же внеязыкового объекта или ситуации, т. е. имеют один и тот же референт. Такое явление называется **корреферентностью**. Отношения корреферентности могут устанавливаться между различными языковыми и речевыми единицами номинативного характера (*Письмо Татьяны предо мною, его я свято берегу; Она вышивала воротник мужской сорочки. Работа была срочной*). Correферентность может устанавливаться и с подразумеваемым референтом, например: *Был ограблен банк. Грабителям удалось скрыться.*

В тексте отношения корреферентности устанавливаются таким образом, чтобы обеспечить связность высказываний в рамках одного абзаца и связность абзацев в рамках всего текста. Национальная специфичность этого универсального свойства текста обнаруживается в предпочтениях, которые оказываются тем или иным способом выражения корреферентности в конкретном языке.

Приемы установления корреферентности в арабском тексте, которые требуют особого внимания со стороны переводчика ввиду их национального отличия (речевого или языкового), включают: 1) **предпочтительное простое повторение слова**, 2) **использование определенного артикля** и 3) **использование морфологосинтаксических признаков.**

1. Предпочтительное простое повторение слова. В арабском тексте корреферентность очень часто устанавливается благодаря простому повторению того номинанта, который был избран для обозначения объекта действительности при первом появле-

нии этого обозначения в тексте. Для русского адресата подобная форма кореферентности воспринимается как нарушение стилистической нормы, так как он привык, что в русском тексте предпочтение отдается приему изменения первичного номинанта (Пушкин, автор «Евгения Онегина», Александр Сергеевич и т. п.). Чтобы сохранить при переводе русскую стилистическую норму, переводчику приходится прибегать к различным переводческим трансформациям, простейшими из которых являются замена или объединение высказываний. Например, повторяющийся кореферентный глагол قال — *говорить, сказать* в рамках текста может получить в качестве русского соответствия такие глаголы, как *сказал, произнес, повторил, добавил, прошептал* и т. п.

2. Использование определенного артикля. Понятие определенности для выражения кореферентности используется как в арабском тексте, так и в русском тексте. Однако то, что русский язык принадлежит к безартиклевым языкам, а арабский — к артиклевым, приводит к тому, что начинающий переводчик не сразу привыкает определять функцию артиклей в арабском тексте и не сразу приобретает автоматизм адекватной перекодировки категории определенности//неопределенности при переводе текста. Это проявляется и в том случае, когда определенный артикль используется в арабском тексте как средство кореферентности.

Для арабского текста привычным правилом установления кореференции является употребление неопределенного артикля при первом упоминании референта и определенного артикля при повторном появлении этого номинанта в тексте. В русском тексте эту функцию могут выполнять:

- указательное местоимение (Было опубликовано коммюнике... . В этом коммюнике говорится... .);
- соответствующее личное местоимение (Было опубликовано коммюнике... . В нем говорится... .);
- порядок слов (Было опубликовано коммюнике по итогам переговоров. Коммюнике касается... .).

3. Использование морфолого-синтаксических признаков. Выше уже упоминались понятия грамматического (السياق اللفظي)

и смыслового контекста (*السياق المعنوي*), которые встречаются в трудах средневековых арабских лингвистов. В трудах современных арабских лингвистов термином *السياق* обозначается понятие *контекст* в широком смысле этого слова. Что же касается точности организации высказывания, то используются термины *القرائن اللفظية*¹ (букв.: словесные признаки) — уточнение смысла через грамматические формы слов, составляющих высказывание, и *القرائن المعنوية* (букв.: смысловые признаки) — уточнение смысла высказывания через отсылку к существенным характеристикам внеязыковых денотатов, обозначенных словами, составляющими высказывание. Так, в предложении *خرق الثوب المسمار* — *Эту одежду порвал гвоздь* нарушенный порядок глагольного предложения (P — O — S вместо P — S — O), отсутствие в неогласованном тексте эксплицитного выражения падежных флексий, определенное состояние обоих имен не позволяют правильно определить синтаксические функции словоформ *الثوب* и *المسمار* на формальном уровне *القرائن اللفظية* (грамматического контекста).

Они могут быть определены только через анализ реальной ситуации, в которой только гвоздь, а не одежда может осуществить действие — *сделать дыру, отверстие*. Как утверждает известный египетский лингвист Таммам Хассан, арабская грамматика требует обязательного присутствия признаков обоих видов, причем смысловые признаки, как бы они ни были значимы, не могут играть самостоятельную роль.

Другими словами, арабская грамматика закрепляет приоритет грамматики. Строя фразу, арабский адресант не допускает, например, чтобы и субъект, и объект были выражены именами одного грамматического рода, если один из них имеет при себе определительное придаточное предложение, следующее непосредственно за определяемым словом. Этот принцип, сохраняющийся и для других членов предложения при построении

¹ تمام حسان — القرائن النحوية — "اللسان العربي", الرباط, 1964, ص. 41.

текста, требует от переводчика постоянного внимания к морфологическим признакам, так как в некоторых случаях только они сохраняют кореферентность текста.

Б. Взаимосвязь компонентов текста. Связь между отдельными высказываниями текста может отличаться 1) по степени ее эксплицитности или имплицитности и 2) по степени семантической четкости типа связи. В обоих случаях мы находим существенные различия между арабским и русским текстами.

1. В арабском тексте **присутствие эксплицитно выраженной союзной связи отмечено исключительным постоянством.** Союзная связь употребляется не только между предложениями внутри абзаца, но и между абзацами. Так, в информационном и публицистическом тексте каждый абзац, начиная со второго, обычно имеет препозиционный союз. «Перенасыщенность» арабского текста союзами отмечают многие исследователи. Например, по данным Б. А. Шитова, насыщенность союзами письменных монологических текстов арабского языка в несколько раз выше, чем насыщенность союзами аналогичных русских текстов¹. Не случайно некоторые арабские лингвисты называют свой язык «языком союзного соединения».

Формальное сохранение избыточной союзной связи при переводе арабского текста нарушает современную синтаксическую норму русского языка, придавая русскому тексту стилистику перевода «Тысячи и одной ночи» («И наступило утро, и прекратила Шехерезада дозволенные речи»).

2. Но, с другой стороны, **использование союзов в арабском тексте**, как уже отмечалось в предыдущей лекции, *зачастую только фиксирует наличие связи, но не конкретизирует ее семантику* с той степенью конкретизации, которая является достаточной или привычной для русского адресата. Тем самым создается то, что можно назвать «**мозаичным синтаксисом**», когда отдельные части текста просто сопологаются, но для понимания

¹ Шитов Б. А. Указ. соч. С. 11.

логики их соположения от переводчика требуются дополнительные аналитические усилия. Проиллюстрируем это на следующих примерах:

- 1) سؤال: الى أي حد غيرته المائة يوم التي أصبح فيها رئيساً؟
 جواب: بكل الأمان أستطيع أن أؤكد أن شخصيته لم تتغير وهو قائد قوات جوية عما هو نائب رئيس عما أصبح رئيساً.

(Букв.: Вопрос: До какой границы переменяли его сто дней, которые стал он в них президентом?)

Ответ: Со всей честностью могу /я/ сказать, чтобы утверждаю /я/, что личность его не изменилась, и он командующий силами воздушными от того, что он заместитель президента, от того, что стал /он/ президентом.)

Вопрос: Насколько он переменялся за 100 дней своего президентства?

Ответ: Если говорить абсолютно честно, то могу Вас уверить, что он несколько не переменялся. Каким он был, будучи командующим ВВС или вице-президентом, таким же он и остался, став президентом.

- 2) و يقضي الأمر على أطرش بالحضور يوميا في مركز البوليس لإثبات وجوده وظهر على الأمر توقيع قائد المنطقة الشمالية الجنرال أوري أور و يمنع الأمر هذا الطالب من مواصلة دراسته في الجامعة خاصة وأن الامتحانات على الأبواب.

(Букв.: И присуждает приказ на Атраша с присутствием ежедневно к центру полиции для утверждения наличия его, и появилась на этом приказе подпись командира округа северного генерала Ури Ура, и запрещает этот приказ этому сту-

денту из продолжения обучения его в университете, особенно и поистине, экзамены на дверях.)

Этим приказом, под которым стоит подпись генерала Ури Ура, командующего северным округом, студенту Атрашу предписывается ежедневно являться для отметки в полицейское управление, а также запрещается посещать занятия в университете. Последнее имеет особое значение, учитывая, что в университете вот-вот начнутся экзамены.

- 3) *و أثناء الأفراح التي اشتعلت هذه الأيام في كل مكان
من دمشق شدني الحنين الى دمشق العتيقة أنا... دمشق
الهائلة عادة و الراقدة بصمت و توادع.*

(Букв: И во время радостей, которые горели этими днями в каждом месте Дамаска, потянула меня печаль к Дамаску древнему я... Дамаску моему спокойному обычно и лежащему с молчанием и скромностью.)

Из-за шумного ликования, бурлящего в эти дни по всему городу, меня обуяла печаль по старому спокойному Дамаску моих дней, мирно лежащему в своих тихих улицах.

Приведенные примеры взяты из различных типов текста, что отражает межстилистическую природу мозаичного синтаксиса современного АЛЯ. При этом следует отметить, что если в этих примерах присутствуют хотя бы намекающие словоформы, которые позволяют русскому переводчику домыслить намек и перекодировать его в эксплицитно оформленное разъяснение семантического типа связи между частями текста, то в ряде случаев арабский адресант обходится даже без таких намеков.

Подобная недостаточная семантическая конкретность связующих языковых знаков в арабском тексте свидетельствует о присутствии в нем элементов так называемой «грамматики широкого контекста». Грамматика широкого контекста отмечается в исторической лингвистике для многих языков как уровень, при

котором выражение мысли еще не было обеспечено четкой языковой формой, но подчинялось живости впечатления и свойствам разговорной речи. Очевидно, что необходимые условия для социализации подобных синтаксических форм и их сохранения в современном арабском тексте создаются благодаря тому, что арабские коммуниканты привыкли оперировать в своей речемыслительной деятельности крупными смысловыми блоками с постоянным участием творческого воображения. Другими словами, это явление связано с теми особенностями вербального мышления, которые мы отмечали, говоря о своеобразии арабских механизмов номинации и референциации. Именно благодаря этой привычности арабский адресат «соглашается» держать в уме широкий контекст, который позволяет ему интерпретировать интенциональный смысл текста, несмотря на, казалось бы, недостаточную семантическую точность. Что касается русского переводчика, то для него подобная взаимосвязь компонентов текста создает трудности восприятия, а при перекодировании требует специальных умений и навыков, чтобы принять решения, которые обеспечили бы связность и цельность текста перевода по параметрам полноты и точности, привычным для русского адресата.

В. Темпоральное качество арабского текста

Факторы, формирующие темпоральное качество текста. Реальное и авторское время. Роль арабского глагола в формировании темпорального качества текста. Таксис. «Плоскостной» синтаксис арабского текста.

Одним из основных обязательно присутствующих качеств текста является **темпоральное качество**. Темпоральным качеством текста называется *полнота и точность выражения временных (темпоральных) признаков ситуации*.

Трудно переоценить те трудности, с которыми сталкивается переводчик, когда речь идет о том, как обеспечить корректную перекодировку темпорального качества в переводе. Это объясняется тем, что в формировании темпорального качества текста наглядно проявляются связи, существующие в коммуникативной речевой деятельности между многомерными и разносущностными факторами:

- а) миром действительности,
- б) уровнем развития отражательных и когнитивных способностей языкового коллектива с учетом его уровня знаний об окружающей действительности,
- в) особенностями вербального мышления,
- г) языковой системой,
- д) литературной традицией,
- е) неоднородностью времени в тексте.

Данное обстоятельство предполагает, что переводчик должен обладать не только значительным объемом сопоставительных знаний языкового и неязыкового характера, но и большими аналитическими способностями. Естественно, что темпоральное качество разноязычных текстов различается тем больше, чем больше лингвосоциокультурных отличий обнаруживается между сравниваемыми языками.

Рассмотрим некоторые из факторов, которые определяют основные различия темпорального качества арабского текста по сравнению с темпоральным качеством русского текста.

Начнем с последнего фактора из факторов, перечисленных выше, — неоднородности времени в тексте. С одной стороны, в тексте отражается время, когда происходило описываемое в тексте событие (**реальное время**), а с другой стороны, время, в котором находился автор текста, повествуя об этом событии (**авторское время**).

Реальное время может быть обозначено *прямо* или *опосредованно*. Примером прямого обозначения реального времени является сообщение типа: **افتتحت قناة السويس في سنة 1869**. — *Суэцкий канал был открыт в 1869 году*. Примером опосредованного выражения реального времени является сообщение о собы-

тии через упоминание другого события, которое произошло в то же самое реальное время:

افتتحت قناة السويس سنة عزف فيها ويردي أوبراه "أييدا"
لأول مرة.

— Суэцкий канал был открыт в год первого исполнения оперы Верди «Аида». Для переводчика необходимо установить точное реальное время независимо от его прямого или опосредованного обозначения в тексте.

Авторское время может быть *реальным* и/или *виртуальным*. Реальным авторским временем является время, в котором реально находился автор, рассказывая о событии. Например, в высказывании *وصلت أمس إلى القاهرة* — Я приехал в Каир вчера адресант находится в актуальном для него настоящем времени и рассказывает о том, что он сделал вчера. Однако, рассказывая о событиях, адресант может свободно изменять свое *виртуальное* время на оси развития событий. Так, в высказывании

وصلت أمس القاهرة و إذا بي انتظارهم وصولي لا إلا غدا

— Я приехал в Каир вчера и тут узнаю, что они меня ждут только завтра — адресант виртуально перемещает себя в предшествующий день и ведет повествование так, как если бы он реально находился в этом времени.

Неоднородность времени в тексте — явление интернациональное, и оно в равной степени характерно как для арабского текста, так и для русского текста. Национальную специфику получает языковое выражение, в котором играют роль и арсенал языковых форм, и особенности вербального мышления. В частности, предпочтения, которые носители языка отдают эксплицитности или имплицитности выражения времени и точности или неточности темпорального значения.

Рассмотрим **средства выражения темпоральных значений в арабском тексте**. С формальной стороны арсенал языковых средств, используемых для выражения темпоральных значений АЛЯ, не отличается от арсенала темпоральных языковых средств

русского языка. В обоих языках для передачи временных значений используются **глагол, наречие, имя с предлогом и таксис** (временные отношения между действиями в рамках описываемой ситуации). Однако между разноязычными одноименными средствами существуют значительные различия. Прежде всего это касается глагола и таксиса.

Темпоральное значение арабского глагола рассматривалось в разделе 3.Д. Там говорилось о том, что в арабском глаголе отражаются темпоральные представления, характерные для древнего и средневекового общества: цикличность — с двумя основными признаками цикличности — предшествование и целостность. Кроме того, в финитных формах арабского глагола сохраняется достаточно сильное значение модальности, а, как известно, аспектуальные функции исторически предшествовали выражению темпоральности. Тем самым темпоральная роль арабского глагола в тексте объективно оказывается слабее темпоральной роли в тексте русского глагола. Особенно ярко ослабленность арабского глагола и повышенная темпоральная роль номинативных знаков проявляется в описательных текстах, менее ярко — в повествовательных текстах.

Таксис характеризует временные отношения между сообщаемыми фактами по параметрам *одновременности/неодновременности, соотношения главного и сопутствующего действия, прерывания* и пр. Таксис может быть выражен различными (морфологическими, синтаксическими, морфолого-синтаксическими, лексическими) средствами, которые образуют функционально-семантическое поле, пересекающее поля темпоральности и аспектуальности. Как в русском языке, так и в арабском языке таксис представляет собой функционально-семантическое поле с полицентрической структурой независимого и зависимого таксиса.

Средства выражения таксиса в арабском языке были рассмотрены в разделе 3.Д. Там же отмечалось, что одни и те же языковые средства могут выражать как одновременность, так и разновременность событий в рамках одной ситуации.

Анализируя все сказанное выше, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, оформление темпорального качества в арабском тексте национально маркировано, что в первую очередь связано со слабостью темпоральных значений арабского глагола и особыми средствами таксиса.

Во-вторых, благодаря видо-временной категориальной точности русского глагола и отглагольных форм выражение темпоральности в русском тексте находится в сфере *обязательного*, тогда как в арабском тексте из-за архаики и семантической размытости темпоральных значений глагола и многих средств таксиса выражение темпоральности находится в сфере *коммуникативно обусловленного*. Полнота временных признаков, выделяемых в арабском тексте, регулярно оказывается недостаточной для переводчика, который, используя в качестве соответствия русский глагол или деепричастие, не может не употребить видо-временной формы в существующей оппозиции этих форм.

В-третьих, архаика многих арабских языковых средств, передающих темпоральные значения, создает в тексте отсутствие той синтаксической перспективы, которая выработалась в русском тексте в результате длительного развития языковых форм в сторону большей дифференциации и точности. Такое отсутствие перспективы, «плоскостной синтаксис», который особенно характерен для текстов повествовательного характера, порождает у русского адресата такое же странное впечатление, какое порождает живопись примитивистов (например, картины Пироманишвили) у человека, чей художественный вкус воспитан исключительно на образцах академической школы изобразительного искусства. В качестве иллюстрации приведем лишь один пример:

تعرض زعيم الحزب السوري القومي في عكار لمحاولة
اعتداء وتفا صيل الحادث انه في ليل 16 – 17 الجاري
أقدم
ثلاثة مسلحين على إطلاق النار على منزل لسيد محمود الحسن
القائم في تكريت فرد الحرس على المهاجمين و أسفر الحادث

عن مقتل أحد المهاجمين و اعتقال آخر فرد ثالث و باشرت قوى الأمن التحقيق بالحادث.

(Букв.: Подвергся руководитель партии сирийской национальной в Акаре попытке нападения, и подробности этого несчастного случая, поистине, это в ночь 17–18 текущую отважились трое вооруженных на открытие огня на дом Махмуда аль-Хасана, находящийся в Тикрите, и ответила охрана на нападавших, и закончился /этот/ несчастный случай убийством одного нападавшего и арестом другого, и убежал третий, и начали силы безопасности расследование /этого/ несчастного случая.)

Совершено нападение на руководителя отделения Сирийской национальной партии в Акаре господина Махмуда аль-Хасана. Обстоятельства инцидента таковы. В ночь с 17-го на 18-е число нынешнего месяца трое вооруженных людей открыли огонь по дому господина Махмуда в Тикрите. Ответным огнем вступивших в перестрелку охранников один из нападавших был убит и один ранен. Третьему удалось скрыться. В настоящее время полицией начато расследование.

Отсутствие синтаксической перспективы в арабском тексте создается за счет шестикратно повторенной перфектной формы глаголов, а также из-за пятикратно повторенного соединительного союза **و**. В русском переводе, напротив, отмечено разнообразие форм предикатов — краткое причастие; глагол в прошедшем времени; аналитическая форма выражения прошедшего времени, состоящая из перфектной формы глагола *быть* и кратких причастий; глагольные словосочетания, состоящие из глагола прошедшего времени и инфинитива в одном случае и глагола прошедшего времени и краткого причастия в другом. Перспективу создают также деление текста на интонационно оформленные самостоятельные предложения и вариативность порядка слов.

Можно предположить, что плоскостной синтаксис, так же как и мозаичный синтаксис, является отражением «грамматики широкого контекста», о которой говорилось в предыдущем разделе.

Нетрудно заметить, что переводчику, работающему с арабским текстом, приходится приложить значительные усилия для правильного понимания содержащихся в нем темпоральных значений, для чего он должен не только отлично знать грамматику АЛЯ, но и с пристальным вниманием следить за смысловым контекстом. Не меньшие, если не большие усилия ему потребуется приложить и при создании текста перевода, темпоральное качество которого не должно нарушать принятой нормы полноты и точности передачи этого качества, принятой в русском тексте.

Г. Эмоционально-оценочное качество арабского текста

Формы оценки. Виды оценки. Логика оценки

Эмоционально-оценочное качество текста есть та семантическая данность, которая дополняет предметно-понятийное содержание и позволяет адресату осознать отношение адресанта к содержанию текста.

Оценочная деятельность есть одна из четырех форм работы сознания наряду с формой получения знания о природе явлений действительности, формой актуального воздействия на действительность и формой регулирования деятельностью. В оценочной деятельности индивидуума отражаются, с одной стороны, общая, социально востребуемая языковым коллективом логика привычных оценок и, с другой стороны, его собственные, индивидуально предпочтительные оценки. Степень соотношения общего и индивидуального варьируется, однако правилом является значительное превышение общего начала над индивидуальным началом. Оценивая, человек опирается на ресурсы *языка*, который обеспечивает его материалом для формирования оценок в виде специальных средств языка, имеющих оценочное значение, и на типо-

вые оценки, характерные для данной лингвокультурной общности людей и закреплённые в *дискурсе*, который был усвоен индивидуумом в его прежнем опыте. Можно предположить, что именно оценочная область сознания человека в наибольшей степени нивелируется социально; в своих оценках индивидуум довольно жестко детерминирован характером национального сознания, мышления и нравственных ценностей, которые сформировали его менталитет в процессе совместной коммуникативной деятельности с другими членами данного языкового коллектива. Поэтому исследование национальных особенностей оценок, проведенное методом контент-анализа, имеет большое значение для выявления особенностей иностранного менталитета. И, как свидетельствует переводческая практика, именно чужеродность оценочной деятельности сознания нарушает межъязыковую коммуникацию чаще, чем чужеродность других форм сознания.

Если идти в направлении от языкового выражения оценки и семантики языковых форм к мышлению («языку мозга»), то в эмоционально-оценочном качестве текста (далее — ЭОКТ) можно выделить: *формы* оценки, *виды* оценки и *логику* оценки.

Формы оценки представляют собой те оценочные формы, которыми располагает язык. В номенклатуру оценочных форм для различных языков входят суффиксы субъективной оценки, осознаваемая внутренняя форма слова, звукоподражания, экспрессивно окрашенные слова, фразеологизмы, эмоционально окрашенные синтаксические структуры и т. д. При значительной схожести этих форм в сопоставляемых парах языков переводческое сопоставление текстов обнаруживает значительное расхождение в частотности употребления отдельных форм. Ниже в виде таблицы приводятся данные по сопоставительной частотности нескольких форм оценки, которые встречаются в арабском и русском текстах. Частотность определена по шкале семи приближительных величин: 1) часто; 2) редко; 3) очень часто; 4) очень редко; 5) исключительно часто; 6) исключительно редко; 7) не употребляется.

№	Форма оценки	ААЛЯ	РРЯ	Примеры
1	Суффиксы субъективной оценки	6	5	كتيبة — книжечка; домишко — منزل صغير جدا (букв.: очень маленький дом)
2	Редупликация в словообразовании	3	7	ضرب — избить; شرير — очень злой, злющий; злыдень
3	Редупликация корня в рамках словосочетания	1	2	الرجل بعيد عنا كل البعد — У нас нет ничего общего с этим человеком (букв.: Этот человек далек от нас всей далькостью); поедом есть — وجه إليه الشتائم والسباب (букв.: Направлять на него ругательства и брань)
4	Повтор оценочного слова	1	2	ورود كثيرة كثيرة — охапка роз (букв.: розы многие многие); Эх, раз и еще раз, еще много-много раз! — فلتكرر مرارا تكرارا (букв.: Давайте повторим много раз много раз!)
5	Копулятивное сочетание синонимов	5	2	أفلام الرعب والخوف — триллеры, фильмы ужасов (букв.: фильмы ужаса и страха)
6	Фразеологизмы	3	3	صدرى طاهر! — У меня и в мыслях такого не было! (букв.: Моя грудь чиста!)

Окончание таблицы

№	Форма оценки	ААЛЯ	РРЯ	Примеры
				Делать из мухи слона — عمل من الحبة القبة
7	Осознаваемая внутренняя форма слова	5	4	تكالب — бешено гоняться за чем-л., рыскать в поисках чего-л. (отыменный глагол от كلب — собака и итеративное значение словообразовательной модели); колоссальный успех — نجاح ناجح (букв.: успешный успех)
8	Экспрессивно окрашенные слова	1	1	عنيف — (передает понятие интенсива без коннотации по шкале хорошо : плохо): ضحك عنيف — хохот; معركة عنيفة — ожесточенная схватка; бредовый проект — مشروع غير معقول (букв.: неразумный проект)
9	Эмоционально окрашенные слова	4	5	أشاد به — отметить кого-л. с хорошей стороны; безалаберный — عديم المبالاة (букв.: невнимательный, равнодушный, несерьезный)

Как видно из таблицы, абсолютное большинство форм оценки — восемь из девяти — в арабском и русском языках совпадают. Причем даже при отсутствии в русском языке формы фонетической редукации, этой древнейшей формы выражения экспрессии, встречается похожая форма, но уже не на уровне языка, а на уровне речи: *Смир-р-рно!*, *Как до-о-олго!*

Но из той же таблицы видно, что в абсолютном большинстве — семь из девяти — *частотность этих языковых форм не совпадает*. Исключение составили только пункты 6) (фразеологизмы) и 8) (экспрессивно окрашенные слова). Однако и в пункте 8) нет полного совпадения по качеству оценки, так как в русском тексте экспрессивная оценка часто сопровождается эмоциональной оценкой, тогда как в арабском тексте в большинстве случаев эмоциональная оценка определяется при переводе на русский язык только по контексту.

Наиболее частотными языковыми формами оценки для арабского текста являются формы из пунктов 5) (копулятивное сочетание синонимов) и 7) (осознаваемая внутренняя форма слова). При этом необходимо отметить, что эти формы имеют существенное различие в выражении оценки по параметру эксплицитности // имплицитности. Так, в пункте 5) экспрессия выражается эксплицитно (две словоформы), а эмоциональная оценка — имплицитно (значение словоформы). Что касается пункта 7), то оценка имплицитированно содержится в инварианте корня, этом мысленном конструкте, который объединяет производные слова данного корня и связан в абсолютном большинстве случаев с номинацией исходного *материального* денотата. Чтобы понять передаваемую оценку, следует также знать значение словообразовательной модели, а в ряде случаев и иметь представление о тех языковых и неязыковых аллюзиях, которые может вызывать это слово в сознании арабифона.

Большинству форм оценки в арабском языке — 2) (редупликация в словообразовании), 3) (редупликация корня в рамках словосочетания), 4) (повтор оценочного слова) и 5) (копулятивное сочетание синонимов) — свойственен единый строевой принцип — *принцип повтора*. С той лишь разницей, что повторяется либо морфема — 2), либо слово — 4) и 3), либо понятие — 5). Благодаря этому принципу оценка имеет четкую знаковую экспликацию своего присутствия.

Наиболее частотными языковыми формами оценки в русском языке являются формы из пунктов 9) (эмоционально окрашенные слова), 8) (экспрессивно окрашенные слова) и 1) (суффиксы субъективной оценки).

Наиболее контрастными языковыми формами оценки в арабском и русском языках являются формы из пунктов 2) (редупликация в словообразовании), 9) (эмоционально окрашенные слова), 5) (копулятивное сочетание синонимов), 7) (осознаваемая внутренняя форма слова) и 1) (суффиксы субъективной оценки). Контрастность может быть связана как со структурой формы, так и со степенью зависимости характера оценки от контекста употребления формы. Например, русские слова с уменьшительными суффиксами могут выполнять в тексте различные функции:

- уменьшительности (*домик, тетрадочка*),
- усилительности со значением «слишком» (*добренький Буратино*),
- экстраординарности (*Ну и дождичек!*),
- положительной оценки (*уменькие глазки*),
- отрицательной оценки (*прилизанные волосики*) и пр.

Сопоставительное знание форм оценки должно входить в языковую компетенцию переводчика. Понимание основного принципа знаковой выраженности оценки (*повтора*) и знание особенности номинации (*прозрачность этимологии*) обеспечивают относительную легкость восприятия этой стороны ЭОКТ в арабском тексте. Гораздо сложнее усвоить национальные особенности видов оценки.

Виды оценки различаются по основанию *прямого* и *опосредованного* выражения оценки.

К *прямым оценкам* относятся оценки типа *Мне это нравится* или *Я очень огорчен*.

К *опосредованным оценкам* относятся оценки-сравнения (*Она поет как соловей*) или скрытые оценки, т. е. оценки, выраженные в такой форме, для точного истолкования смысла которой необходим широкий социокультурный контекст, учет референтной ситуации и ситуации конкретного акта речевого общения. Например, выражение *Вы бы отдохнули!* может быть истолковано в разных условиях и как прямое пожелание (волеизъявительное значение), и как отрицательная оценка внешнего вида адресата с вы-

ражением сочувствия, и как саркастическая оценка каких-либо надоевших действий адресата и пр.

Нынешнее состояние научного знания дает достаточное основание утверждать, что арабофоны предпочитают прямые оценки **يعجبني ذلك** — *Мне это нравится!* и оценки-сравнения **وهجم عليه كالوحش** — *Он в бешенстве набросился на него* (букв.: И набросился он на него как зверь).

Обычно арабские прямые оценки переводятся русскими прямыми оценками. Однако следует обратить внимание на то, что прямые оценки, которые встречаются в арабских текстах, оформляются в соответствии с системой арабского синтаксиса и, следовательно, должны переводиться с необходимыми грамматическими трансформациями. Частой грамматической трансформацией является свертывание «избыточной» двучленной предикативной конструкции с одушевленным лицом в роли подлежащего. В переводе возможны два варианта: 1) замена личного подлежащего неопределенно-личным подлежащим или 2) использование неполного безличного предложения. Например, арабское предложение **و لا يستطيع أحد أن ينكر ذلك!** (букв.: И не может один, чтобы отрицать это) может быть переведено или как *Этого нельзя отрицать!* (1), или как *Конечно!* (2).

В арабских оценках-сравнениях обращают на себя внимание два момента: 1) с чем или с кем арабский адресант чаще всего проводит сравнение и 2) почему арабофон, давая оценку, предпочитает именно сравнение.

Что касается первого вопроса, то анализ арабского дискурса делает ответ на него достаточно очевидным. Материалом для сравнения чаще всего являются:

- материальные объекты и идеальные концепты, связанные со средой обитания (*верблюды* **جمال**, *муравей* **نملة**, *зернов* **رحى**, *оазис* **واحة** и т. п.),
- объекты, имевшие особое значение для жизнеобеспечения в бедуинском арабском обществе (*веревка* **حبل**, *огонь* **نار**),
- части человеческого тела (*глаз* **عين**, *рука* **يد**, *нога* **رجل**, *печень* **كبد**, *голова* **رأس**, *ступня* **قدم**),

- явления метаязыкового характера (язык *لغة*, почерк *خط*, точки *نقط*).

Ответить на второй вопрос гораздо сложнее, поскольку он связан с определением сущностных различий в характере национального мышления. Русское мышление носит более рациональный характер, арабское сохраняет черты метафорического, которое предпочитает выделение общего признака объекта без достаточной четкости идентификации выделяемого признака. Эту особенность мы уже отмечали, когда речь шла о системах номинации и референции в арабском языке и арабском тексте. В арабском слове, сохраняющем прозрачность этимологии, оценочная сема восходит к сущностной многомерности физического денотата, поэтому признак одновременно обладает и однозначностью (связан с одним конкретным денотатом), и расплывчатостью (денотат может характеризоваться по многим различным своим качествам). Такой характер мышления, закрепленный в языковых знаках, не может не влиять на деятельность оценочной области сознания арабофонов и на речевое конструирование ЭОКТ. Кроме того, как уже упоминалось в разделе номинации, арабы и русские могут выделять неодинаковые оценочные признаки у одного и того же денотата. Например, сравнивая женщину с коровой, арабы хвалят тем самым *выносливость*, а следовательно, *полезность* женщины в быту. В русском языке такое качество скрывается, например, за поэтической строкой «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», а в корове в качестве главного признака выделяется *неуклюжесть*, что исключает возможность использовать сравнение женщины с коровой как комплимент. В собаке арабы при сравнении выделяют *злость*, *нечистоплотность*, русские — *преданность*. Сравнивая лицо женщины с полной луной, арабы подчеркивают *красоту женского лица*, у нас такое сравнение скорее вызывает противоположное чувство. Примеры можно продолжить.

Эти особенности создают для переводчика трудности как на этапе понимания арабского текста, так и — особенно — на этапе создания текста перевода.

Если точный перевод арабской оценки-сравнения оказывается невозможным, то переводчик может использовать известные приемы трансформаций. Так, он может заменить оценку-сравнение собственно оценочным словом или оборотом, более эксплицитно выражающим реальную ситуацию. Например:

و إذا بالاستاذ عبد الرحمن يرمي بكتاب كان يقرأه و صاح
كبركان.

(Букв.: И вдруг профессор Абд ар-Рахман бросил книгу, которую он читал, и крикнул мне как вулкан.)

И тут неожиданно профессор Абдарахман отшвырнул книгу и возмущенно закричал.

Другой пример:

و هجم عليه كالوحش ففر الرجل من الإدارة كالنملة.

(Букв.: И набросился он на него как зверь, и побежал этот человек из управления как муравей.)

Он бросился на коллегу, но тот опрометью выскочил из комнаты.

Широко применяется и прием «компенсации потерь», если образность является непременным атрибутом данного функционального стиля текста, например, при переводе произведений художественной литературы.

Перевод арабских оценок-сравнений достаточно сложен даже для опытного переводчика.

Логика оценки — компонент ЭОКТ, который связан с межкультурными различиями восприятия ситуации. Различия проявляются в том, как воспринимаются компоненты эмоциональной ситуации, какие из них акцентируются, а какие игнорируются. Логика оценки отражает когнитивные качества человека, его мироощущение, его настроение и самочувствие, его

поведенческие предпочтения, его умение учитывать ролевые взаимоотношения с другим участником речевой коммуникации. Таким образом, если формы оценки относятся к языковой системе, виды оценки — к речи, то, говоря о логике оценки, мы оказываемся в области психолингвистики и лингвострановедения.

В логике оценки в переводоведческом отношении важны две стороны: *эмоциональная реакция на внешний фактор* и *знаковая выраженность оценки*.

Одна и та же ситуация может вызывать разнообразные эмоциональные реакции у человека. У коммуникантов в логике оценочной деятельности возможны случаи *полного совпадения* реакций (один и тот же анекдот вызывает смех), *частичного совпадения* (неудержимый хохот у одного и легкую улыбку у другого) и *полного несовпадения* (неудержимый хохот у одного и скрытое возмущение у другого).

Как эмоциональная реакция на внешний фактор, так и стремление выразить оценку, обнаружить свои эмоции могут носить национальный характер (английская сдержанность, латиноамериканская необузданность знакового выражения чувств и т. п.), но могут быть характерной чертой отдельного индивидуума.

Для переводчика важность понимания логики оценки арабского адресанта трудно переоценить. Это особенно касается прямых переводческих контактов. Как пишет В. Э. Шагаль, «арабы и их западные партнеры иногда совершенно по-разному подходят к одному и тому же заявлению или декларации. Парадоксально, но это факт, что один и тот же документ они нередко оценивают таким образом, что может показаться, будто речь идет о совершенно разных явлениях и событиях»¹.

Знание национальных особенностей арабской логики оценки есть обязательная составная часть переводческой компетенции, и на приобретение этого знания должны быть направлены постоянные усилия переводчика.

¹ Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания. М.: ИВ РАН, 2001. С. 100.

Д. Стилистическое качество арабского текста

Понятие стиля. Влияние языковой ситуации на стилистическую стратификацию арабского языка; переводческое сопоставление функциональных стилей в арабском и русском дискурсе; способ исполнения (выбор и композиция языковых средств) некоторых конкретных типов речевых актов в арабском дискурсе; основные трудности переводчика при решении стилистических проблем.

Связность и цельность как главные свойства текста, которые отличают его от простого набора высказываний, достигаются единым назначением текста, тематической и функционально-стилистической однородностью, взаимосвязью компонентов текста и системно-коммуникативной обусловленностью его номинативных единиц. Высшим проявлением связности и цельности текста является его стилистическая связность и цельность.

Словом **стиль** (от латинского *stilus, stilys* — *остроконечная палочка для письма, манера письма*) в языкознании обозначаются пять понятий.

Во-первых, стилем называется разновидность языка, закрепленная в данном обществе традицией за одной из наиболее общих **сфер социальной жизни** и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам: лексика, грамматика, фонетика. В современных, наиболее развитых языках существуют три стиля в этом значении: а) нейтральный, б) более «высокий», книжный и в) более «низкий», разговорный. В научной литературе это же понятие обозначается словосочетаниями речевой регистр, тональность речи.

Во-вторых, этим словом обозначается понятие **функциональной разновидности литературного языка**, в которой язык выступает в той или иной значимой сфере общественно-речевой практики людей со своими особенностями общения в данной

сфере. В литературе это понятие обозначается обычно как функциональный стиль. Для многих современных литературных языков выделяются обиходно-литературный, газетно-политический, производственно-технический, официально-деловой и научный стили.

В-третьих, словом стиль обозначается **общепринятая манера**, обычный способ исполнения (выбор и композиция языковых средств) какого-либо конкретного типа речевых актов: ораторская речь, передовая статья в газете, дружеское письмо и т. д.

В-четвертых, выделяется **индивидуальный стиль** произведений определенного автора. Например, *Стиль Андрея Платонова узнается с первой фразы любого его произведения*.

Наконец, в-пятых, словом стиль может быть обозначена **языковая парадигма эпохи**, состояние развития языка в данную эпоху. Например, *Он написал свой роман в стиле русского языка первой половины XIX века*.

Стиль отражает переплетение в речевой коммуникации отношений: а) языка и мышления (взаимовлияние на полноту и точность формирования образа мира), б) языка и общества (отражение в речевом произведении социального престижа пользователя); в) интеллектуального и чувственного начал (эстетическая функция языка); г) постоянства и изменчивости языковой системы; д) общего, частного и отличного в стилях двух контактирующих социолингвокультурах и др. Поэтому понятна важность теоретических осмыслений данного аспекта речевой деятельности с учетом многоаспектности стилистической проблематики и трудностей методики ее исследования.

Во второй части настоящей книги отмечалась слабая разработанность стилистических проблем как в плане их внутрисистемного изучения (стили в арабском языке), так и особенно в плане межсистемного изучения (стилистический аспект в сопоставлении арабского и русского языков), а также указывались работы, в которых эти проблемы получали то или иное освещение. Следует также отметить вышедший в 1989 году в издательстве Военного института (сейчас — Военный университет) сборник тезисов

и сообщений по теме «Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков». В сборник вошли 11 публикаций, посвященных вопросам стилистики арабского языка.

В данном разделе мы остановимся на следующих вопросах:

- 1) влияние языковой ситуации, существующей в современном арабском мире, на стилистическую стратификацию арабского языка;
- 2) переводческое сопоставление функциональных стилей в арабском и русском дискурсе;
- 3) способ исполнения (выбор и композиция языковых средств) некоторых конкретных типов речевых актов в арабском дискурсе;
- 4) основные трудности переводчика при решении стилистических проблем.

1. Влияние языковой ситуации, существующей в современном арабском мире, на стилистическую стратификацию арабского языка. Современный арабский язык представляет собой функционирующую систему, состоящую из четырех подсистем — классический арабский язык (язык Корана), современный АЛЯ, обиходно-разговорный язык со своими подсистемами и территориальные диалекты. Соотношение этих подсистем в арабском обществе можно представить в виде следующей таблицы:

№	Подсистема арабского языка	Форма речи	Сфера употребления	Социальная группа пользователей	Престиж
1	Классический арабский язык (язык Корана)	Письменная	Специальные радио- и телепередачи, обычно религиозного содержания	Высокообразованные люди, теологи	Высокий

Окончание таблицы

№	Подсистема арабского языка	Форма речи	Сфера употребления	Социальная группа пользователей	Престиж
2	Современный АЛЯ	Письменная Устная	Общественно-политическая и административная жизнь, массовая информация Публичное общение	Образованные люди	Высокий
3	Обиходно-разговорный язык: а) «средний» арабский язык б) наддиалектная промежуточная языковая форма	Устная Письменная	Обиходно-разговорное и обиходно-деловое общение Переписка, записи лекций, диалогическая речь в произведениях художественной литературы и пр.	а) Образованные люди в городской среде б) Необразованные люди в городской среде	Нейтральный
4	Территориальные и социальные диалекты	а) Устная б) Письменная	а) Обиходно-разговорное общение б) В определенных целях, например, как средство речевой характеристики литературных персонажей	Неграмотные люди и деревенские жители	Низкий

Для переводчика такая ситуация оборачивается обязательным преодолением целого ряда трудностей лингвосоциокультурного характера.

Во-первых, он должен знать перечисленные подсистемы, особенности их функционирования в арабском обществе и уметь ориентироваться в выборе тех или иных идиомов в конкретных ситуациях переводческого общения. Прежде всего эти трудности возникают в устных формах перевода. В арабском обществе письменная и устная формы речи обслуживаются разными подсистемами языка, тогда как в русском обществе эти формы речи сближены.

Во-вторых, переводчик должен помнить, что если в русском языке различие в стилях как тональностях, регистрах речи осуществляется в рамках одной языковой системы, то в арабском эти различия более многомерны. Прежде всего определенная тональность речи осуществляется за счет смены подсистем языка или вкраплением в речь с использованием одной подсистемы отдельных идиомов из другой подсистемы. Вот как, например, выражается сниженная разговорная тональность в газетной статье о роли отца в воспитании детей:

حياته عبارة عن الوظيفة والتلفزيون وكفى... أما طلبات
البيت واحتياجات الأولاد فهي من اختصاص الزوجة "وهو
مش عاوز وجم دماغ".

Вся его жизнь состоит из работы и телевизора... Что касается домашних дел и возни с детьми, то это дело жены, а он не намерен забивать себе этим голову.

В этом арабском высказывании зафиксирована смена арабского литературного языка на диалект: в кавычки была взята гипотетическая разговорная форма реакции отца на обвинение в недостаточном внимании к домашним заботам.

Однако тональность речи может изменяться и в рамках одной и той же подсистемы. Последнее касается в основном текстов

АЛЯ, где возвышенный стиль создается употреблением редких или архаических слов (например, *أمق* — *длинный*, *حريف* — *сподвижник*) и синтаксических моделей (например, использование саджа или заменительных предложений).

В-третьих, переводчик должен знать, что арабский разговорный регистр речи больше отделен от нейтрального и книжного регистров, чем одноименный стиль русского языка. Однако в произведениях художественной арабской литературы речь персонажей обычно оформляется на АЛЯ, благодаря чему она оказывается неестественно книжной. Выходы из этого положения разные авторы находят различные. Так, Махмуд Теймур для театра писал пьесы на диалекте, а публиковал их на арабском литературном языке. Фарих Антуан в своей пьесе «Новый Египет» заставил персонажей, принадлежащих к высшему классу, говорить на арабском литературном языке, а нищих — на диалекте. Тауфик аль-Хаким пьесу «Сделка» написал целиком на «среднем арабском языке».

В-четвертых, следует помнить, что обиходно-деловая разновидность арабского разговорного стиля с присущим ей «диалектным фоном» оказывается в обиходно-деловых ситуациях общения заниженной по сравнению с разговорным стилем русского языка. И, наконец, переводчик должен помнить об особой роли АЛЯ и как межрегионального языка общения арабов, и как единственной подсистемы в системе арабского языка, которая в состоянии обслуживать любую сферу вербального общения. Как писал Таха Хусейн,

إن اللغة العربية الفصحى ما زالت قادرة كل القدرة على أن تتحدث إلى قلوب المصريين و عقولهم في غير جهد و لا نصب و لا احتياج إلى الدرس والاستعداد للاستماع... و ليس هذا بالشيء القليل في هذه الأيام التي كثر فيها الجاهدون لهذه اللغة و الضायقون بها و المعرضون عنها , لا لشيء إلا لأنهم أكسل من أن يتعلموها و يبذلوها في ذلك ما ينبغي من الجهد و النشاط (أحمد حمروش , المسرح المشري , ص. 221 – 222).

2. Переводческое сопоставление функциональных стилей в арабском и русском дискурсе. Функциональные стили складываются в различных языках по-разному, в результате чего устоявшаяся стилистическая дифференциация в одном языке может столкнуться с иной или менее четкой стилистической дифференциацией в другом. Именно такая ситуация характерна для нынешнего состояния русской и арабской парадигм функциональных стилей.

Практика перевода выявляет относительную размытость функциональных типов арабских текстов по сравнению с существующими функциональными стилями в русском языке. Наряду с общими для обеих парадигм функционально-стилистическими параметрами (область общения, доминантная цель общения, характер коммуникантов, ситуация общения и т. п.) бросается в глаза отсутствие или ослабленность арабской стилистической маркированности языковых средств (модусов). В результате этого переводчик обычно не может приступить к переводу арабского текста без предварительного уточнения по контексту статьи, какой функциональный стиль русского языка окажется пригодным в данном конкретном случае. Известную помощь ему может оказать знание арабской газетной рубрики, личности автора статьи и другие дотекстовые знания. Исключение составляют лишь тексты эпистолярного стиля, религиозного стиля, стиля газетных объявлений и некоторых других¹.

Кроме «размытости» функциональных стилей арабского текста, обращает на себя внимание и наличие в текстах АЛЯ некоторых стилей, не существующих в русском языке (например, стиль текстов, которые передаются по радио и которые в арабской литературе называются **أسلوب الإذاعة**).

¹ См., например: *Осинов В. Д.* О выделении эпистолярного стиля в арабском языке // Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989. С. 46–48.

3. Способ исполнения (выбор и композиция языковых средств) некоторых конкретных типов речевых актов в арабском дискурсе. Обычно в каждом языке складывается общепринятая манера исполнения каких-либо конкретных типов речевых актов: ораторского выступления, передовой статьи в газете, судебной речи, уголовной хроники и пр. Во многом эти способы носят универсальный характер, однако и в этом стилистическом аспекте существуют национально маркированные черты. Их установление для арабского текста требует специальных полевых исследований. Работа в этом направлении в ЧТПАЯ еще только начинается. В качестве примера можно привести исследование, проведенное на сплошной выборке двух номеров египетских газет *الاهرام* и *الاهالي*¹. Целью исследования была попытка использовать речевые модусы семантического и синтаксического характера для выявления стилистической стратификации АЛЯ с последующим описанием одного из выделенных на основе данной методики функционального стиля. Эксперимент позволил получить следующие данные по стилю газетных объявлений.

Общие коммуникативные характеристики

1	Область общения	социально-экономическая жизнь отдельных членов и групп социума
2	Доминантная цель общения	информировать о социально-экономических потребностях отдельных членов и групп социума
3	Прагматическая задача	установление социального и/или делового контакта

¹ *Финкельберг Н. Д.* Стилистические аспекты частного переводоведения (методика — эксперимент — результат) // Сборник статей. № 29–30. М.: Военный институт, 1990.

4	Характер коммуникантов	индивидуум и социальная группа
5	Тональность общения	официальная
6	Ситуация общения	отсутствие прямого визуального контакта между коммуникантами
7	Предметно-тематическое содержание	спрос и предложение рабочих мест, товаров или услуг; изменение гражданского состояния и пр.
8	Формы речи	повествование, объяснение

**Маркированные модусы стиля
арабского газетного объявления**

№	Языковой параметр	Модус	Примеры
1	Морфология	а) Употребление имперфектной формы глагола 2-го л. ед. ч. в значении будущего времени с оттенком субъективной модальности <i>должен // может</i> б) Ненормативное оформление определенного состояния в конструкции «غير + слово, обозначающее качество»	تطلب كراسة الشروط العامة و المواصفات الفنية من قطاع المكتب الهندسي. — <i>Вы можете затребовать (требуйте) буклет с общими условиями и технической спецификацией в секторе строительного отдела.</i> الغير صالح — <i>непригодный</i>

Продолжение таблицы

№	Языковой параметр	Модус	Примеры
2	Синтаксис	а) Широкое употребление бессоюзной связи предложений б) Распространенное употребление оборота «аттракция»	شركة (...) تطلب رئيس حسابات بكا لوريوس تجارة خبرة لا تقل عن 10 سنوات المقابلة: (...) يوم الأربعاء 7 م بمقر الشركة. — Компании (...) требуется главный бухгалтер с высшим специальным образованием и стажем работы не менее 10 лет. Обращаться по адресу (...) в среду в 19 часов. يشترط أن يكون المتقدم لجميع الوظائف من أهالي <u>البلاد المعطن</u> عنها و من المقيمين بها إقامة فعلية. — Все претенденты на должности должны быть уроженцами указанных регионов и постоянно проживать в одном из них.

Продолжение таблицы

№	Языковой параметр	Модус	Примеры
		в) Несоблюдение правила о рассогласовании состояния определенности / неопределенности именного субъекта и предиката г) Высокая частотность именных предложений	مطلوب رجال و أناث. — Принимаются мужчины и женщины. المطلوب رجال فقط. — Требуются только мужчины.
3	Лексика	а) Специальная лексика б) Широкое употребление клише и стереотипов в) Маркирующая данный стиль лексика	للفقيد الرحمة وللأسرة خالص العزاء. — Сострадание умершему и самое искреннее соболезнование семье умершего. الإمام بالقراءة والكتابة. Принимаются лица, умеющие читать и писать. 81 % всех модусов со значением «может // должен» составляет лексема مطلوب
4	Орфография и графика	а) Использование сокращений	شارع вместо ش — улица مساءً вместо م — вечер

Окончание таблицы

№	Языковой параметр	Модус	Примеры
		б) Использование иностранных шрифтов для названий иностранных фирм, фильмов и пр. в) Четкая рубрикация с повторяющимися заставками, рамками, набором шрифтов, выделяющих не только заголовки, но и отдельные части текста	

По другим типам арабских текстов переводоведение располагается лишь отдельными наблюдениями. Чаще всего они касаются либо клишированных выражений, характерных для того или иного типа текста, либо наблюдений, связанных с общей структурой построения текста. Например, для деловой арабской переписки характерными являются клише типа *تحية وإجلالا وبعد...* в начале письма или витиеватые выражения уважения и пожелания благополучия в конце

و إننا إذ نقدم إليكم خالص شكرنا لا نسعي إلا أن
 نرجو لكم مخلصين مستقبلا وحياة مليئة بالتوفيق
 والسعادة .

Начальные клише обычно не переводятся на русский язык, а концовка письма оформляется в соответствии со стилистической нормой, действующей для подобного вида русских текстов. Так, например, выглядит перевод арабского приглашения на выставку детской книги в Каире.

السيد الزميل المحترم!
نحية طيبة وبعد..

يسعدنا أن نتقدم إليكم بدعوة رسمية للاشتراك في معرض القاهرة الدولي الرابع لكتب الأطفال الذي يقام خلال الفترة من 24 نوفمبر إلى 6 ديسمبر 1987, بأرض المعارض الدولية بمدينة نصر. وإنما لوائقون من اهتمامكم بهذا المعرض الذي يعد أحد المعارض الدولية المتخصصة والوحيد الذي يقام في الشرق الأوسط. و نحن إذ نثق في اهتمامكم بهذا المعرض, يسعدنا أن نرفق طية نشرة المعلومات اللازمة عنه, بالإضافة إلى استمارة الحجز الذي يجب ملؤها بمعرفتكم و إعادتها إلينا. و إنما لنأمل في إدراج اسمكم ضمن المشتركين في معرضنا الدولي الرابع لكتب الأطفال.

مع خالص تحياتنا
مدير الهيئة التنظيمية للمعرض

Уважаемый коллега!

Рады направить Вам официальное приглашение принять участие в IV международной выставке детской книги в Каире, которая состоится с 25 ноября по 7 декабря 1987 г. на территории международного выставочного комплекса города Наср.

Мы убеждены, что Вас заинтересует эта выставка, считающаяся одной из наиболее репрезентативных международных выставок и единственной, проводимой на Ближнем Востоке.

Будучи уверенны в Вашем интересе к этой выставке, прилагаем ниже проект, содержащий необходимую о нем информацию, а также бланк заявки на участие в ней, который Вам нужно заполнить и вернуть нам.

Мы надеемся видеть Вас среди участников нашей IV международной выставки детской книги.

С уважением

Директор оргкомитета выставки¹.

В последнее время появились и другие работы, в которых затрагиваются вопросы стиля конкретных жанров арабского текста².

4. Основные трудности переводчика при решении стилистических проблем. Выше уже говорилось о трудностях, которые приходится преодолевать переводчику из-за несовпадения стилистических норм, существующих в контактирующих текстах. Это связано с национальными различиями в стилистической стратификации арабского и русского языков, с различиями парадигм функциональных стилей в арабском и русском дискурсе и с различиями в способах исполнения (выбор и композиция языковых средств) конкретных типов речевых актов. Однако есть еще одна трудность, с которой сталкивается переводчик, оформляя текст перевода. Речь идет о его умении добиться стилистического единообразия создаваемого текста, т. е. о собственном стилистическом вкусе переводчика, о его способности согласовать найденные им отдельные решения в рамках единой стилистической целостности. Это умение целиком зависит от степени знания родного языка, от того «чувства языка», которое вырабатывается с годами у человека, если он много читал с детства и продолжает читать всю свою жизнь, отдавая предпочтение лучшим образцам отечественной литературы. Профессиональный переводчик всегда хороший читатель.

¹ Юнусов К. О. Краткий русско-арабский словарь экономических терминов. СПб., 1996. С. 59–60.

² См., например: Боднар С. Н. Арабский язык. Жанр коммерческих и деловых бумаг и их специфика. М.: Муравей, 2002.

Глава 5

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЧТПАЯ

1. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯВЛЕНИЯ «ЧУЖЕРОДНОСТИ» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

Этнический менталитет. Концепт. Этническая концептосфера. Прецедентные феномены

Как бы важен ни был лингвистический элемент в системе перевода, деятельность переводчика изначально выходит за рамки языка // речи. Три деятельных участника этого процесса — адресант, переводчик и адресат — решают *неречевые задачи*. Задача адресанта — довести до адресата свое концептуальное намерение, которое сформировалось в его *сознании*. Задача адресата — понять концептуальное намерение адресанта на уровне *смысла*. Задача переводчика — осуществить сопряжение деятельности *сознаний* обоих разноязычных коммуникантов. Все три задачи являются экстралингвистическими и субъективными по своей природе. В переводческом процессе «контактируют не системы и структуры, а их носители, которые являются носителями определенных культур, навыков, привычек, ценностных ориентаций; сам язык есть элемент целого комплекса человеческих отношений и ценностей»¹.

Выполнение профессиональной задачи переводчиком предполагает, что он должен быть не только *билингвом*, но и *бикультурным*. Осознание культурной чужеродности и умение преодо-

¹ Степанов Г. В. Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. С. 158.

левать ее негативное влияние на ход двуязычной коммуникации — обязательное условие для того, чтобы переводчик способствовал решению тех речевых задач, которые составляют суть общения разноязычных (разнокультурных) коммуникантов. Речевая задача формируется в сознании человека и как носителя определенной этнической культуры, и как индивидуума. Поэтому для осуществления переводческого межкультурного контакта так важно знать как ментальные особенности, характерные для каждой из контактирующих культур, так и ментальные особенности конкретных участников коммуникации.

Ментальность формируется жизненным опытом и определяет оценочную деятельность сознания при встрече с изменяющимся миром и стратегию поступка. Этническая ментальность закрепляет качества, наиболее полезные для выживания этноса в определенной среде обитания. Другими словами, **этнический менталитет** есть функция от национальной картины мира. **Индивидуальный менталитет** есть часть этнического менталитета, присвоенная индивидуумом с учетом его собственного жизненного опыта. Переводчику для выполнения своей профессиональной задачи необходимо знать особенности менталитета разноязычных коммуникантов, которые проявляются не только и не столько в речевых поступках, но и отражают особенности оценочной деятельности сознаний.

Разработка теории национальных картин мира — одно из центральных направлений творческих усилий ученых в рамках современной антропоцентрической парадигмы языкознания. Наиболее активно в этом направлении работают ученые, которые занимаются теорией языка, психолингвистикой и теорией перевода. Можно сказать, что на сегодняшний день в рамках этой теории уже получены определенные результаты, а именно:

- установлены различие и взаимосвязь, которые существуют между внеязыковой картиной мира («язык мозга») и языковой картиной мира (отражение внеязыковой картины мира в языковых формах);
- доказана национальная особенность обеих картин мира;
- обнаружена системность «языка мозга»;

- определена единица «языка мозга» — концепт;
- выявлены формы экспликации концептов;
- введено понятие концептосферы и предпринимаются попытки выявить принципы ее структурирования;
- ведутся активные поиски методик обнаружения национальных концептов.

Полученные результаты имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Они расширяют горизонты познания человеком своего бытийного состояния в окружающем мире, с одной стороны, и, с другой стороны, позволяют находить объяснение многим явлениям в языке, в речемыслительной деятельности и в межкультурной коммуникации, которые на практике создают трудности в общении.

Данное направление научного поиска имеет особую значимость для переводоведения. Использование концептуального подхода именно в переводческом дискурсе не случайно, так как именно в переводе происходит столкновение множественных асимметрий языкового, речевого, психического, поведенческого и культурного характера индивидуумов в процессе преобразования исходного текста в переводной текст с целью знаковой координации совместной деятельности представителей двух различных лингвосоциокультур. Тексты суть превращенные формы психических образований, возникших в сознаниях людей, и успех межкультурной коммуникации зависит от сопряжения психических образований, закодированных в разноязычных формах.

Концептуальный подход оказывается особенно результативным для частных теорий перевода арабского языка, поскольку переводческие контакты между Арабским Востоком и Россией обнаруживают контрастные особенности смыслообразования и смыслоразличения не только на уровне текстов, но и особенности логического мышления и поведенческих норм у представителей этих языковых сообществ.

Чтобы избежать терминологической размытости, уточним, что под термином **концепт** автор понимает системную фреймовую единицу области сознания человека, которая включает когнитивные, нравственные и рефлекторные элементы. Когнитивные

и нравственные элементы достаточно легко поддаются вычленению и описанию и, следовательно, осознанию. Гораздо труднее проникнуть в рефлекторную область сознания, поскольку в ней вторая сигнальная система сближена с первой сигнальной системой, когниция с рефлексией. Познание этих элементов необходимо для продвижения к «языку мозга», так как выявляет национальные особенности характера первичных мыслительных процессов при столкновении человека с окружающим миром.

Первые концепты рождались из столкновения первобытного человека с окружающей его природой, когда сознание фиксировало внешний раздражитель и оценивало его по шкале *хорошо // плохо*. Постепенно формировались знания, помогающие существованию человека в данной природной среде. Индивидуальные знания социализировались в рамках определенной общности людей, живущих в этой среде. По мере накопления жизненного опыта, становления и развития культуры, в том числе совершенствования языковой системы и установления конфессиональных постулатов, а также расширения сферы общения вплоть до межэтнических контактов концепты множились, усложнялись и приобретали национально отмеченные черты.

Объединяясь в систему (индивидуальную концептосферу), концепты хранили приобретенный жизненный опыт человека как представителя конкретного лингвокультурного сообщества. Интегрирование индивидуальных концептосфер с течением времени создавало этническую концептосферу, совокупность образов сознания, которая составляет образ мира определенного языкового сообщества. **Этническая концептосфера** представляет собой сложную, динамически развивающуюся систему, которая в то же время достаточно консервативна, чтобы сохранять «связь времен» для новых поколений, влияя на их речевые и неречевые поступки. **Индивидуальная концептосфера** есть тот виртуальный мир, который формируется в сознании человека как представителя определенного лингвосоциокультурного сообщества и как отдельной личности со своим собственным жизненным опытом. Этот виртуальный мир детерминирует отношение человека к окружающей его жизни и активно участвует

в принимаемых им решениях на свои поступки, в том числе и на речевые поступки.

Концепт отличается от других единиц психического плана, таких как, например, значение слова и понятие. Последние объединяются в лексико-семантические группы, которые имеют четкие национальные языковые характеристики, так как активизируют эти области сознания национальные языковые формы. Концепты объединяются в системы, чьи характеристики не столь национальны, многие концепты («семантические гештальты» — по Ю. Н. Караулову) отмечены для такого множества национальных культур, что их можно отнести к универсальным концептам, например *человек, семья, работа, игра* и другие. Концептосферы отличает особое качество — концептуальность, качество, за которым скрываются и причины появления, и время образования, и характер развития, и национальная значимость тех или иных концептов, и формы, которые активизируют (эксплицируют) данную область сознания. В научной литературе признанными формами экспликаций концептов называются:

- языковые формы (слова, словосочетания, фразеологизмы, прецедентные тексты),
- поликодовые тексты (реклама, комиксы, вокальные произведения),
- сюжеты литературных произведений,
- неречевые поступки,
- политика и т. д.

Языковые формы суть *номинарованные в знаке формы* концептов, остальные — *неноминированные в знаке формы* концептов.

В частной теории перевода арабского языка концептуальный подход в настоящее время применен в двух направлениях.

Первое из них — выявление национальных особенностей универсальных концептов. Разработка национальных черт универсальных концептов активно проводится на материале сопоставительного разноязычного анализа многими отечественными научными школами и может уже считаться традиционной.

Второе направление — выявление концептов, которые не имеют параллелей в других лингвокультурных общностях. Это направление научного поиска пока не получило широкого отражения в научной литературе. Однако очевидно, что в арабской концептосфере существуют:

- а) особая форма экспликация концептов и
- б) номинированные концепты, отсутствующие в русской концептосфере.

А. Теория и практика перевода подтверждает гипотезу о том, что в арабской этнической концептосфере, помимо отмеченных выше *номинированных в знаке* и *неноминированных в знаке* форм экспликации, присутствуют еще и *частично номинированные формы*, когда номинантом является не знак, а лишь его часть — корень слова. Такие концепты представляют собой обширные области сознания, которые активизируются трехслоговым корнем или двухслоговым корнем и порождают фоновые значения, дополняющие значения слов, образованных от этих корней.

Подобная форма экспликации и характер корневых концептов — национальная особенность арабской концептосферы, что отличает ее от русской концептосферы. В корневых концептах чувственное начало преобладает над рациональным началом. Вероятно, именно корневые концепты определяют существенную особенность арабского мировидения — малоподвижность рефлексивной и нравственной составляющих концептосферы в отличие от подвижности ее когнитивной составляющей. В выявлении корневых концептов русскому исследователю мешают степень их повышено обобщенных представлений и порождаемые ими амбивалентные ассоциации. Поэтому требуется большая работа над поиском путей и методов обнаружения корневых концептов.

Один путь может быть найден в исследовании арабских словарей, где большие гнезда однокорневых лексем потенциально могут означать присутствие корневого концепта, поскольку концепт полиситуативен и, следовательно, номинированный в знаке концепт имеет высокую деривационную потенцию. Корневой принцип аранжировки лексики утвердился еще в словарях

أساس البلاغة و تاج اللغة و صحاح العربية, составленных Абу Насром ибн Хаммадом ал-Джавахири (умер не позднее 1010 г.) и аз-Замахшари (1075–1144). Этот принцип сохраняется до нынешнего времени, в том числе и при составлении двуязычных словарей, что свидетельствует об объективной значимости информации инварианта корня для понимания значения слова.

Частично номинированные концепты образовали в арабской концептосфере наиболее глубокий пласт, который практически не изменяется во времени до сегодняшнего дня. За пластом корневых концептов следуют концепты, номинированные в слове. Оба пласта наиболее социализированы и, следовательно, наиболее значимы, так как чувственная амбивалентность конкретизируется в материальной языковой форме и в таком виде сильнее закрепляется в сознании этноса.

Отдельные корневые концепты можно найти и в трудах арабских ученых, которые рассматривали смыслы (*المعنى الأكبر* *наибольший смысл*), содержащиеся в аллотезных и метатезных корнях. Под аллотезой (*الإشتقاق الكبير* *большое корнеобразование*) понимается образование трехсложных корней от единого двухсложного, под метатезой (*الإشتقاق الكبائر* *огромное корнеобразование*) — образование нового трехсложного корня путем перестановки согласных исходного корня. Своеобразие арабских частично номинированных концептов открывает возможность для исследователя пройти весь путь становления таких концептов от исходных представлений до нынешнего состояния, которое стало результатом развития сознания человека и растущего конструктивного влияния языковой системы. К сожалению, пути поиска арабских корневых концептов еще не получили законченной методики исследовательской работы.

Б. Помимо корневых концептов, арабская концептосфера отличается и наличием в ней номинированных концептов, которые не имеют параллелей в русской концептосфере. Отдельные упоминания подобных концептов встречаются в работах отечественных арабистов (С. С. Майзель, В. Э. Шагаль, Е. В. Кухарева, В. С. Морозова и др.). Так, Е. В. Кухарева в своей диссертации

описала концепт *مروءة*, проследив и те изменения, которые он претерпел в течение веков. Она же впервые в арабистике на примере арабских паремий предложила рассматривать клише как отражение национального менталитета, внося тем самым вклад в этнопсихолингвистический аспект изучения арабского языка.

Переводчик арабско-русской комбинации языков обеспечивает общение людей, не только говорящих на разных языках, но и обладающих различными концептуальными представлениями. Разноязычные (разнокультурные) коммуниканты принадлежат к разным мирам, отличным по исторической, физической и социальной среде обитания, по системе нравственно-этических ценностей, по господствующей идеологии, по нормам поведения живущих там людей. Без знания этих особенностей даже очень высокая языковая компетенция не гарантирует переводчика от ошибок при налаживании контактов между представителями двух таких разных культур.

Вот только несколько опасностей, которые подстерегают переводчика, если он не будет знать особенностей менталитета и поведения (в том числе и манеры речи) арабского коммуниканта. Если эти особенности эксплицированы в тексте, то они в переводе не нарушают коммуникации, так как они будут легко восприниматься иноязычным адресатом как новое знание о другой культуре. Но совсем иное дело, когда информация передана по фоновым каналам.

Межкультурные коммуникативные расхождения, которые появляются на языковом уровне, рассматривались в третьей части настоящей книги, когда речь шла о фоновой информации, содержащейся в инварианте корня. Однако перевод арабского высказывания может осложниться и из-за фоновой информации, которая передается арабским адресантом по каналу *реальной ситуации* и в таком виде останется непонятой русским адресатом. Фоновую информацию чаще всего несут так называемые **прецедентные феномены**. Прецедентными феноменами являются:

- ситуации (например, *Ходынка*),
- тексты (тексты литературных произведений, песен, реклам и т. п.),

- имена (например, *Ломоносов*),
- высказывания (например, *кто виноват и что делать?*),
- пословицы и поговорки.

Национальные ПФ — «феномены, известные любому среднему представителю того или иного лингвосоциокультурного сообщества и входящие в национальную *когнитивную базу*»¹. Например, если русский коммуникант на вопрос о последствиях рискованного шага, который был сделан неким египетским политиком, получает лаконичный ответ *وشام النيل*, то переводчик обязан озвучить фоновую информацию и сообщить русскому адресанту, что политик был награжден *высшей государственной наградой Египта орденом «Меч Египта»*.

Возможны и случаи, когда интернациональный ПФ воспринимается по-разному арабами и русскими и переводчик может неправильно истолковать фоновую ситуацию, которую имел в виду один из коммуникантов. Например, если Дон Кихот для русских — доблестный, бескорыстный, подчас наивный борец за справедливость, то для арабов Дон Кихот — человек просто не слишком большого ума, занимающийся ненужными делами.

¹ Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 50. См. там же: «**Прецедентные феномены** — это феномены, 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» (с. 58).

2. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯВЛЕНИЯ «ЧУЖЕРОДНОСТИ» В УСТНОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

Особенности работы сознания, «языка мозга», устного переводчика. Особенности риторического уровня межкультурной коммуникации. Особенности распределения каналов информации при устном общении. Национальные особенности тактильных средств. Рольевые отношения коммуникантов и переводчика. Поведенческие пристрастия коммуникантов.

Особое значение учет социокультурных особенностей разноязычных коммуникантов приобретает для работы *устного переводчика*.

Общение, протекающее в условиях «здесь» и «сейчас», добавляет в систему перевода элементы, которые отсутствуют в системе переводческого процесса, осуществляемого в условиях, когда переводчик работает только с текстами. Такими элементами являются *физическое присутствие участников коммуникации, национальные особенности их речевого поведения, кинетический канал информации*, который используется коммуникантами, и *временной фактор принятия переводческих решений*. При прямом общении разнокультурных коммуникантов, переводчик не только является свидетелем возникновения арабского и русского текстов, но и сам включается в эмоциональную атмосферу происходящего общения людей, принадлежащих к разным культурам. Эти системные изменения процесса перевода изменяют естественное состояние работы сознания переводчика. Подобно

тому, как хамелеон мгновенно изменяет свою окраску, так и в сознании переводчика происходят попеременные переходы от сознания одного монолингва к сознанию другого монолингва. При этом в его собственном сознании остаются неизменными участки, отвечающие за работу перекодирования получаемой информации. Научиться погружать свое сознание в такое особое состояние можно только путем приобретения специальных знаний, умений и навыков. Кроме того, работа устного переводчика предполагает наличие у него таких черт характера, как коммуникабельность, находчивость, смелость в принятии неординарных решений и т. п.

Переводчик в условиях прямого контакта разнокультурных коммуникантов обеспечивает тождество *интенциональных* и *референциальных реакций* на получаемые коммуникантами тексты. Реакции могут быть *интеллектуальными* (человек что-то воспринял разумом), *эмоциональными* (человек обрадовался или огорчился) и *смешанными* (человек воспринял разумом, и воспринятое вызвало у него, например, негодование). Переводчик, получив текст от адресанта и погрузив свое сознание в его сознание, осознает, на какую реакцию адресата рассчитывает отправитель (т. е. осознает интенциональную реакцию). Затем, перестроив свое сознание на сознание инокультурного адресата и подключая центры лингвосоциокультурного перекодирования, создает текст перевода, который должен вызвать у адресата реакцию, тождественную той, на которую рассчитывал инокультурный коммуникант (т. е. референциальную реакцию). При этом переводчик, включившись в эмоциональную атмосферу общения, ощущает не только внешние реакции, проявляющиеся в языковых и неязыковых знаках, но и внутренние, так как последние могут предшествовать первым и, следовательно, обеспечить ему прогнозирование будущего высказывания и облегчат понимание этого высказывания.

Устный вид перевода — сложный психолингвистический процесс, который предъявляет к переводчику жесткие требования для работы в условиях, исключающих не только возможность обращения за помощью к справочной литературе, но и возможность

длительного обдумывания решений. Осознать культурную чужеродность и уметь преодолеть ее негативное влияние на ход двуязычной коммуникации устному переводчику приходится, полагаясь только на собственные силы и в строго заданном темпоральном режиме.

Трудности могут возникать на разных основаниях:

- а) особенности работы сознания, «языка мозга»;
- б) особенности распределения каналов информации;
- в) национальные особенности паралингвистических средств;
- г) ролевые отношения коммуникантов и переводчика;
- д) поведенческие пристрастия коммуникантов и т. д.

А. Эти особенности касаются так называемого **риторического уровня межкультурной коммуникации**, способов организации высказываний (предпочитаемые типы аргументов, риторических приемов).

Так, не зная, что в характере мышления арабофонов чувственное начало развито гораздо сильнее рационального, переводчик рискует не понять хода мысли арабского собеседника и тем самым лишит себя возможности прогнозировать его речевые поступки, что негативно отразится на процессе перевода. Доказательства русского собеседника, построенные на логической основе, звучат для араба не так убедительно, как доказательства, где логику заменяют чувства. Английский культуролог Ричард Д. Льюис очень категоричен в своих суждениях о культурных различиях, существующих между представителями Арабского Востока и Европы. Он пишет, что «на Западе и в арабских странах существуют совершенно различные представления о том, что такое добро и зло, что правильно и неправильно, логично и нелогично, приемлемо и неприемлемо. Они живут в совершенно разных мирах, каждый из которых организован по-своему»¹.

¹ Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: пер. с англ. М., 2001. С 24.

Еще. На переговорах проявляется склонность арабов к многословию и к множественным повторениям одной и той же мысли. Не зная этой особенности, переводчик может неправильно прогнозировать ход мысли арабского адресанта, который вместо ожидаемых переводчиком нового поворота мысли или новой мысли будет давать множественный перифраз сказанного ранее.

Следующей национальной особенностью арабской риторики является склонность арабского адресанта употреблять длинные цепочки тематических высказываний в повторяющихся ситуациях общения (приветствие, прощание, пожелания, благодарности и т. п.). Не будучи готов к этому, переводчик может создать неловкую паузу в разговоре, если он не располагает большим запасом русских речений подобного рода и не обладает творческой способностью адаптировать арабские высказывания, сглаживая лингвосоциокультурные различия.

Наконец, нельзя не отметить и существенное отличие роли религии в повседневной жизни арабов и суеверной убежденности арабов в силу слова по сравнению с современным уровнем русской культуры. Переводчик, не учитывая этого различия, может не понять информации о печальном или неприятном событии, которая будет излагаться арабом не прямо, а иносказательно, чтобы не навлечь беды.

Б. Одной из главных особенностей распределения каналов информации при устном общении является резкий рост числа тематических и целевых высказываний. Диалоги часто почти целиком состоят из подобных высказываний, благодаря чему собеседники получают возможность обмениваться мыслями за более короткий промежуток времени, только обозначая стандартную ситуацию (тематическое высказывание) или озвучивая только рематическую часть реплики (целевое высказывание). Поскольку эта особенность устной речи характерна и для арабов, и для русских, переводчик должен заботиться лишь о том, чтобы, осуществляя перевод, не нарушить привычных для каждого из коммуникантов норм такого

общения. Например, арабский адресант, выражая соболезнование (...البقية في حياتك يا...), ждет от адресата вербальной реакции (...حياتك الباقية يا...), тогда как русский человек в подобной ситуации часто отвечает ритуальным молчанием и/или пожатием руки. Переводчик должен позаботиться, чтобы молчание русского адресата не было истолковано арабским коммуникантом неправильно и не вызвало у него нежелательной реакции, в лучшем случае недоумения.

Переводчик должен располагать большим набором арабских и русских тематических высказываний для стандартных ситуаций. Причем он должен владеть этими высказываниями в разных речевых регистрах¹, в соответствии с особенностями функционально-стилистической стратификации каждого языка. Также он должен знать наиболее распространенные формы вопросительных конструкций², часто встречающихся в интервью и в диспутах, а также так называемые «пустые речения», например: *Откровенно говоря... — أصارك بأن...; Если хотите знать... — إن جاز التعبير... и т. п.*³

При переводе целевых высказываний переводчик также может использовать эллиптированные формы выражения смысла. Но при этом он должен чувствовать, что оба коммуниканта адекватно воспринимают недостающую в тексте информацию, которую адресант передал по нетекстовым каналам информации *речевой ситуации*, и общение между ними не нарушается. Кроме того, следует помнить, что если арабский коммуникант использует арабский литературный язык, то перевод русского целевого высказывания арабской эллиптированной формой будет снижать речевой регистр и правильнее использовать для перевода русского эллиптированного выражения полное арабское предложение.

¹ См.: Финкельберг Н. Д. Общественно-политический перевод. Семантические особенности арабской речи. М., 1984. С. 10–18.

² Там же. С. 10–18.

³ Там же. С. 22–23.

Особую трудность в условиях устного перевода создает использование коммуникантами прецедентных феноменов, пословиц и поговорок. Переводчику следует держать в оперативной памяти соответствия для наиболее часто употребляющихся в речи русских речений этого типа. Например:

Волков бояться — в лес не ходить. —

لا عيش لمن يضاجع الخوف, من خاف ابن عرس لا يربي
كتاكيت;

Горбатого могила исправит. —

من شاب على شيء شاب عليه || قطع الوريد و لا قطع
العوايد || يموت الزمار و صباعه يلعب;

Кашу маслом не испортишь. —

زيادة الخير خيران;

Первый блин комом. —

أول الغزو أخرج || أول الرقص تحنجة;

Тише едешь — дальше будешь. —

من تأنى نال (أدرك) ما تمنى || العجلة من الشيطان;

Утро вечера мудренее. —

الصباح صباح || النهار له عنين

и т. п.

Переводчик также должен понимать значение арабских пословиц и поговорок, которые часто встречаются в арабской речи, но не имеют образных соответствий в русском языке либо если имеющееся соответствие не полностью передает оттенки значения арабского фразеологизма. Например:

عند الامتحان يكرم المرء أو يهان || من أراد كله فاض عليه
جلة

и т. п. В этом случае переводчик может дать описательный перевод или перевести приблизительно, сохранив только смысл. Некоторые устные переводчики предпочитают именно такой перевод, вместо того чтобы использовать соответствие, опасаясь, что коммуникант использует полученный образ в своем следующем высказывании, что создаст трудности для перевода. Например, если араб, говоря о тесноте помещения, использовал привычный для него образ набитого кроликами садка (مثل حظائر الأرانب), а переводчик перевел *как сельди в бочке*, то что ему прикажете делать, если русский адресант в ответ пошутит *Да и селедка-то не рижского посла?!* Если необходимо сохранить красочность речи, то безопаснее предварить перевод образного арабского выражения фразой *Как гласит арабская пословица...* и перевести ее буквально, после чего в случае необходимости объяснить ее смысл.

Наконец, следует напомнить, что в устной речи арабский адресант может использовать не только арабский литературный язык, но гораздо чаще говорит на обиходно-разговорном языке, а в неофициальной обстановке может перейти и на территориальный или социальный диалект. Зная особенности стилистической стратификации арабского языка, переводчику не следует снижать регистр русской речи и переходить к использованию просторечных или фамильярных форм.

В. Паралингвистические средства включают разнообразные невербальные способы передачи информации. При прямом переводческом контакте **национальные особенности паралингвистических средств** проявляются в различиях информации, которая передается жестами, мимикой, организацией пространства и голосовым тоном.

Как известно, арабы довольно часто прибегают к коммуникативно значимым жестам, «языку рук». Не зная *особенностей арабского языка жестов*, переводчик может потерять или исказить коммуникативно значимую информацию. Например, только ладонью арабский коммуникант может передать ряд невербаль-

ных сигналов: ладонь, повернутая вниз, и движение ею так, будто что-то отбрасывается, означает *уходи*; если сделать движение ладонью, повернутой вниз, как бы собираясь сжать ее в кулак, то это означает *дай этот предмет мне*; если же двигать такой ладонью вверх-вниз, то это означает *не нервничай, хватит, спокойно*; если ладонь, повернутую вниз, резко повернуть вверх и повторить это движение несколько раз, то это трактуется как вопрос *что?, почему?*¹.

Недогадливость собеседника может быть выражена жестом, когда согнутые в локтях руки с ладонями, повернутыми к собеседнику, помещают по обе стороны лица и делают ими легкое движение вверх. Досаду можно выразить вращательным движением кисти или кистями обеих рук при полуоткрытых ладонях.

Язык жестов может выполнять волонтактивную функцию. Например, приказание *Предъявите документы!* передается жестом, когда правая рука ребром ладони ударяет по локтевому сгибу левой руки. Требование *Деньги давай!* передается ударом по запястью левой руки. Ответом на это требование может послужить жест, когда ногтем большого пальца проводят по зубам. Этот жест означает, что денег нет.

Говоря об *организации пространства*, следует иметь в виду, что в неформальной беседе араб подходит к собеседнику ближе, чем это принято у нас.

Повышенный тон у араба не несет того негативного оттенка, который придает повышенный тон речи русского человека. Не зная этого, переводчик может неверно истолковать эмоциональное состояние арабского адресанта, решив, что он сердится, а он может быть просто увлечен какой-то идеей.

Г. Ролевые отношения коммуникантов и переводчика также имеют культурные отличия в зависимости от того, к какой культуре общения относится коммуникант. Как правило, арабы лучше относятся к русскому переводчику, чем свой русский со-

¹ Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания. М., 2001. С. 116–117.

отечественник. Они высоко ценят проявление любви к арабскому языку со стороны иностранца и за это готовы простить ему некоторые промахи, если переводчик сможет в качестве объяснения сослаться на богатство арабского языка, *محيط المحيط*.

Тем не менее снисходительный и недоверчивый тон может появиться у арабского коммуниканта, если переводчик женщина. Не зная, что в арабском обществе женщине отводится второстепенная роль, переводчица может занервничать, что негативно скажется на ее работе. Ситуация станет еще хуже в том случае, если он знает русский язык и попытается вмешиваться в перевод. Единственный совет — сохранять хладнокровие и дипломатично уклоняться от споров относительно правильности ее переводческих решений. Такой же совет можно дать в аналогичной ситуации и переводчику-мужчине.

Д. Некоторые поведенческие пристрастия арабских коммуникантов могут быть неверно оценены русскими собеседниками.

Так, не зная склонности арабского адресанта употреблять длинные цепочки тематических высказываний в повторяющихся ситуациях общения (приветствие, прощание, пожелания, благодарности и т. п.), переводчик может создать неловкую паузу в разговоре, если он не располагает большим запасом русских речений подобного рода и не обладает творческой способностью адаптировать арабские высказывания, сглаживая лингвосоциокультурные различия. Например, русское приветствие гостю *спасибо, что зашли* в арабском переводе может развернуться в синонимическую цепочку *شرفتنا \\ نورت الدنيا علينا*.

Другой пример. У нас принято гостя пропускать впереди себя, тогда как араб сначала входит сам, а гостю остается следовать за ним. Такое поведение нельзя расценивать как невежливость, так как за этим просматривается древний обычай, когда бедуин входил первым в палатку, чтобы убедиться, что там нет засады.

Еще один пример. Кофе арабы будут подливать вам в чашечку, даже если вы уже поблагодарили за него, так как они расце-

нивают отказ как простую скромность. Чтобы ваш отказ был принят, вы должны поставить чашечку на поднос, предварительно покачав ее большим и указательным пальцами.

Это далеко не полный перечень тех трудностей, с которыми сталкивается устный переводчик, которому приходится держать в поле внимания множественные расхождения в культурах двух разноязычных коммуникантов, не допуская, чтобы эти расхождения нарушили взаимопонимание в акте двуязычной коммуникации. Поэтому ему следует заботиться о приобретении лингвострановедческих знаний не в меньшей степени, чем о своей языковой коммуникативной компетенции. Для пополнения этих знаний очень поможет книга известного отечественного арабиста Владимира Эдуардовича Шагаля «Арабский мир: пути познания». Автор собрал ценнейший материал об особенностях ценностных ориентиров арабов и основных принципах их мировоззрения, о семейном укладе жизни в арабских странах, о нравах арабского общества, об этикете, о речевом поведении арабов, о роли ислама в жизни арабского общества и т. д.

Эту книгу следует настойчиво рекомендовать всем начинающим переводчикам.

3. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Проблема языковой ситуации в арабских странах рассматривалась в разделе о стилистическом качестве арабского текста (часть 4, 3, Г, 1). Современный арабский язык представляет собой функционирующую систему, состоящую из четырех подсистем: классический арабский язык (язык Корана), современный АЛЯ, обиходно-разговорный язык со своими подсистемами и территориальные диалекты. Социокультурный аспект переводческого процесса высвечивает явление языковой ситуации, которое обнаруживается не только в тексте, т. е. в результирующей форме деятельности сознания автора, но и в личностных характеристиках автора как представителя определенной лингвосоциокультурной общности людей.

На современном этапе исторического развития Арабского Востока с укреплением государственности и распространением современного уровня СМИ в языковой ситуации все ярче обнаруживает себя фактор регионализма. В рамках отдельного государства формируется своя языковая ситуация, отражая соотношение отмеченных выше подсистем в виде интегрированного конструкта: арабский язык Египта, арабский язык Ливана, арабский язык Ирака и т. д. Целенаправленно в отечественной арабистике формирование данных региональных языковых ситуаций еще не изучалось, несмотря как на настоятельные запросы практики перевода, так и на требования улучшения организации учебных программ на переводческих факультетах.

Глава 6

АЛГОРИТМЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Понятие технологии перевода. Выбор слова при переводе. Десемантизация и сверхсемантизация. Введение дополнительной информации при переводе. Опускание информации. Устойчивые арабские модели словосочетаний. Компенсация потерь при переводе. Нарративные и аффективные тексты. Декодирование смысла. Поиск пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры. Особенности информации, передающейся в нарративных и аффективных текстах. Языковые особенности арабских нарративных и аффективных текстов.

1. ПОНЯТИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕВОДА

В настоящем разделе будут рассмотрены действия переводчика, которые принято относить к так называемой *технологии перевода*. Знание этих действий входит в переводческую компетенцию как необходимый компонент при выработке стратегии профессиональной деятельности. Они предусматривают правильную организацию работы переводчика во всех сферах его деятельности, ее видах и формах, а также на этапе подготовки к переводу, в обеих фазах собственно перевода и после завершения перевода. Сознательные действия, приобретая автоматизм, превращаются в неосознаваемые операции.

В любой творческой профессии есть понятия *школа* и *вдохновение*, *ремесло* и *искусство*. Так и в профессии переводчика различается деятельность, основанная на *когниции* (познавательная деятельность рационального сознания), и деятельность, основанная на *интуиции* (неосознаваемое чутье, тонкое понимание

невербальной сути). Это в полной мере относится и к понятию технологии перевода. С одной стороны, в технологии больше школы и ремесла, но, с другой стороны, в технологии, безусловно, присутствует и интуиция: организуя свою работу, переводчику приходится учитывать такое огромное число факторов, что это делает обязательным подключение чувственного участка сознания. Однако у лучших переводчиков, о которых принято говорить «переводчики от Бога», интуитивная составляющая переводческой деятельности всегда сочетается с мощной когнитивной составляющей.

Рассмотрим действия переводчика по организации своей работы в зависимости: а) от этапа переводческой деятельности, б) от способа перевода, в) от формы перевода и г) от социального заказа. Для большей наглядности представим действия в виде схем.

А. Этапы переводческой деятельности делятся на предпереводческий этап, первая фаза переводческой деятельности, вторая фаза переводческой деятельности, постпереводческий этап.

Схема А.1

Этап переводческой деятельности	Действия переводчика
Предпереводческий этап	Узнать условия работы по месту и времени; по способу перевода; по форме перевода; по наличию технического обеспечения (словарей и необходимой аппаратуры); по оплате работы. Сопоставить полученные данные с уровнем своей переводческой компетенции и желаниями. Согласиться или не согласиться с предложением работы.
Первая фаза переводческой деятельности	Обеспечить для себя чистоту всех каналов информации при приеме текста на исходном языке.

Окончание схемы

Этап переводческой деятельности	Действия переводчика
	Быть предельно внимательным к приему текстовой и фоновой информации. Понять смысл текста как содержание текста в данной речевой ситуации. Понять намерения адресанта.
Вторая фаза переводческой деятельности	Обеспечить лингвосоциокультурное перекодирование информации, воспринятой в первой фазе, используя каналы информации в соответствии с нормой и узусом культуры речевого общения, которые действуют в принимающем перевод этносе. Обеспечить реакции на текст перевода у иноязычного адресата, сопоставимые с реакциями гипотетического адресата, принадлежащего к лингвосоциокультуре адресанта, на которые последний и рассчитывал, создавая текст оригинала. Придать тексту перевода четкую форму.
Постпереводческий этап	Проанализировать проделанную работу. Если потребует заказчик, представить письменный отчет. Восполнить недостаток своих знаний и умений, который выявился в процессе перевода.

Б. По способам перевода различаются художественный перевод и специальный перевод. Эти способы перевода кардинально различаются по требованиям, которые предъявляются к переводческим компетенциям и, в частности, к личностным характеристикам переводчиков. Поэтому мы ограничимся при рассмотре-

нии действий переводчика, связанных с этими способами, только: 1) по различиям предпереводческого этапа и 2) по различиям действий, обусловленными различием требований к конечному результату переводческого процесса.

Схема 1

Действия переводчика на предпереводческом этапе

Художественный перевод	Сопоставить предлагаемый для перевода текст со своими компетенцией и вкусами. В соответствии с этим принять или отклонить заказ на перевод. Ознакомиться с творчеством автора по его произведениям, а также с историей их создания и его жизни. Если автор широко известен по переводам его произведений, познакомиться с переводами. Если автор писал в иную эпоху, познакомиться с условиями жизни в той стране и в той эпохе, о которой шла речь в тексте оригинала.
Специальный перевод	Сопоставить предлагаемый для перевода текст со своей компетенцией. В соответствии с этим принять или отклонить заказ на перевод. Ознакомиться с областью знаний, к которой относится текст перевода. Обеспечить себя справочным материалом. Составить терминологический словарь. Познакомиться с имеющимися переводами на сходную тему.

Схема 2

**Действия переводчика
при перекодировании понятого смысла**

Художественный перевод	Обеспечивать получателю текста перевода получение реакций, сопрягаемых с реакциями, на которые рассчитывал автор исходного произведения. Быть адекватным литературным способностям автора исходного текста. Учитывать различия стилистических стратификаций в контактирующих лингвосоциокультурах.
Специализированный перевод	Обеспечивать получателю текста перевода получение сведений, сообщаемых в тексте оригинала. Использовать терминологическую точность и стилистические предпочтения, характерные для подобных текстов в норме и узусе переводящего языка.

В. Зависимость действий переводчика от формы перевода, как и зависимость действий переводчика от способов перевода, очень сильна. Чтобы владеть приемами перевода в разных его формах, переводчик должен получить специальную дифференцированную подготовку по овладению умениями и навыками, характерными для каждой формы перевода. Об этом говорилось в главе «Перевод как профессия». Поэтому мы снова ограничимся при рассмотрении действий переводчика, связанных с формами перевода, только: 1) различиями действий на предпереводческом этапе и 2) различиями действий, обусловленными различием требований к конечному результату переводческого процесса.

Форма перевода	Предпереводческий этап	Требования к результату переводческого процесса
Зрительно-письменный перевод	Установить источник текста и характерные черты источника. Прочсть весь текст и установить тип текста. Определить главную коммуникативную цель автора текста. Выбрать речевой регистр будущего текста перевода.	Высокая степень адекватности при перекодировании основной и фоновой информации текста оригинала. Четкость графического оформления текста перевода.
Зрительно-устный перевод	Узнать, сколько времени дается на подготовку к переводу. Просмотреть текст в рамках отпущенного времени. Настроиться на перевод.	Обеспечивать достаточно высокую степень адекватности. Выдерживать ровный темп речи. Начав предложение, заканчивать его, даже если в сознании возникает иная, более удачная форма. Допустим, перифраз, если это вызвано требованием сохранения темпа речи. Обеспечивать четкость и внятность оформления устного перевода.
Письменный перевод на слух	По возможности обеспечить замедленный темп звучания текста оригинала. Подготовить технические средства для записи текста перевода.	Сохранять существенную информацию текста оригинала. Не нарушать письменной нормы языка перевода.
Абзацно-фразовый перевод	Психологически настроиться на восприятие и запоминание ключевой информации.	Обеспечивать полноту передаваемой ключевой информации.

Продолжение таблицы

Форма перевода	Предпереводческий этап	Требования к результату переводческого процесса
Последовательный перевод с записями	Повторить основные положения системы записей. По возможности узнать тему предстоящего перевода. Если текст касается каких-то политических событий, уточнить события и их оценки, даваемые в прессе. Обеспечить условия записи опорных пунктов текста оригинала.	Обеспечивать полноту и точность переданной в тексте перевода информации. Допустим, перифраз, если это вызвано требованием сохранения ровного темпа речи. Использовать нейтральный стиль речи. Обеспечивать четкость и внятность произнесения текста перевода.
Двусторонний перевод	Узнать участников и тему предстоящих переговоров. Узнать взгляды участвующих сторон к теме переговоров. Определить место проведения переговоров и место нахождения переводчика. Обеспечить себя средствами для возможной записи отдельных фактов текста оригинала.	Обеспечивать течение разноязычного общения, приближенное к ходу обычной одноязычной беседы. Широко использовать свернутые описания ситуации. Выдерживать высокий темп речи. Поддерживать или по возможности создавать нейтральную или доброжелательную атмосферу, в которой проходят переговоры. Обеспечивать четкость и внятность произнесения текстов перевода.

Окончание таблицы

Форма перевода	Предпереводческий этап	Требования к результату переводческого процесса
Синхронный перевод	Узнать технические условия перевода. Узнать тему текста оригинала. Собрать всю возможную информацию по теме. Подготовиться к лексическому обеспечению перевода по данной теме. Познакомиться со своим будущим местом работы и с аппаратурой.	Обеспечивать ровный темп непрерывного поступления текста перевода к адресатам. Обеспечивать реакции адресатов на текст перевода, сходные с реакциями, которые ожидалось адресантом. Выдерживать высокий темп речи.
Перевод радиопередач	Обеспечить свое знание стилей радиопередач на обоих языках. Обеспечить свое знание наиболее частых тем в новостных передачах последнего времени. Обеспечить свое знание структур и языкового обеспечения других радиопередач.	Обеспечивать высокий темп речи. Использовать короткие фразы, содержащие главным образом ключевую информацию. Обеспечивать четкость и внятность произнесения текстов перевода.
Перевод телефонного разговора	Повторить узуальные формы общения по телефону, принятые в обеих лингвосоциокультурах. Узнать будущих участников телефонного разговора. По возможности узнать, о чем предстоит разговор.	Обеспечивать взаимное понимание между участниками разговора. Допустим, переход от перевода на гетерокультурное переводческое посредничество.

2. ВЫБОР СЛОВА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В этой части главы будут рассмотрены некоторые приемы перевода в свете тех особенностей, которые связаны с конкретной парой контактирующих лингвосоциокультур — арабской и русской. Из всех приемов избраны приемы действий переводчика при работе со словом, поскольку в формировании смысла слову принадлежит исключительная роль.

1. Десемантизация и сверхсемантизация

Слово в тексте — элемент целого и может быть переведено только как элемент целого, а не как самостоятельная единица. Этим целым является *система текста* и *надсистема двуязычного межкультурного общения* в конкретной речевой ситуации этого общения. Текст является лишь одним из элементов этой надсистемы. Не усвоив этого двойного подчинения, в котором всегда оказывается слово, переводчик не сможет определить истинное значение слова в тексте оригинала и не сможет определить стратегию перекодирования этого значения в тексте перевода. При этом следует помнить, что чем богаче семантика слова, тем в большей степени слово подвергается влиянию контекста употребления.

В определенном контексте в слове может реализовываться то значение, которое в двуязычном словаре имеет зафиксированное постоянное соответствие (или те значения, которые отмечены для многозначного слова). В этом случае действие переводчика сводится к простой подстановке уже имеющегося соответствия в текст перевода. Однако контекст может существенно повлиять на значение слова. Это влияние может иметь двойкий результат.

Оно может ослаблять семантическую функцию слова, лишая его возможности реализовывать одни семы и оставляя за ним только реализацию менее значимых сем. Чаще всего речь идет об утрате денотативных сем и сохранении сем синтаксического аспекта значения. Ослабление семантической функции слова под влиянием контекста будем называть *десемантизацией*.

С другой стороны, под влиянием контекста семантика слова может обогащаться, в слове могут выявляться скрытые потенциальные семы значения, что объективно означает развитие семантики слова. Вместе с тем влияние контекста может кардинально изменить семантическую функцию слова, которая сохраняется только в рамках данного текста или в условиях данного двуязычного межкультурного общения. Такой вид изменения семантической функции слова под влиянием контекста будем называть *сверхсемантизацией*.

Степень влияния контекста можно графически представить в виде следующей схемы:

Схема 1

Горизонтальная линия есть сумма точек, каждая из которых изображает степень влияния контекста на выбор слова. Она соединяет две полярно противоположные точки наибольшего влияния контекста: точку, в которой слово почти полностью утрачивает свое словарное значение, сохраняя малозначимые семы, чаще грамматического или фоносемантического характера (точка А), и точку, в которой слово под влиянием контекста приобретает особую или дополнительную значимость (точка В). В первом случае речь идет о *десемантизации*, а во втором — о контексту-

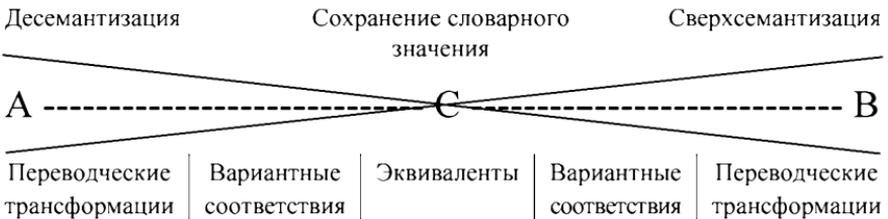
альном обогащении или полном изменении семантики слова за счет той конкретной ситуации, которая описывается в тексте, о *сверхсемантизации*.

Между этими полюсами — десемантизацией и сверхсемантизацией — лежат области уменьшения влияния контекста, которые в центре сходятся к точке сохранения за словом значения, зафиксированного в словаре (точка С).

В зависимости от степени влияния контекста на слово переводчик либо использует словарные соответствия (средства микроперевода), либо ищет окказиональные контекстуальные решения (средства макроперевода). Графически это можно представить в виде следующей схемы:

Схема 2

Исходный текст

Переводной текст

Ярким примером ослабления или утраты в контексте самостоятельного денотативного значения, *десемантизации*, может служить арабский глагол **أتى** (1. идти, *приходить*; 2. следовать; *совершать, делать что-л. (вин. п. или ب)*; 4. *приводить; приносить (кого-л. ب)*; 5. *уничтожать, губить (что على)*; 6. *закончить, исчерпать (что على)*). Употребления глагола **أتى** в одном из перечисленных значений встречаются, чаще в значениях 4, 5 и 6, реже — в значениях 1 и 2. Например:

النيل له سحره الخاص يأتي من المجهول و يذهب الى المجهول

— *Волшебен Нил: он приходит из неведомого и уходит в неведомое.* Однако гораздо чаще, особенно в информационных текстах, денотативный аспект его значения ослабевает, а на первый план выступает сема грамматического значения глагольности.

Утрачивая денотативную значимость, глагол **أتى** приближается к разряду вспомогательных глаголов и приобретает способность соединяться в предложении с большим числом качественно разнообразных имен-субъектов: **زيارة** — *визит*; **إجتماع** — *встреча*; **حياة** — *жизнь*; **تلوث** — *загрязнение (окружающей среды)*; **قرار** — *решение*; **تحقيق** — *расследование*; **دولة** — *государство* и т. д. Такая ситуативная поливалентность заставляет переводчика выбирать нужное соответствие для этого глагола, опираясь на ситуацию, описанную в высказывании, и на русскую норму сочетаемости. Например:

— **و تأتي زيارة الرئيس المصري لباريس التي تستغرق يوما واحدا في بداية جولته التي تستغرق 9 أيام يزور خلالها كلا من فرنسا والولايات المتحدة**

— *Однодневным визитом в Париж президент Египта начинает (начнет, начал) свою девятидневную поездку, во время которой он посетит Францию и Соединенные Штаты.*

— **ومما يسبب التلوث في الأمطار ثاني أكسيد الكربون الذي يأتي من الوقود المتحجر الذي تستخدمه محطات الطاقة والمصانع و أيضا أكسيدات النيتروجين والناجمة عن عادم السيارات**

— *Отравление осадков происходит за счет двуокиси углерода, которую выбрасывают в атмосферу предприятия и тепловые электростанции, работающие на твердом топливе, а также за счет окиси азота, содержащейся в выхлопных газах автомашин.*

— إن الحياة الناجحة حقا تأتي من قناعة الإنسان بعمله ورضاه

— По-настоящему полная жизнь складывается в том случае, если человек увлечен и удовлетворен своей работой.

Не менее ярким примером изменения словарного значения арабского слова при переводе под влиянием контекста может служить глагол **تحرك** и его масдар **تحرك**. Однако если в примерах с глаголом **أتى** контекст уменьшал значимость денотативных сем и сохранял за этим арабским глаголом передачу лишь грамматических значений времени и вида, то в примере со словом **تحرك** происходит обратное: контекст, соединяя слово с конкретной ситуацией, *обогащает* его семантическую значимость в предложении, позволяя переводчику лучше представить себе то семантическое пространство, которое покрывается этим словом в сознании носителя арабского языка. В этом случае переводчик использует прием *конкретизации*, который вообще характерен для перевода арабских лексем с широким объемом значения. Глаголом **تحرك** обозначается движение в самом общем виде. Антонимами для этого глагола, по данным толковых и специальных словарей, являются глаголы **سكن** (1. *быть тихим, спокойным*; 2. *утихать, успокаиваться*) и **تجمد** (*застывать, затвердевать*). Антонимами для масдара **تحرك** являются масдар **سكون** (*покой, спокойствие; тишина*) и масдар 1) **جمود**. *неподвижность, косность, застой*; 2. *безжизненность*; 3. *твердость, крепость*).

В двуязычных словарях глагол **تحرك** имеет соответствия *приходить в движение, трогаться; двигаться; шевелиться; проявлять активность*. Однако указанные соответствия не могут конкретизировать все возможные виды движения и отразить ту высокую ситуативную поливалентность, которая отмечена в речи для этого арабского глагола. В речи он может сочетаться с практически неограниченным числом имен, как одушевленных (**قادة** *руководители, руководство*; **رجل** *человек*), так и неодушевленных. Среди имен неодушевленных встречаются как

активные деятели (دولة *государство*; القوات المسلحة *вооруженные силы*), так и инактивные (دكك *скамейки*; موقف *позиция*) и имена, обозначающие абстрактные понятия (ثروة *богатство*). Такая свобода сочетаемости ведет к тому, что с помощью تحرك описывается множество различных ситуаций, в том числе и таких, которые в русском тексте требуют выделения большего числа семантических признаков, чем их содержится в арабском слове. Как и в случае десемантизации, переводчик должен подбирать соответствие, опираясь на ситуацию, описанную в высказывании, и на русскую норму сочетаемости. Например:

— تتناول المباحثات التحرك السياسي والعلاقات الثنائية بين مصر وعمان

— Переговоры затронут предстоящие политические действия и двусторонние отношения между Египтом и Оманом.

— إن الأحداث كانت تتحرك ببالغ السرعة

— События развивались стремительно.

— تحركت في نفسه بوادر الاحتجاج

— В душе его заговорило возмущение.

— كانت دماء شعبي تتحرك في شراييني

— В моих жилах текла кровь моего народа.

Приведем еще один пример сверхсистематизации. Глагол عمل с предлогом على — высокочастотная языковая единица с широким денотативным значением *работать над чем-л., прилагать усилия для достижения чего-л., какого-л. желаемого результата*. Число объектов, на которые переходит действие этого глагола, практически не ограничено.

Выбор соответствия для перевода глагола *عمل على* и его масдара *عمل* определяется двумя факторами. Во-первых, следует найти русское соответствие для обозначения объекта действия. Так, в словосочетании *عمل على تمديد أجل الاتفاق* слово *تمديد* соответствует словарному значению *продление*. Следующим действием переводчика будет поиск русского глагола для перевода глагола *عمل*, который отражал бы описываемую в рамках текста реальную ситуацию и нормативно сочетался со словом *продление*. Таким глаголом может стать глагол *выступать за что-либо*. В результате арабское словосочетание может получить перевод *выступать за продление срока соглашения*.

Во-вторых, немаловажную роль играет активность // инактивность субъекта действия, употребленного с данным глаголом. Если субъектом выступает слово, обозначающее инактивного деятеля, например такие слова, как *اتفاق* *соглашение*, *إجراءات* *меры* и т. п., то в русском соответствии для глагола *عمل* следует добавлять показатель субъективной модальности. Например, арабское сообщение *إن عقد هذا الاتفاق يعمل على زيادة حجم التبادل التجاري* в зависимости от тональности текста может быть переведено с различной степенью категоричности субъективной модальности: *Заключение этого соглашения будет (может, сможет, должно будет) способствовать увеличению торгового обмена*.

Осознание контекстуальной сверхсемантизации часто необходимо и при выборе соответствия для перевода арабского масдара *إتصال*. Например, в следующем сообщении определить правильное русское соответствие можно только в том случае, если знать, что министр иностранных дел Египта находился в это время в своей стране, а глава египетской делегации — в США.

جرى أمس أكثر من إتصال تليفوني بين وزير الخارجية
لمصر ورئيس الوفد المصري للامم المتحدة الذي عرض على
وزير الخارجية تقريراً شفافاً عن الاتصالات التي أجراها مع
سكرتير الامم المتحدة في اليوم السابق

Вчера министр иностранных дел несколько раз связывался по телефону с главой египетской делегации в ООН, который дал ему устный отчет о своих переговорах с секретарем ООН, которые происходили накануне.

Другие примеры:

— *و علم أن المدن المرشحة للمؤامة مدعوة للاتصال بالاتحاد الدولي لمدن التواؤم قبل نهاية شهر كانون الثاني الحالي لكي تدرس مقترحاتها بمناسبة هذه الزيارة.*

Известно, что города, которые собираются стать городами-побратимами, получили приглашения связаться до конца января с Всемирной ассоциацией породненных городов, с тем чтобы обсудить свои предложения в связи с этим визитом.

— *أعلن الملك الاردني أنه على اتصال دائم بالرئيس المصري.*

Король Иордании заявил, что он постоянно находится на связи с египетским президентом.

و ضمت مجموعة الاتصال الممثلين الدائمين في الأمم المتحدة بكل من يوغوسлавيا و الهند و سري لانكا و هويانا و كوبا و الجزائر.

Контактная группа состояла из постоянных представителей в ООН от Югославии, Индии, Шри-Ланки, Гвианы, Кубы и Алжира.

Почти во всех приведенных выше примерах десемантизация и сверхсемантизация слова определялись контекстом в рамках отдельных высказываний в тексте. Гораздо сложнее найти нужное переводческое решение, когда на слово влияет не только система текста, но и надсистема межкультурного общения. Ниже будут рассмотрены приемы перевода под углом зрения контекстуальных влияний на выбор переводческой стратегии.

2. Введение дополнительной информации при переводе

Дополнительная информация (по Миньяру-Белоручеву) предполагает присутствие в тексте перевода лексем, значение которых восполняют для иноязычного адресата недостаток его интеллектуальной информированности. Эта информированность может касаться как а) объекта обозначения, так и б) фоновых признаков языкового кодирования объекта в конкретном тексте.

А. Объект обозначения в арабском тексте может относиться к *национальным реалиям* жизни, неизвестным русскому адресату. Например, в романе Нагиба Махфуза *المرايا* «Зеркала» профессор в диалоге с молодым журналистом, который утверждает, что молодежь не интересуется религией, возражает ему: *ولكن أعلم أن الدولة تهتم بتدريسه وتشرط النجاح فيه؟* (букв.: Но я знаю, что государство заботится об обучении ей и обуславливает успех в ней). Переводчики В. и С. Кирпиченко вводят существенные изменения в информативное содержание реплики, дополняя его сведениями о жизни египетского общества, неизвестными русскому читателю: *Но ведь, как известно, государство считает, что преподавание религии в школе должно быть обязательным, и высокий балл по этому предмету — необходимое условие для получения аттестата?* Этот пример — яркая иллюстрация того, как переводчики поняли влияние контекста на семантику слов *تدريس* и *نجاح* и как сумели использовать явление сверхсемантизации для выбора своей стратегии и применения нужного приема.

Б. Как говорилось во многих предшествующих главах книги, языковое кодирование объекта в конкретном тексте может содержать *фоновые признаки как лингвистического, так и экстралингвистического характера*. Эти признаки существенно влияют на стилистические и оценочные качества арабского текста, которые следует сохранять в переводе.

Прежде всего это касается фоновых значений инварианта корня. Так, в значении глагола *تعثر* *спотыкаться* содержится признак *неожиданность*, который реализуется в значениях всех словоформ, образованных от данного корня {ع ث ر}. В тексте, автор которого анализирует результаты израильского вторжения в Ливан, этот признак придает дополнительный иронический обертон авторской оценке стратегии ближневосточной политики США. Кроме того, при переводе потребовалось учитывать информацию о реальной ситуации того времени. В результате перевод отрывка из этого же арабского текста

إن غزو لبنان لم يحقق للصهاينة لا النجاح العسكري ولا السياسي, كما إن سياسة الولايات المتحدة في الشرق الأوسط تعثرت في جبال لبنان

(Букв.: Поистине, вторжение в Ливан не осуществило для сионистов ни военного, ни политического успеха, так же как, поистине, политика Соединенных Штатов на Ближнем Востоке споткнулась в горах Ливана.)

получил следующий вид: *Вторжение в Ливан не принесло израильтянам ни военных, ни политических успехов, а ближневосточные американские стратеги провалились, неожиданно столкнувшись с ожесточенным сопротивлением в Горном Ливане.*

В данном примере явление сверхсемантической привело не только к тому, что был переведен словом *неожиданно* семантический признак, который обычно остается при переводе слова *تعثر* не выраженным эксплицитно, но и к тому, что в текст перевода была введена дополнительная информация.

Дополнительная информация часто бывает необходимой, когда в арабском тексте появляется слово с определенным артиклем подразумевания. Как известно, с помощью этого артикля автор как бы напоминает о том, что данное событие или предмет читателю уже известен из прошлого опыта. Переводчику, особенно начинающему, часто трудно как распознать артикль

подразумевания, так и суметь передать его значение в тексте перевода.

Следует помнить, что главным смысловым помощником для определения функции определенного артикля подразумевания является контекст абзаца, или контекст всей статьи, или контекст дотекстовой информации. Формальным помощником для того, чтобы распознать данную функцию, является то, что определенный артикль подразумевания появляется при слове, упомянутом в тексте впервые, что как бы нарушает одно из основных правил употребления определенного артикля.

В этом случае при переводе происходит замена арабского грамматического средства (артикль) русскими лексическими средствами, давая контекстуальное истолкование значения грамматического средства. Так, слово *المنظمة* с определенным артиклем подразумевания в разных контекстах может быть переведено приемом конкретизации как *ООН*, или *ОАЕ*, или *ООП*. Иногда же требуется использовать не только прием конкретизации, но и ввести значительную дополнительную информацию. Например, слово *المفاوضات* с определенным артиклем подразумевания, появившееся в тексте о приезде в США министров иностранных дел Израиля и Ливана для встречи с госсекретарем, было переведено с введением дополнительной информации о реальной ситуации того времени как *переговоры, проходящие сейчас в Ливане под эгидой США*.

Прием дополнения часто используется и при переводе арабского слова с неопределенным артиклем в тех случаях, когда употребление этого артикля имеет не только грамматическую, но и коммуникативную значимость. Эта значимость передается такими русскими лексическими средствами, как *один из...*, *некий*, *определенный* и т. п. Например:

- *في خطاب له* — в одной из своих речей,
- *توصل إلى تفاهم* — добиться определенного взаимопонимания,
- *أول زيارة وزير للخارجية لليونان إلى هذه البلاد* — первый визит, совершаемый когда-либо министрами иностранных дел Греции в эту страну.

3. Опускание информации при переводе

Опускание информации допускается, если значение элемента системы арабского текста является семантически избыточным, т. е. передает информацию, которая может быть извлечена из текста без его помощи. Применяв прием опускания, переводчик сокращает число номинативных единиц исходного текста, которые могли бы быть переведены, но в этом случае их перевод нарушил бы норму или узус языка перевода. Этот прием может применяться, если:

а) лексемы арабского текста передают *дополнительную* информацию (по Миньяру-Белоручеву), излишнюю для интеллектуальной информированности русского адресата;

б) лексемы арабского текста передают *повторную* информацию, сохранение которой в тексте перевода нарушило бы стилистическую норму русского дискурса;

в) структуры арабского текста в *пропозиции* (развернуто в речевых знаках) передают информацию, которая в русском переводе в соответствии с особенностями национального вербального мышления должна быть передана в *пресуппозиции* (само собой разумеющееся).

В главах, касающихся референции, текста и социокультурных особенностей, приводятся множественные иллюстративные примеры, где вы найдете случаи, когда профессиональные переводчики успешно пользовались приемом опускания информации.

Использование приема опускания информации связано с явлением десемантизации. Как и в случае использования приема введения дополнительной информации, этот прием относится к когнитивно-сенсорной деятельности сознания.

4. Устойчивые модели арабских словосочетаний

В арабском тексте встречаются синтаксические модели, имеющие особую национальную специфичность, которая осо-

бенно затрудняет начинающего переводчика. Рассмотрим две модели.

Первая модель такого рода строится из: 1) глагола с каузативным значением или строевого глагола бытия, становления и т. п., 2) объекта действия глагола, 3) имени места (часто от того же корня, что и глагол) и 4) масдара другого глагола. Буквально модель переводится как «Положить что-л. в место какого-либо действия или состояния объекта». Например: وضع الاتفاق موضع التنفيذ — *Ввести соглашение в действие* (букв.: Положить соглашение в положение исполнения). Разнообразие лексического наполнения модели может затруднить как понимание смысла, так и поиск лексических соответствий при перекодировании.

Проиллюстрируем использование данной модели в современных текстах и ее переводы.

— وذكرت مصادر عليمة أن الزعيمين قد يعملان على وضع اقتراح باكستاني سابق بتوقيع معاهدة عدم اعتداء وكذلك اقتراح هندي بتوقيع وثيقة السلام والصداقة بينهما موضع البحث.

(Букв.: Упомянули знающие источники, что эти два руководителя работают над положением прошлого пакистанского предложения о подписании договора ненападения и также индийского предложения о подписании документа мира и дружбы между ними в положение обсуждения.)

По сообщению, полученному из некоторых осведомленных источников, эти руководители, вероятно, постараются поставить на обсуждение старое предложение Пакистана подписать договор о ненападении, а также предложение Индии подписать Декларацию о мире и дружбе между ними.

— أجمعت المصادر العربية على أن هذا الباب لا يزال موضع جدل في سير مناقشة أبواب المعاهدة

(Букв.: Согласились арабские источники, что эта статья не прекращает положения спора в ходе обсуждения статей договора.)

По единодушному мнению арабских источников, в ходе обсуждения статей договора эта статья остается предметом спора.

احتلت قضية اللاجئين العرب الفلسطينيين مكان الصدارة على الصعيد الإنساني

— *Проблема палестинских беженцев заняла центральное место среди гуманитарных проблем.*

Другим оборотом подобного рода является оборот *من شأنه...* (букв.: Из дела его...). Этот оборот связывает в тексте два явления или события, первое из которых ведет ко второму. Однако в результативности имплицитно присутствуют семы субъективной модальности — долженствования, возможности или желательности.

В зависимости от контекста ситуации одна из вышеназванных сем подчеркивается. В этом случае оборот *من شأنه...* переводится соответственно:

русскими оборотами долженствования (*Он должен будет привести к...*),

русскими оборотами возможности (*Он сможет привести...*) или

русскими оборотами с глаголом прошедшего времени сослагательного наклонения и частицей бы (*..., что вело бы к...*).

Например:

ويكلف الرئيس الحكومة بمواصلة النهج نحو ضمان أمن الدولة و حلفائها و مواصلة القيام بالخطوات -اللازمة التي من شأنها - باعتبار الظروف القائمة - أن تؤدي الى تبديل الوضع الدولي نحو الأحسن.

Президент поручает правительству продолжать линию на обеспечение безопасности государства и его союзников, осуществление и впредь необходимых шагов, которые, с учетом

складывающихся обстоятельств, вели бы к изменению международной обстановки в лучшую сторону.

إن الإجراءات الجزئية الاقليمية للحد من الوسائل الكيماوية وتخفيضها وإتلافها من شأنها أن تمس مقارنة مع الإجراءات العالمية النطاق عددا أقل من الدول.

Частичные меры регионального характера по ограничению, сокращению и ликвидации химических средств затрагивали бы по сравнению с мерами глобального порядка меньшее число государств.

Особое место среди национально маркированных словосочетаний принадлежит копулятивным синонимам.

3. ПРИЕМ КОМПЕНСАЦИИ ПОТЕРЬ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Более сложным приемом, чем рассмотренные выше, является так называемый прием компенсации потерь при переводе, поскольку его использование связано с сопоставительным знанием *качеств (категорий) текста*, особенно оценочных и стилистических категорий. Если при выборе слова переводчик решает *частные* переводческие задачи и поиск соответствий в этих случаях осуществляется над отдельными элементами текста в пределах высказывания, то прием компенсации иллюстрирует решение *более трудных* переводческих задач и может осуществляться как в пределах высказывания, так и с выходом за его пределы.

В Толковом переводческом словаре термин *компенсация* имеет 5 дефиниций, из которых самый общий характер имеет определение компенсации как *замены непередаваемого потерянного элемента элементом иного порядка*. В других дефинициях этот прием характеризуется как наиболее сложный из приемов достижения адекватности, и при этом подчеркивается стилистическая природа причин, вызывающих его применение.

В переводе арабских текстов прием компенсации применяется постоянно, что отличает использование этого приема при переводе европейских текстов, где применение компенсации носит спорадический характер. Это связано с теми особенностями вербального мышления арабофонов, о которых шла речь в предыдущих разделах книги.

Проиллюстрируем использование переводчиком приема компенсации на примере сохранения фоновых значений одной арабской метафоры, а именно случаев, когда арабские адресанты в газетных публикациях обращаются к образам, связанным с дето-

рождением. Автор одного из текстов, комментируя итоги прошедшей конференции глав арабских стран, использует лексемы *مخاض* — родовые схватки и *عقيمة* — бесплодная женщина. Переводчик, понимая невозможность прямых соответствий, отказывается от метафор и в тексте перевода заменяет их смысловым перифразом — *трудный подготовительный этап* и *неконструктивные выступления ораторов*. Однако, желая сохранить пафосный тон комментария и использовать авторскую метафору без нарушения этической нормы русского языка, переводчик выносит в заголовок русскую поговорку — *Гора родила мышь*. В другом тексте, но уже информационного характера, был использован глагол, образованный от того же корня — *تمخض*. В этом случае переводчик сохранил не образ, а только его признаки: *نهتم أن يتمخض اللقاء عن نتيجة حقيقية* — *Мы хотим, чтобы встреча дала хоть какой-нибудь реальный результат, как бы трудно и тяжело это ни было*.

Чтобы осуществлять прием компенсации, переводчик должен добавить к глубоким и всесторонним знаниям *интуицию*, которая интегрирует когницию и чувства, и тем самым выйти за пределы знания *школы* переводческой компетенции.

4. ПЕРЕВОД НАРРАТИВНЫХ И АФФЕКТИВНЫХ ТЕКСТОВ

В этом разделе мы комплексно рассмотрим действия и операции переводчика при работе с типами текстов, различающимися по коммуникативному заданию адресанта, т. е. по той цели, которую адресант ставит перед собой, вступая в речевое общение с адресатом.

Как известно, высказывание может содержать простое изложение событий. Такие высказывания принято называть **нарративными**. Нарративные высказывания подразделяются на высказывания *повествовательные* и высказывания *описательные*. В повествовательных высказываниях наблюдаемые или осмысляемые адресантом события излагаются в *динамике*, в описательных — в *статике*. Главной целью нарративных высказываний является информирование адресата о неких событиях или фактах, которые известны адресанту.

Наряду с нарративными существуют высказывания, цель которых состоит в том, чтобы:

а) либо сформировать у адресата некое новое для него понятие или изменить понятие, сложившееся у адресата ранее (генеритивный регистр речи — по Г. А. Золотовой);

б) либо побудить адресата к действию, чтобы внести изменение в ситуацию (волюнтативный регистр речи);

в) либо выразить оценочную реакцию на ситуацию (реактивный регистр речи). Такие высказывания рассчитаны на то, чтобы вызвать у адресата определенную реакцию, нужную адресанту, воздействовать не только на рациональную, но и на чувственную область сознания, и такие высказывания мы будем квалифицировать как **аффективные**.

В текстах перечисленные разновидности высказываний могут переплетаться, создавая сложную смысловую палитру и позволяя

адресанту решать ту неречевую задачу, которую он ставил перед собой до порождения текста. Особенно этим отличаются тексты художественной литературы. Однако для большинства текстов доминирующим оказывается какой-либо один тип высказывания, что позволяет квалифицировать текст по этому доминирующему типу высказывания как повествовательный текст, описательный текст, аффективный текст.

К нарративным текстам повествовательного типа относятся тексты, в которых рассказывается о событиях общественно-политической жизни общества, тексты криминальной хроники и т. п. Примерами нарративного описательного текста могут послужить тексты рекламных буклетов, монологическая речь экскурсовода на выставке картин и т. п. К аффективным текстам относятся редакционные статьи, международные комментарии и комментарии на внутренние темы, ораторские выступления, эссе, фельетоны и т. п.

Переводческие действия и операции при работе с текстами указанных типов имеют существенные отличия по параметрам:

а) декодирование смысла и поиск пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры;

б) учет особенностей информации, передающейся в нарративных и аффективных текстах;

в) учет языковых особенностей арабских нарративных и аффективных текстов.

Рассмотрим эти положения на примере анализа переводческих действий и операций, которые должны производиться при работе с двумя конкретными типами текстов — текстом уголовной хроники и текстом публицистической статьи — при зрительно-письменном переводе.

Алгоритм переводческих действий при зрительно-письменном переводе включает:

а) *предпереводческие действия* (установление типа текста, определение коммуникативной цели автора текста, выбор речевого регистра для будущего перекодирования информации средствами русского языка);

б) *переводческие действия 1-й фазы*, которые делятся:

- на понимание содержания текста (определение актуализированных значений языковых и речевых знаков, усвоение синтаксических связей между частями текста для создания образа референтной ситуации) и
- на реконструкцию интенционального смысла (интегрирование образа референтной ситуации с учетом выявленной фоновой информации, которая может скрываться за теми или иными языковыми знаками, определение главных речематических центров актуального членения в рамках всего текста для создания инвариантного образа текста, «отмысленного» от языкового выражения);

в) *переводческие действия 2-й фазы*, целью которых является создание текста адекватного перевода с допустимой степенью эквивалентности. Эти действия включают:

- этап создания чернового перевода;
- этап контрольного сопоставления текста перевода с текстом оригинала;
- этап окончательной стилистической отделки законченного текста перевода.

В ниже приведенных примерах анализируются только предпереводческие действия и переводческие действия первой фазы. Переводческие действия второй фазы представлены в результирующей форме — в виде законченных текстов перевода.

А. Алгоритм переводческих действий при переводе нарративного текста — текста уголовной хроники

مجهولون اختطفوا طائرة كويتية و 160 راكبا الى طهران

الخاطفون قتلوا راكبين بإطلاق النار

طهران – الكويت – اختطفت طائرة كويتية من طراز إيرباص كانت في رحلة بين دبي وكراتشي و على متنها 160

راكبا وهبط بها خاطفوها الذين يتردد أن عددهم بين 4 و 6 في مطار مهربان الإيراني. و بقيت هوية الخاطفين مجهولة عرف أنهم قتلوا أحد الركاب و أصابوا راكبا ثانيا بجروح تردد في وقت لاحق أنه توفي.

و بين الركاب و معظمهم من الجنسية الباكستانية 4 دبلوماسيين كويتيين. وكانت الطائرة الكويتية من طراز إيرباص قد هبطت في إيران بعد دوامة أثناء ليل أول أمس استمرت بضع ساعات بعد إقلاعها من دبي في رحلة الى باكستان و بعد أن أبلغ قائدها باللاسلكي سلطات مطار مهرباد أن وقود الطائرة على وشك الانتهاء. و قال المتحدث باسم السفارة الكويتية في طهران إن وزارة الخارجية أبلغتها أن الطائرة هبطت في مطار مهرباد في الساعة 2,30 بتوقيت غرينفثش و أن من المعتقد أن خاطفيها خمسة أشخاص. وذكرت وكالة الأنباء الإيرانية أن طائرة إيرانية مقاتلة انطلقت لاعتراضها. و نسبت الوكالة الى المتحدث باسم وزارة الخارجية الإيرانية قوله إن الطيار اتصل اتصالا لاسلكيا قال إن الخاطفين هددوا بنسف الطائرة ما لم يسمح لها بالهبوط في طهران و تم إبلاغه أن جميع المطارات الإيرانية مغلقة أمام الطائرة فعاد الى الاتصال بعد ساعتين ليقول إن وقود الطائرة أوشك على النفاذ. وقد عقدت الحكومة الكويتية اجتماعا استثنائيا لمتابعة تطورات عملية الاختطاف وأبقت اجتماعاتها مفتوحة و استدعت القائم بالأعمال الإيرانية في الكويت حيث أبلغه راشد الراشد وكيل وزارة الخارجية ضرورة العمل من أجل الإفراج عن الركاب.

ووجه الشيخ العبد الله الصباح برقية الى رئيس الوزراء الإيراني طالبا تدخله بصورة مستعجلة لضمان الإفراج عن الركاب والطائرة. في طهران لم يعلن عن مطالب الخاطفين و كل ما ذكرته السلطات الإيرانية أن الخاطفين يطالبون بمترجم

وأعلن مصدر كويتي أن الخاطفين طالبوا بالإفراج عن المتهمين بتفجيرات كانون الأول الماضي في الكويت. و فيما يتعلق بمصرع أحد الركاب الذي ذكر أنه بريطاني الجنسية قال شهود عيان إن الخاطفين اقتادوا هذا الراكب حتى سلم الطائرة رافعا ذراعيه بينما سدد أحدهم فوهة مسدسه نحو رقبة الراكب من الخلف ثم أطلق النار عليه وألقاه على الأرض أسفل الطائرة و استمر في إطلاق الرصاص عليه. من جهة أخرى قال مصدر موثوق به في مطار العاصمة الإيرانية إن راكبا ثانيا من ركاب الطائرة قد مات متأثرا بالجروح التي أصيب بها أثناء إطلاق النار داخل الطائرة. "النداء"

1. Декодирование смысла. Поиск пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры.

Декодирование смысла информационных текстов заключается главным образом в анализе собственно содержательной структуры текста. Поэтому правильность восприятия обеспечивается уже тем, насколько корректно переводчик понял актуализированные значения языковых единиц и их соединений.

В предпереводческой фазе своей деятельности переводчик должен установить:

- а) тип текста,
- б) намерение автора, коммуникативное задание,
- в) речевые регистры, которые он будет использовать во второй фазе своей деятельности.

От качества предпереводческой работы будет во многом зависеть успех принимаемых переводческих решений во второй фазе деятельности — при создании текста перевода. Для данного текста ответы на эти вопросы можно сформулировать следующим образом.

1) Установление типа текста. Текст целиком состоит из нарративных высказываний, большинство которых являются повест-

вовательными, меньшая часть — описательными. Следовательно, он относится к нарративному типу текстов.

2) Установление коммуникативного задания. Целью автора статьи является передача конкретной информации о событиях.

3) Установление речевых регистров. Общая тональность текста нейтральная.

В первой фазе переводческой деятельности переводчик ус-танавливает:

а) актуализированные значения отдельных знаков и их соединений,

б) фоновые значения.

Для данного текста ответы на эти вопросы будут следующими.

1) Установление актуализированных значений отдельных знаков и их соединений. В тексте нет знаков, чьи актуализированные значения выходили бы за границу частотных соответствий, зафиксированных в двуязычном словаре.

2) Установление фоновых значений. Фоновые значения, связанные со знанием географических пунктов, упоминающихся в тексте, не имеют коммуникативной значимости, а поэтому их не потребуется эксплицировать при переводе. Не следует эксплицировать и фоновое значение о взрывах, которые происходили в декабре, поскольку эта информация не имеет значения для данного текста. Русскому получателю достаточно информации о том, что угонщики требуют освобождения каких-то ранее осужденных террористов.

2. Лексические и стилистические особенности нарративных текстов.

Как правило, в подобных текстах *содержится конкретная информация и почти или полностью отсутствует фоновая информация, рассчитанная на интерпретацию.* С этой стороны арабский текст не отличается от русского информативного текста.

Однако в арабском информационном тексте, как правило, *содержится много информационно повторов* (повторяющаяся информация — по Миньяру-Белоручеву), *а также могут встре-*

чатся информационные дополнения (дополнительная информация), экспликация которых в русском тексте будет восприниматься как нарушение данного функционального стиля. Избыточную повторяющуюся информацию следует просто опускать, избыточную дополнительную информацию — не актуализировать в знаках, а сохранять в виде информации фоновой.

Особую трудность при восприятии арабских повествовательных текстов может создавать также *последовательность, в которой события располагаются на временной оси*. Рассказывая о событиях, адресант, как арабский, так и русский, использует одну из наиболее распространенных моделей размещения событий на временной оси текста:

1) порядок сообщений отражает реальную динамику развития событий — изложение начинается с самого отдаленного во времени момента и заканчивается реальным настоящим временем или временем поступления сообщения;

2) изложение событий начинается с реального настоящего времени или времени поступления сообщения, а затем автор возвращает читателя ко времени начала событий;

3) излагаемые события происходят одновременно, но сообщения о них сгруппированы в тексте по определенным признакам, например, со ссылкой на разные источники информации о них.

В первом случае модели арабского и русского текстов очень близки, и при переводе не возникает дополнительных трудностей. Во втором случае различие между арабским и русским текстом заключается в способах передачи временных значений. В арабском информационном тексте понятие предпрошедшего времени может передаваться либо грамматическими средствами — глагольными формами (كان ... قد يفعل || قد فعل), либо лексическими средствами в сочетании с перфектной формой глагола. В русском тексте предпрошедшее время может передаваться только лексическими средствами, например: *Как известно...// Раньше уже сообщалось, что...* и пр. Что касается третьей модели, то следует помнить, что часто используемый в этом случае арабский оборот من الناحية الأخرى может передавать

как понятие противопоставления (*с другой стороны*), так и понятие сопоставления (*в то же время*). Так, в выше приведенном тексте этим оборотом обозначается понятие сопоставления.

Особенности арабского выражения временных значений и ослабленность темпорального качества арабского текста, о чем шла речь в главе 3 разделе 2.Д, требует от переводчика неослабного внимания к этой стороне информации.

Например, в данном тексте изложение истории с вынужденной посадкой угнанного самолета, которое дается со ссылкой на иранское информационное агентство, дается с однообразным использованием перфектной формы глагола, т. е. не содержит темпоральной перспективы («плоскостной синтаксис»). Если автоматически заменить перфектные формы арабского глагола формами прошедшего времени русского глагола, то в тексте перевода события, которые происходили до времени посадки самолета, могут восприниматься как происходившие после посадки. Чтобы цепь событий была изложена непротиворечиво с точки зрения нормативных требований темпорального качества русского информационного текста, переводчик должен использовать различные средства выражения времени (глагольные формы, наречия, таксис), а также вводить дополнительную информацию (*После чего и было получено разрешение на посадку в Маграбаде*).

Наконец, трудности, с которыми сталкивается переводчик информационных текстов, возникают из-за *отличий структурной организации* арабского и русского текстов. Структурная организация отражает не только (и не столько) национальные особенности языковых систем, но и национальные особенности логического мышления и стилистических традиций. Отличия структурных организаций разноязычных текстов обнаруживаются на всех уровнях построения текста, начиная от структур отдельных предложений и сверхфразовых единств и завершаясь делением текста на абзацы. Все эти структуры являются элементами системы текста, поэтому оценить их коммуникативную значимость можно только исходя из понимания той роли, которая отведена им в системе целого. Это касается обеих фаз переводческой деятельности — фазы понимания оригинала и фазы созда-

ния текста перевода. Правильная стратегия переводческих действий на этапе понимания арабского текста состоит в том, чтобы исключить влияние особенностей структурирования арабского текста на формирование смысла. На этапе создания текста перевода правильная стратегия переводческих действий состоит в том, чтобы при структурировании русского текста исходить из целостного восприятия всего текста как системы, а не из восприятия отдельных составляющих его элементов. Именно такой стратегией руководствовался переводчик, когда в приведенном ниже тексте перевода использовал множественные изменения структур как отдельных высказываний и сверхфразовых единств, так и абзацного структурирования.

Как отмечалось выше, лексика арабских нарративных текстов не выходит за рамки использования слов в их прямых значениях, которые фиксируются в двуязычных словарях. Трудности при переводе могут возникать только при употреблении в арабском тексте многозначных арабских терминов или из-за упоминания незнакомых переводчику национальных реалий. Кроме этого следует отметить, что в арабском нарративном тексте встречается меньше клишированных выражений, чем в русском тексте этого типа.

Вариант перевода текста, приведенного выше.

***УГНАН КУВЕЙТСКИЙ САМОЛЕТ
СО 160 ПАССАЖИРАМИ НА БОРТУ***

Два пассажира расстреляны террористами

Тегеран — Кувейт. — *Угнан кувейтский самолет типа аэробус, который совершал рейс из Дубая в Карачи со 160-ю пассажирами на борту. В настоящее время по требованию террористов самолет находится в аэропорту иранского города Маграбад. Угонщиков четверо или шестеро. Личности террористов не установлены. Известно только, что ими убит один из пассажиров и что еще один, возможно, скончался от полученных ранений. Среди пассажиров угнанного самолета, большин-*

ство которых составляют пакистанцы, находятся 4 кувейтских дипломата.

Как стало известно, этот кувейтский самолет, находившийся в воздухе несколько часов после того, как позавчера вечером он вылетел из Дубая в свой очередной рейс в Пакистан, совершил посадку в аэропорту Маграбада. Посадка была разрешена после полученного от командира корабля сообщения о том, что у него заканчивается горючее.

По данным пресс-центра кувейтского посольства в Тегеране, посольство получило из иранского министерства иностранных дел сведения о том, что угнанный самолет приземлился в Маграбаде в 2 часа 30 минут, по Гринвичу, и что на его борту находятся 5 террористов. Как передало иранское информационное агентство, когда самолет вошел в воздушное пространство Ирана, на его перехват был послан иранский истребитель. Со ссылкой на министерство иностранных дел агентство сообщает, что тогда командир корабля вышел на связь и сказал, что угонщики обещают взорвать самолет, если ему не будет разрешена посадка в тегеранском аэропорту. Однако капитану ответили, что его самолет не примет ни один аэропорт в Иране. Через два часа после этого пилот снова вышел на связь и сообщил, что топливо у него на исходе. После чего и было получено разрешение на посадку в Маграбаде.

В связи с этими событиями в Кувейте было созвано экстренное заседание кабинета министров, которое продолжается до сих пор. На заседание был приглашен исполняющий обязанности представителя по делам Ирана в Кувейте. Министр иностранных дел Рашид ар-Рашид передал ему мнение кабинета о необходимости предпринять шаги для освобождения пассажиров угнанного самолета. Кроме того, шейх Саад Абдулла ас-Сабах отправил телеграмму премьер-министру Ирана, в которой он просит иранского коллегу немедленно вмешаться, чтобы гарантировать освобождение заложников и самолета.

В Тегеране пока ничего не сообщается о требованиях террористов, кроме упоминания властей о том, что угонщики потребовали переводчика. Однако, как стало известно одному кувейт-

скому источнику, террористы требуют освободить лиц, задержанных в Кувейте по обвинению в совершении декабрьских взрывов.

Что касается судьбы погибшего заложника, то сообщается, что он был англичанином и что, как рассказывают очевидцы, бандиты подвели его к трапу самолета с поднятыми руками и приставив пистолет к затылку. После чего раздался выстрел. Тело было сброшено на землю, и по нему было произведено еще несколько выстрелов.

В то же время один из достоверных источников в аэропорту Тегерана сообщил, что еще один пассажир скончался от ран, полученных во время перестрелки в самолете.

«Ан-Нуда»

Б. Алгоритм переводческих действий при переводе аффективного текста — текста публицистической статьи

تحية الى الجميع الذين خلدوا هذا اليوم بالدم و الشهادة

نيقوسيا – هاتفيا , خاص ب"الأهرام" – وجه رئيس اللجنة التنفيذية لمنظمة التحرير الفلسطينية, رسالة الى أبناء الشعب العربي الفلسطيني في جميع أماكن تواجدهم بمناسبة الذكرى الثامنة ليوم الارض الخالد. رحبت الرسالة "بالجميع الذين خلدوا يوم الأرض بالدم و الشهادة و التحدى و الإصرار على الحياة و رفعوا شعلة وراية تخفق عاليا في الأرض العربية". و جاء في الرسالة: "يا ابناء شعبنا العظيم في كل بقعة يشع فيها النور الفلسطيني, إن إصراركم على التصدى للأخطاء المترتبة بكم ومواجهتها بكافة أشكال النضال السياسي و الجماهيري هو وحده الكفيل بإفشالها. ولا خيار إلا الصمود فهذه

هي لغة أرضنا والينبوع الذي يتفجر فينا أملا وعزيمة وإرادة
على الماضي قدما في دروب النضال والثورة هذا هو خيارنا
الثوري و هذا هو قسمنا و عهدنا.
"الاتحاد"

1. Декодирование смысла. Поиск пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры.

Особенность декодирования смысла аффективных текстов заключается в том, что переводчик, кроме анализа собственно содержательной структуры текста, должен понять не только те цели, которые автор перед собой ставил, порождая текст (коммуникативное задание), но и понять авторское отношение к сообщаемому содержанию текста. При этом правильность восприятия обеспечивается не только тем, что переводчик понял актуализированные значения языковых единиц и их соединений, но и тем, насколько он обладает необходимым объемом дотекстовых знаний. Последнее обстоятельство нужно переводчику для того, чтобы осознать коммуникативный фон, который автору текста известен, но который он по тем или иным причинам оставил в пресуппозиции, не выразив эту информацию более эксплицитно. Пути к смыслу аффективных текстов затрудняются и тем, что оценка информации может скрываться в ассоциативности знаков и их способности к приращению смыслов. В этом случае подтекст может быть замечен только при условии, что переводчик-адресат опознает имеющиеся в тексте сигналы как отсылающие к неявным оценкам автора.

Рассмотрим в качестве примера переводческие действия, которые оказались необходимыми при декодировании смысла (1 фаза перевода) приведенного выше арабского текста. Рассмотрим эти действия в той последовательности, которая обеспечит с возможно большей полнотой декодирование смысла текста, если предполагается зрительный ввод и отсутствие жестких временных границ для анализа.

1) Установление типа текста. Большая часть высказываний текста относится к высказываниям аффективного характера

(торжественное обращение к народу с призывом продолжать борьбу), меньшая — к повествовательным высказываниям (сообщение о появлении данного обращения в печати). Следовательно, текст можно квалифицировать как аффективный.

2) Установление коммуникативного задания. Главная цель — в связи с празднованием Дня Земли убедить палестинцев в необходимости стойко продолжать борьбу (директивная функция речи).

3) Установление речевых регистров. В аффективной части текста тональность высокая, в повествовательной части текста — официальная.

4) Установление актуализированных значений отдельных знаков и их соединений:

رسالة || تحية — *приветственное обращение;*

في كل بقعة يشع فيها النور الفلسطيني — (букв.: в каждом уголке, куда доходит свет Палестины) — *все палестинцы, в ком живет чувство Родины, или все палестинцы, где бы они ни жили;*

الأخطاء المترتبة — (букв.: подстерегающие ошибки) — *ошибки, которые могут быть совершены в будущем;*

الينبوع || اللغة — оба слова употреблены в переносном значении;

دروب — *пути новые и неизведанные ранее;*

عهد — *обет, обещание.*

5) Установление фоновых значений:

— في جميع أماكن تواجدهم — имеется в виду, что палестинцы живут не только на территории Палестины, но и за ее пределами, рассеявшись после начала палестино-израильского противостояния по многим странам (и не только арабским);

— الدم و الشهادة والتحدي و الإصرار على الحياة — за соединением этих слов, во-первых, стоит воспоминание о кровавых событиях в лагерях палестинских беженцев Сабре и Шатилле, в память о жертвах которых и был впервые объявлен День Земли

(*кровь и мучения во имя высоких целей*). Масдар **التحدي** обозначает сложное понятие, которое содержит признаки следующих подвидов значения: денотативного (*противостояние чему-л.*), сигнификативного (*один против огромной силы, часто стихийного характера*) и грамматического (*действие-состояние*). В данном узком контексте это слово может обозначать понятие *упорная и изнурительная борьба с сильным противником*;

— словосочетание **الإصرار** может восприниматься в обобщенном значении, т. е. как *упорное стремление жить на Земле*, однако в рамках широкого контекста это выражение следует понимать в конкретном значении, т. е. как *упорное стремление жить на своей земле, на земле Палестины*.

б) Определение общих рекомендаций к языку текста перевода. Поскольку оригинальный текст удовлетворяет многим требованиям **فن البلاغة**, т. е. выдержан в лучших нормативных традициях арабского литературного языка, в тексте перевода следует использовать все те богатые ресурсы русского языка, которые свойственны текстам данного функционального стиля ЯП.

2. Особенности информации, передающейся в аффективных текстах.

Как правило, в подобных текстах присутствует значительная фоновая информация, рассчитанная на интерпретацию. Прежде всего это та информация, которая предполагает, что адресат располагает **определенными дотекстовыми знаниями**. В этой информации выделяются два подвида:

а) информация, связанная с реальными событиями, известными адресату, который принадлежит к той же лингво-социокультурной общности, что и адресант, но которые, по мнению переводчика, могут быть неизвестны иноязычному адресату. В этом случае недостающая информация может быть введена в текст перевода (например, **النكسة** — *события 1967 года, июньские события 1967 года, начало второй арабо-израильской войны* и т. п.). В некоторых случаях эта информация может

даваться в сноске, обычно этим приемом переводчик пользуется при работе с официальными текстами, требующими точной передачи информации, а также — реже — при переводе художественных текстов;

б) информация, которая для достижения определенного эффекта передается автором в виде некоторой загадки, требующей от интерпретатора глубокого понимания. У переводчика глубина понимания должна быть больше, чем у обычного рецептора. Приемы перевода этого вида информации разнообразны и требуют от переводчика творческих языковых качеств, которых должно быть не меньше, чем у автора исходного текста (если не больше).

Кроме того, в аффективных текстах всегда присутствует **информация оценочного характера**, передача которой для выработки переводческой стратегии не менее, а часто и более важна, чем фактическая информация. Декодирование оценочной информации арабского текста требует от русского переводчика высокой переводческой компетенции. Он должен обладать не только сопоставительным знанием языковых форм и речевых видов оценки, действующих в двух лингвосоциокультурных сообществах, но и умением учесть и проанализировать фоновую информацию, которая объяснит ему особенности оценочной деятельности сознания конкретного арабского коммуниканта.

3. Лексические и стилистические особенности аффективных текстов.

Переводчик текстов этого типа должен быть готов к извлечению не только (и не столько) прямых значений *арабских слов*, но и к восприятию информации, которая таится в теле знака (инвариант корня, значение словообразовательной модели), а также в аллюзиях, связанных с известными арабскому адресату реальными ситуациями.

Кроме того, переводчик должен иметь представление об *особенностях выражения оценки* в арабском языке, об *арабской фразеологии*, а также о *стилистических приемах*, характерных

для построения подобных текстов (рамочная конструкция, элементы саджа и т. д.).

Особую трудность для переводчика при работе со стилистическими особенностями аффективных текстов представляет вопрос изменения *регистров речи*. Так, в арабском тексте часто используется высокий стиль, сохранение которого при переводе придаст русскому тексту ненужную помпезность. Например, в следующем отрывке

عرفت فؤاد سراج الدين منذ ما يقرب من خمسة
وعشرين عاما عرفت هذا العملاق مع بداية عودة
الأحزاب السياسية

(Я познакомился с Фуадом Сираг эд-Дином почти двадцать пять лет тому назад. Я узнал этого гиганта, когда началось возрождение политических партий.) очевидно, что слово **العملاق** не следует переводить словарным соответствием *гигант*, уместнее будет снизить пафосную оценку и употребить выражение *этот большой человек*. Напротив, сниженный регистр в тексте, написанном на арабском литературном языке, выражается не на уровне лексики, а на появлении синтаксических моделей, характерных для обиходно-разговорной подсистемы арабского языка, и на вкраплении диалектных речений. Например, в следующем отрывке из фельетона

حياته عبارة عن الوظيفة و التلفزيون و كفى... أما طلبات
البيت و احتياجات الأولاد فهي من اختصاص الزوجة " و هو
مش عاوز وجم دماغ".

выражение среднего регистра речи **احتياجات** (букв.: нужды детей) уместно перевести как *возня с детьми*, а выделенную в кавычках диалектную фразу как *он не собирается забивать себе этим голову*.

Вариант перевода текста, приведенного выше.

***Слава всем тем, кто увековечил этот день
ценой своей жизни!***

Никосия — по телефону от собственного корреспондента газеты «Аль-Иттихад» — В восьмую годовщину незабываемого Дня Земли глава исполнительного комитета Организации освобождения Палестины обратился с воззванием ко всем сынам палестинского народа, где бы они ни жили. В нем он восславил «всех, кто своею кровью увековечил память об этом дне, кто пожертвовал жизнью ради высокой цели, кто бесстрашно и стойко боролся за то, чтобы жить на своей собственной земле, превратив скорбную память о дне уничтожения лагерей Сабра и Шатилла в знамя, гордо режущее в небе нашей Родины».

В воззвании говорится: «Сыны нашего великого народа, все, в чьих душах не меркнет свет Палестины, только ваша стойкая решимость непреклонно бороться со всеми подстерегающими опасностями, как политическими методами, так и средствами всенародной борьбы, обеспечит нам победу. Другого выбора, кроме стойкости, нет.

Это голос нашей земли, источник, который рождает в нас надежду, решимость и волю продолжать идти по тернистому пути борьбы и гнева. Таков наш революционный выбор, такова наша клятва и таков данный нами обет».

«Аль-Иттихад»

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Общие вопросы

1. Перечислите факторы, которые обусловили появление теории перевода?
2. Что считается *объектом* теории перевода?
3. Что входит в *предмет* теории перевода?
4. Чем отличается *общая теория перевода* от *частных теорий перевода*?
5. Какие частные теории перевода вы знаете?
6. Почему теорию перевода можно отнести к *конструктивным наукам*?
7. Почему со временем в теории перевода изменялось понятие объекта? (+)

8. Что входит в сферу переводческой деятельности?
9. Перечислите *виды* переводческой деятельности.
10. Перечислите *формы* перевода.
11. Что входит в состав профессиональной деятельности переводчика?
12. Какими качествами должен обладать переводчик?

13. Из каких элементов состоит модель деятельности, предложенная А. А. Леонтьевым?
14. В чем состоят характерные черты речевой коммуникации как особого вида деятельности?
15. Что отличает деятельность адресанта от деятельности адресата в условиях одноязычной коммуникации?
16. Что общего в деятельности адресанта и деятельности адресата в условиях одноязычной коммуникации? (+)

17. Какие компетенции необходимы общающимся субъектам для успеха акта речевой коммуникации?
18. Что входит в понятие *профессиональной компетенции переводчика*?
19. Чем отличается речемыслительная деятельность переводчика от речемыслительной деятельности одноязычных коммуникантов?

20. Перечислите системные элементы текста.
21. Из каких элементов состоит система *значения слова*?
22. Приведите примеры русских слов, в значении которых присутствуют семы всех видов.
23. Приведите примеры русских слов, в значении которых присутствуют только синтаксические семы. (+ +)
24. Приведите примеры арабских слов, в значении которых присутствуют семы всех видов. (+ +)
25. Чем отличается значение слова в языке от значения слова в речи?
26. Что такое *содержание текста*?
27. Объясните различие между понятием *смысл* и понятием *значение*. (+ +)
28. Объясните различие между понятием *восприятие* и понятием *понимание*. (+ +)

29. Из каких действий строится *алгоритм переводческой стратегии*?

30. Дайте целочастную характеристику системы акта речевой коммуникации.
31. По каким каналам идет обмен информацией в акте речевой коммуникации? (+)
32. Как соотносятся система текст и система ситуаций в модели перевода, предложенной Р. К. Миньяром-Белоручевым?
33. Как соотносятся система текст и эвристических качеств общающихся субъектов в модели перевода, предложенной Р. К. Миньяром-Белоручевым?
34. Что такое *прагматическая ориентация текста*? (+ +)
35. В чем состоит *теория уровней эквивалентности*, разработанная В. Н. Комиссаровым?
36. В чем состоит принципиальное отличие *теории уровней эквивалентности*, разработанной В. Н. Комиссаровым, от моде-

лей перевода, предложенных Р. К. Миньяром-Белоручевым и Альбертом Нойбертом? (!)

37. Кем был введен в научный обиход термин *адекватность*?
 38. Как трактовался термин *адекватность* А. В. Федоровым?
 39. Как трактовался термин *адекватность* Л. С. Бархударовым?
 40. Что нового в понимание адекватности внесла *теория нормы*, разработанная В. Н. Комиссаровым? (+ +)
 41. Кем был введен в научный обиход термин *инвариант в переводе*?
 42. Как трактовался термин *инвариант* Г. М. Стрелковским?
 43. Как вы понимаете термин *инвариант*?
 44. Что такое *динамическая эквивалентность*?
 45. Как понимается термин *адекватность* в современной отечественной парадигме переводоведения? (+ +)

 46. Что такое *приемы перевода*?
 47. Что такое *единица переводческого ориентирования*?
 48. Каковы типы соотношения разноязычных знаков со сходным значением?
 49. В чем различие между *микрпереводом* и *макрпереводом*?
 50. Какие приемы перевода принято относить к микропереводу?
 51. Какие приемы перевода принято относить к макропереводу?

 52. Что такое *несоответствие в переводе*?
 53. Какие несоответствия в переводе связаны с системными особенностями контактирующих языков?
 54. Какие несоответствия в переводе связаны с приемами оформления мысли?
 55. Какие несоответствия в переводе связаны с ключевой информацией, которая содержится в речевых формах?
 56. Какие несоответствия в переводе связаны с особенностями ассоциаций, которые вызывают разноязычные единицы речи, имеющие общее предметно-понятийное значение?
 57. Каковы причины появления несоответствий в переводе?
 58. Какие типы переводческих ошибок предложил различать Р. К. Миньяр-Белоручев?
 59. Как можно избегать переводческих несоответствий? (+ +)
-

Проблематика частной теории перевода арабского языка

1. Чем объясняется отличие объекта частной теории перевода от объекта общей теории перевода?
2. Как влияет уточнение объекта частной теории перевода на проблематику частной лингвистической теории перевода? (+)
3. Какие группы проблем выделяются в исследованиях частных лингвистических теорий перевода?
4. Какие факторы определяют выделение наиболее важных групп проблем для конкретной частной лингвистической теории перевода? (+)
5. Что существенно отличает проблематику частных теорий перевода восточных языков от проблематики частных теорий перевода западных языков?
6. Какие приоритетные направления выделяются в лингвистической проблематике частной теории перевода арабского языка?
7. Какие отечественные ученые внесли свой вклад в развитие лингвистической проблематики частной теории перевода арабского языка?
8. Какие приоритетные направления выделяются в психолингвистической проблематике частной теории перевода арабского языка?
9. Какие приоритетные направления выделяются в социокультурной проблематике частной теории перевода арабского языка?
10. Какие приоритетные направления выделяются в дидактической проблематике частной теории перевода арабского языка?
11. Результаты каких направлений гуманитарных наук оказываются важными для развития частной теории перевода арабского языка? (+ +)

Особенности арабского языка и перевод

1. Номинация

1. В каком значении употреблен термин *номинация* в настоящем разделе книги?
2. Из каких этапов деятельности сознания состоит процесс номинации?
3. Как вы понимаете явление *коннотации*? (+ +)
4. Какие последствия (содержательные и материальные) имело явление аллотезы для вокабуляра АЛЯ?
5. Какие последствия (содержательные и материальные) имело явление метатезы для вокабуляра АЛЯ?
6. Приведите примеры коннотаций в арабском слове, связанных с корнеобразованием. (+ +)
7. Приведите примеры коннотаций в арабском слове, связанных со словообразованием. (+ +)
8. Что общего и что отличного у *الاشتقاق الكبير*, с одной стороны, и *الاشتقاق الكبار*, с другой стороны? (!)
9. Чем отличается характер отношений между прямыми и переносными значениями в семантике арабских слов от характера подобных отношений в семантике русских слов? (!)
10. Приведите примеры первичной номинации в современном арабском языке. (!)
11. Приведите примеры вторичной номинации в современном арабском языке. (!)
12. Какая тенденция номинации в арабском литературном языке на современном этапе имеет прогрессивный характер?
13. О каких особенностях мышления могут свидетельствовать пути распознавания (каналы экспликации) коннотативных значений в арабском слове? (!)

14. О каких особенностях мышления могут свидетельствовать пути распознавания (каналы экспликации) коннотативных значений в русском слове? (!)
15. Какие национально маркированные разделы арабского вокабуляра вы знаете?
16. Чем отличаются *реалии-денотаты* от *реалий-понятий* и *реалий-знаков*?
17. Какими путями идут процессы освоения новых реалий-денотатов, формирования реалий-понятий и их кодирования в знаке на современном этапе развития АЛЯ?
18. В чем заключается главное содержательное отличие арабских предлогов от русских?
19. Приведите примеры изменения значения глагола в зависимости от семантики управляемого предлога. (+ +)
20. Приведите примеры несобственно дейктиков.
21. В чем заключается главное содержательное отличие несобственно арабских предлогов от русских?
22. Приведите примеры арабских глаголов состояния. (+ +)
23. Чем можно объяснить значительность пласта глаголов состояния в вокабуляре АЛЯ? (!)
24. Перечислите типы арабских словосочетаний, ориентированных в лексикон.
25. Чем можно объяснить значительность в вокабуляре АЛЯ пласта словосочетаний, ориентированных в лексикон? (!)
26. Приведите примеры арабских слов широкой семантики. (+ +)
27. Определите понятие *инварианта* лексико-семантического поля.
28. Какие семантические признаки могут конкретизироваться в словах, входящих в лексико-семантическое поле?
29. Как образуется связь между мирообразом и системой вокабуляра? (!)
30. В чем состоит различие между системой *понятий* и системой *вокабуляра*? (!)
31. Чем отличается *тезаурус* языкового сообщества от *тезауруса личности*?
32. Что понимается под термином *файл* в современном языкознании?

33. В чем различие между *номинантом* и *ассоциатом*?
34. Какие практические выводы из файловой теории должен сделать переводчик, чтобы правильно формировать свою переводческую компетенцию? (!)
35. В каких типах файлов национальные особенности арабской номинации выражаются особенно ярко?
36. Что такое *смешанный тезаурус*?
37. Приведите примеры сопоставления арабских и русских лексико-семантических полей с общим инвариантом. (!)
38. Какие различия обнаруживаются между арабской номинацией и русской номинацией? (!)
39. Как влияет расширение вокабуляра на количественную и качественную сторону сетки когнитивных понятий? (!)
40. Какие типы словарей вы знаете?
41. Какие вам известны русские толковые словари?
42. Какие вам известны арабские толковые словари?
43. Чем отличаются толкования, приводимые в арабских толковых словарях, от толкований, приводимых в русских толковых словарях?
44. Какие двуязычные арабско-русские и русско-арабские словари вам известны?
45. Какие специальные словари вам известны?

2. Грамматические категории

1. Что такое *грамматическая категория*?
2. Чем отличается частеречное деление в арабском литературном языке от частеречного деления в русском языке?
3. В чем причина сохранения в грамматике АЛЯ деления на три части речи? (!)
4. Какими языковыми средствами выражается категория неопределенности в арабском языке?
5. Какими языковыми средствами выражается понятие неопределенности в русском тексте?
6. В чем отличие образа мира от языкового образа мира? (!)

7. Чем отличается представление о времени современного араба от представления о времени, отраженного в семантике арабского глагола? (!)
8. Чем отличается темпоральное значение арабского глагола от темпорального значения русского глагола? (!)
9. Какую роль играет арабский глагол для выражения темпоральных значений в микрополе прошедшего времени? В микрополе настоящего времени? В микрополе будущего времени?
10. Охарактеризуйте понятия *реального* и *авторского времени*.
11. Что такое *синтаксическая перспектива*?
12. Что такое *плоскостной синтаксис*?
13. Охарактеризуйте различия в значении и в форме выражения категории числа в арабском и русском языках. В арабском и русском текстах.
14. Охарактеризуйте понятие *функционально-семантического поля аспектуальности*. (!)
15. Приведите примеры русских *функционально-семантических полей аспектуальности*. (!)
16. Приведите примеры арабских *функционально-семантических полей аспектуальности*. (!)

Особенности арабской речи и перевод

1. Референция отдельного объекта

1. Охарактеризуйте отличие понятия *референция* от понятия *номинация*.
2. Какие факторы влияют на адресанта в процессе референции? (+ +)
3. Перечислите особенности арабской референции отдельного объекта. (!)
4. Чем различаются два подвида арабского типа обозначения, для которого характерна высокая степень семантической ин-

теграции, когда арабский адресант использует слова с широким объемом понятия?

5. Какие трудности встречается переводчик, сталкиваясь с этим типом арабской референции?
6. Какие трудности встречается переводчик, если арабский адресант выбирает номинант из словообразовательных файлов? (+ +)
7. Какие трудности встречается переводчик, если арабский адресант выбирает номинант из файлов корней? (+ +)
8. Какие трудности встречается переводчик, если арабский адресант выбирает номинант из файлов семантически нагруженных фонем? (+ +)
9. Какие трудности встречается переводчик, если арабский адресант выбирает номинант из когнитивных файлов, выделяя в обозначаемом объекте признаки, связанные с чувственными представлениями? (+ +)

2. Референция отдельной ситуации

1. Что понимается под терминами *реальная ситуация*, *референтная ситуация*, *предметная ситуация* и *речевая ситуация*?
2. Чем отличается *полнота* референтной ситуации от полноты кодирования референтной ситуации в тексте, т. е. от полноты предметной ситуации? (!)
3. Чем отличается *латентность* референтной ситуации от латентности кодирования референтной ситуации в тексте, т. е. от латентности предметной ситуации? (!)
4. Чем отличается *точность* референтной ситуации от точности кодирования референтной ситуации в тексте, т. е. от точности предметной ситуации? (!)
5. Что такое *информационный предел* допустимого варианта референтной ситуации? предметной ситуации?
6. Что такое *эстетический предел* допустимого варианта референтной ситуации? предметной ситуации?

7. Перечислите национально маркированные типы опредмечивания референтной ситуации в арабском тексте, в которых обнаруживается влияние психосемантической установки на высокую степень интеграции семантических представлений.
8. В каких арабских языковых формах (синтаксических и лексических) чаще всего опредмечиваются типы референтной ситуации, в которых обнаруживается влияние психосемантической установки на высокую степень интеграции семантических представлений?
9. Охарактеризуйте понятие **الإعراب** (!)
10. Охарактеризуйте *клише* как форму референции. (!)
11. Какие семантические особенности арабских клише вы знаете?
12. Какие синтаксические особенности арабских клише вы знаете?
13. Приведите примеры «избыточного» выделения признаков синтаксического и морфологического характера в арабской речи. (!)
14. Какие приемы перевода арабских клише вы знаете? (!)

3. Текстологический аспект референции

1. Охарактеризуйте термины *текст* и *дискурс*. (!)
2. Охарактеризуйте термин *функциональное качество (категория) текста*.
3. Чем достигается *связность* и *цельность* текста?
4. Перечислите приемы *корреферентности*, с помощью которых достигается тематическая однородность арабского текста?
5. Чем отличается взаимосвязь компонентов арабского текста от взаимосвязи компонентов русского текста по степени эксплицитности?
6. Чем отличается взаимосвязь компонентов арабского текста от взаимосвязи компонентов русского текста по степени семантической четкости типа связи высказываний?
7. Что такое *мозаичный синтаксис*? (!)

8. Почему в синтаксисе арабского текста остается влияние *грамматики широкого контекста*? (!)
.....
9. Какие факторы формируют темпоральное качество текста?
10. Чем отличается *реальное время* от *авторского времени*?
11. Какие факторы, формирующие темпоральное качество арабского текста, имеют особое значение для перевода? (+ +)
12. Как вы понимаете утверждение о том, что в арабском тексте «выражение темпоральности находится в сфере *коммуникативно обусловленного*»? (+ +)
13. Что такое *плоскостной синтаксис*?
14. Что общего между *мозаичным синтаксисом* и *плоскостным синтаксисом*? (!)
.....
15. Назовите *формы оценки*, которые присутствуют в арабском языке, но отсутствуют в русском языке. (+)
16. Назовите наиболее частотные *формы оценки*, которые присутствуют в арабском тексте.
17. В каких арабских формах оценки реализуется *принцип повтора*?
18. По какому основанию различаются *виды оценки*?
19. Можно ли проследить связь между наиболее частотными *формами оценки* и предпочтением арабских авторов давать *прямые оценки* или *опосредованные выражения оценки*, при которых сравнения делаются с физическими объектами? (!)
20. Что такое *логика оценки*?
21. Приведите примеры различия *эмоциональной реакции на внешний фактор* у арабских и русских коммуникантов. (+ +)
22. Приведите примеры различия *знаковой выраженности оценки* у арабских и русских коммуникантов при одной и той же *эмоциональной реакции на внешний фактор*. (+ +)
.....
23. Перечислите пять понятий, которые в русском языке обозначаются термином *стиль*.
24. Какие подсистемы арабского языка вы знаете?
25. Какие требования предъявляет к переводчику языковая ситуация, существующая в арабском мире?

26. Каков может быть алгоритм научного исследования стилистических проблем в рамках частной теории перевода арабского языка? (!)

Социокультурный аспект ЧТПАЯ

1. Что такое *этнический менталитет*?
2. Что такое *концепт*?
3. Чем концепт отличается от понятия?
4. Что такое *этническая концептосфера*?
5. Назовите формы экспликации концептов.
6. Охарактеризуйте понятие *концепт, частично номинированный в знаке*.
7. Какие арабские концепты, номинированные в знаке, отсутствуют в русской этнической концептосфере? (!)
8. Что такое *прецедентные феномены*?
9. Назовите особенности распределения каналов информации при устном общении.
10. Чем отличается «язык жестов» арабских коммуникантов? (+ +)
11. Чем отличаются ролевые отношения коммуникантов и переводчика? (+ +)
12. Чем отличаются поведенческие пристрастия арабских коммуникантов? (+ +)

Технология перевода

1. Какие приемы микроперевода и макроперевода вы знаете? (+)
2. Приведите примеры *десемантизации* арабского слова при переводе. (+ +)
3. Приведите примеры *конкретизации* арабского слова при переводе. (+ +)
4. Приведите примеры *введения дополнительной информации* при переводе. (+ +)

5. Приведите примеры *опущения избыточной информации* при переводе. (+ +)
6. Какие устойчивые модели арабских словосочетаний часто создают трудности при переводе? (+ +)
.....
7. Как вы понимаете прием *компенсация потерь при переводе*? (+ +)
8. Приведите примеры использования приема *компенсация потерь при переводе*. (+ +)
9. Почему прием *компенсация потерь* является таким частотным при переводе арабского текста на русский язык? (!)
10. В каких формах перевода используется прием *компенсация потерь при переводе*? (!)
.....
11. В чем различие *нарративных* и *аффективных* текстов? (+)
12. В чем заключается алгоритм переводческих действий при зрительно-письменном переводе?
13. В чем заключаются стилистические особенности нарративных текстов?
14. В чем заключаются лексические особенности нарративных текстов?
15. Предложите свой перевод небольшого информационного текста. (!)
16. В чем заключаются стилистические особенности аффективных текстов?
17. В чем заключаются лексические особенности аффективных текстов?
18. Предложите свой перевод небольшого аффективного текста. (!)

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Абзацно-фразовый перевод — перевод, осуществляемый на уровне отдельных предложений или абзацев, переводимых последовательно один за другим.

Авторизованный перевод — перевод, получивший одобрение автора оригинального текста.

Авторский (авто-) перевод — перевод, выполненный автором оригинального текста.

Адаптивное транскодирование — вид языкового посредничества, при котором содержание оригинала передается в том объеме и в той форме, как это заранее оговаривает заказчик перевода.

Адаптированный перевод — вид адаптивного транскодирования, при котором в процессе перевода осуществляется упрощение структуры и содержания оригинала с целью сделать текст перевода доступным для лиц, не обладающих нужными познаниями для полноценного понимания сообщения.

Адекватный перевод — перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, без нарушения норм и узуса языка перевода, с соблюдением жанрово-стилистических требований к текстам данного типа и в соответствии с конвенциональной нормой перевода.

Адресант — автор текста оригинала.

Адресат — лицо, которому предназначен текст оригинала, или лицо, которое получило текст оригинала.

Антонимический перевод — лексико-грамматическая трансформация, при которой происходит замена утвердительной формы в тексте оригинала на отрицательную форму в тексте перевода (или наоборот) и сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ЯП с противоположным значением.

Ассоциаты — не востребуемые элементы файла, один из элементов которого актуализирован в данном акте речевой коммуникации как **номинант**.

Аутентичный перевод — перевод официального документа, имеющий одинаковую юридическую силу с оригиналом; согласно международному праву текст договора может быть выработан и принят на одном языке, но его аутентичность установлена на двух и более языках.

Безэквивалентная лексика — лексические единицы ИЯ, не имеющие соответствий в ЯП.

Билингв — лицо, владеющее двумя языками.

Буквализм — ошибка переводчика, заключающаяся в передаче формальных или семантических компонентов слова, словосочетания или фразы в ущерб смыслу или норме и узусу ЯП.

Буквальный перевод — перевод, воспроизводящий формальные и/или семантические компоненты исходного текста, в результате чего нарушаются нормы и узус ЯП либо оказывается искаженным или переданным действительное содержание оригинала.

Вариантное соответствие — один из возможных вариантов соответствия единице исходного текста в переводе.

Вербальная память — память, при которой происходит запоминание преимущественно слов, а не образов.

Вероятностное прогнозирование — умственные действия или операции при приеме информации, заключающиеся в угадывании слов или словосочетаний до их произнесения адресантом.

Вольный (свободный) перевод — перевод, воспроизводящий основную информацию оригинала с возможными отклонениями — добавлениями, пропусками и др.; осуществляется на уровне текста, поэтому для него оказываются нерелевантными категории эквивалентности языковых единиц.

Высказывание — оформленная в речи законченная мысль, окончательный смысл которой зависит от конкретной или воображаемой ситуации.

Генерализация — лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение (видовое понятие), единицей ЯП с более широким значением (родовое понятие).

Грамматическая замена — прием перевода, при котором грамматическая форма в оригинале преобразуется в иную грамматическую форму ЯП.

Двусторонний перевод — последовательный устный перевод беседы двух разноязычных монолингвов; осуществляется с одного языка на другой и обратно.

Диахронический перевод — перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке одной из предшествующих эпох.

Денотат — предмет или явление, обозначаемое языковым знаком.

Добавления — см. **Прием лексических добавлений**.

Долговременная память — способность запоминать воспринятую информацию на долгий срок.

Дополнительная информация — информация, предназначенная для неподготовленного адресата.

Дословный перевод — способ перевода, при котором синтаксическая структура текста перевода воспроизводит синтаксическую структуру текста оригинала при механической замене слов ЯП аналогичными словами ИЯ.

Единица несоответствия — элемент содержания оригинала, не переданный или искаженный при переводе, или элемент содержания текста перевода, неправомерно добавленный при переводе.

Единица ориентированности при переводе — минимальный отрезок текста оригинала, смысловое восприятие которого позволяет переводчику приступить к поиску или выбору очередного переводческого решения.

Единица перевода — минимальная единица текста оригинала, которая переводится как единое целое в том смысле, что ей можно отыскать соответствие в переводе, но нельзя обнаружить в переводе единиц ЯП, воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются.

Единица переводческого процесса — см. **Единица ориентированности в переводе**.

Единица эквивалентности — минимальная единица содержания оригинала, сохраняемая в переводе.

Жанрово-стилистическая классификация переводов — подразделение переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала на художественный и информативный перевод и функциональные подвиды перевода.

Жанрово-стилистическая норма — требования, которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю.

Заверенный перевод — перевод, соответствие которого оригиналу подтверждается юридически.

Закономерные соответствия — номинативные единицы в тексте перевода, адекватные номинативным единицам текста оригинала.

Замена — семантическая трансформация высказывания, при которой один и тот же элемент обозначается на основе его различных свойств (аспектов). При этом аспекты могут соотноситься друг с другом как причина и следствие, часть и целое, деятель и действие.

Зрительно-письменный перевод — см. **Письменный перевод**.

Инвариант — сенсорный фактор, который складывается в сознании переводчика на уровне корреляции значения и смысла текста оригинала и как таковой определяет деятельность переводчика на этапе создания текста перевода.

Информативный перевод — перевод оригиналов, не принадлежащих к художественной литературе (общественно-политических, научно-технических, официально-деловых и пр.), т. е. текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на адресата.

Исторический перевод — см. **Диахронический перевод**.

Источник (информации) — создатель (автор) текста оригинала, отправитель сообщения.

Исходный текст — текст, предназначенный для перевода.

Исходный язык (ИЯ) — язык оригинала, язык, с которого делается перевод.

Калькирование — способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей — морфем или слов

(в случае устойчивых словосочетаний) — их лексическими соответствиями в ЯП.

Канонический перевод — см. **Официальный перевод**.

Ключевая информация — новые сведения, которые не могут быть подсказаны ни контекстом, ни ситуацией коммуникативного акта.

Ключевые слова — слова, несущие ключевую информацию.

Коммуникативная равноценность — способность текста выступать в качестве полноправной замены (в функциональном, содержательном и структурном отношении) другого текста. Коммуникативно равноценные тексты являются формами существования одного и того же сообщения и объединяются воедино (отождествляются) в процессе коммуникации.

Коммуникативный эффект — воздействие, произведенное на адресата в результате получения сообщения.

Компенсация — прием перевода, восполняющий неизбежные семантические или стилистические потери какими-либо другими языковыми средствами, причем необязательно в том же самом месте текста перевода, что и в оригинале.

Конвенциональная норма перевода — требования, которым должен отвечать перевод в связи с общепринятыми в данный период взглядами на роль и задачи переводческой деятельности.

Конкретизация — лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более широкое значение (родовое понятие), единицей ЯП с более узким значением (видовое понятие).

Консультативный перевод — вид информативного перевода, осуществляется обычно в устной форме, включает элементы аннотирования, реферирования и выборочного перевода с листа, выполняется, как правило, в присутствии заказчика, уточняющего по ходу перевода интересующие его аспекты содержания текста оригинала.

Косвенный (вторичный, непрямой) перевод — перевод, осуществленный не непосредственно с текста оригинала, а с его перевода на какой-либо другой язык.

Лексико-семантическая замена — способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ЯП, значения которых не совпадают со значениями исходных единиц, но могут быть выведены из них с помощью логических преобразований определенного типа.

Лексический контекст — совокупность лексических единиц, в окружении которых используется данная единица текста.

Лингвистический контекст — языковое окружение, в котором употребляется данная единица языка в тексте.

Логическое развитие понятий — прием перевода, который заключается в замене одного понятия другим, связанным с первым как причина и следствие, часть и целое, орудие и деятель и пр.

Макроконтекст — см. **Широкий контекст**.

Межъязыковая (двухязычная) коммуникация — речевое общение между коммуникантами, пользующимися разными (двумя) языками.

Микроконтекст — см. **Узкий контекст**.

Модель перевода — условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые можно осуществить процесс перевода всего оригинала или его части.

Модуляция (смысловое развитие) — см. **Логическое развитие понятий**.

Навык переключения — умение автоматизированно совершать операции по переходу с одного языка на другой для перевода единиц речи.

Норма перевода — совокупность требований, которым должен отвечать перевод.

Несоответствие — некоторое количество переданной или добавленной информации, вычленяемой в виде либо непереведенного речевого отрезка в исходном тексте, либо добавленного речевого отрезка в переводном тексте.

Номинация — обозначение с помощью языка какого-либо предмета, явления.

Норма переводческой речи — требования, которым должен удовлетворять язык перевода.

Норма эквивалентности перевода — требование максимально возможной смысловой близости перевода к оригиналу.

Нулевой перевод — отказ от передачи в переводе значения грамматической единицы ИЯ вследствие его избыточности.

Обозначение — см. **Референция**.

Образная память — способность запоминать воспринятую информацию посредством образов, представлений, переживаний.

- Обратный перевод** — экспериментальный или учебный перевод текста перевода на язык текста оригинала.
- Общая теория перевода** — научная концепция о сущности и особенностях двуязычной переводческой коммуникации, раздел переводоведения, изучающий наиболее общие закономерности перевода независимо от особенностей конкретной пары контактирующих языков, способа осуществления процесса перевода и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода.
- Объединение предложений при переводе** — способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное.
- Однотипное соответствие** — грамматическое соответствие в ЯП, имеющее наименование, определение и грамматическое значение, аналогичное замещаемой единице ИЯ.
- Окказиональное соответствие (контекстуальная замена)** — нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста.
- Оперативная память** — произвольное, при наличии соответствующей установки, запоминание полученной информации.
- Операции на формально-знаковом уровне** — переводческие операции, осуществляемые без идентификации денотата на основе функционирования навыка переключения.
- Описательный перевод** — прием перевода, который заключается в описании средствами другого языка обозначенного понятия. К этому приему прибегают, если в ЯП нет соответствующей номинации или она неизвестна переводчику.
- Опущения** — см. Прием опущения.
- Оригинал** — исходный текст в переводе. Текст, который переводят на ЯП.
- Официальный (готовый к опубликованию) перевод** — окончательный вариант перевода, представляемый переводчиком в качестве полноценного воспроизведения оригинала.
- Перевод** — 1) опосредованный знаковый речевой двуязычный акт коммуникации с участием посредника-переводчика; 2) текст на одном языке (ЯП), коммуникативно равноценный тексту на другом языке (ИЯ).
- Переводоведение** — совокупность научных дисциплин, изучающих различные аспекты перевода.

Переводческая (межъязыковая) трансформация — преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода.

Переводческое соответствие — см. **Постоянное соответствие**.

Переводящий язык (ПЯ) — см. **Язык перевода (ЯП)**.

Перестановка — изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала. Элементами для перестановки являются слова, словосочетания, части сложного предложения и самостоятельные предложения в строе текста.

Письменный перевод — вид перевода, при котором оригинал и перевод выступают в процессе перевода в виде фиксированных (главным образом письменных) текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться.

Письменный перевод на слух — письменный перевод текста, воспринятого на слух. Существует главным образом как учебный вид перевода (упражнения: перевод-диктовка, письменный перевод звукозаписи).

Полный (сплошной) перевод — перевод, передающий смысловое содержание оригинала без пропусков и сокращений.

Постоянное соответствие — единица ЯП, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ.

Повторная информация — информация, высказанная в данном тексте не в первый раз.

Полноценный перевод — см. **Адекватный перевод**.

Последовательный перевод — устный перевод текста после его прослушивания. Различают последовательный перевод с записью и **абзацно-фразовый перевод**, а также односторонний перевод (только с одного и того же языка на другой) и **двусторонний перевод**. Чаще всего последовательным переводом называют устный перевод на слух с записями как профессиональный вид речевой деятельности.

Пословный перевод — см. **Прием пословного перевода**.

Прагматика перевода (прагматический аспект перевода) — влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и обеспечить желаемое воздействие на адресата.

Прагматическая адаптация перевода — изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного адресата.

Прагматическая норма перевода — требование обеспечения прагматической ценности перевода.

Прагматическая ценность перевода — степень соответствия текста перевода тем задачам, для которых был осуществлен процесс перевода.

Прагматический потенциал текста — способность текста оказывать воздействие на адресата, вызывать у него интеллектуальную, поведенческую или эмоциональную реакцию на передаваемое сообщение.

Прагматически (функционально) адекватный перевод — перевод, правильно передающий основную (доминирующую) коммуникативную функцию оригинала.

Предметная ситуация — отрезок действительности, описываемый в высказывании.

Прецедентные феномены — это феномены, 1) хорошо известные всем представителям лингвосоциокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного лингвосоциокультурного сообщества.

Прецедентные феномены — это феномены, 1) хорошо известные всем представителям лингвосоциокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного лингвосоциокультурного сообщества.

Приближенный перевод — использование в переводе грамматической единицы ЯП, которая в данном контексте частично соответствует безэквивалентной грамматической единице ИЯ.

Прием лексических добавлений — использование в переводе дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных элементов смысла оригинала.

Прием опущения — отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых нерелевантны или легко восстанавливаются по контексту.

- Прием перемещения лексических единиц** — использование ближайшего соответствия переводимой единице ИЯ в другом месте высказывания в тексте перевода.
- Прием пословного перевода** — подстановка ближайших соответствий вместо лексических единиц оригинала при сохранении синтаксических связей между ними в качестве промежуточной стадии в процессе поиска оптимального варианта перевода.
- Процесс перевода (собственно перевод)** — действия переводчика от восприятия текста оригинала до порождения текста перевода.
- Прямой (первичный, непосредственный) перевод** — перевод, выполненный непосредственно с оригинала.
- Психолингвистическая классификация переводов** — подразделение переводов на виды и подвиды по способу (речевой форме) восприятия оригинала и создания текста перевода.
- Рабочий перевод** — предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей предметно-логического содержания оригинала.
- Разнотипное соответствие** — грамматическое соответствие в ЯП, не совпадающее с исходной единицей по названию и определению.
- Реалии (национальные)** — предметы, явления, традиции, обычаи, специфичные для данной этнической группы. Реалиями также называют слова и словосочетания, обозначающие их. Большинство национальных реалий относится к безэквивалентной лексике.
- Реальная ситуация** — см. **Предметная ситуация**.
- Референтная ситуация** — образ реальной ситуации, мысль о ней. Существует только в сознании адресанта, формируя когнитивное содержание будущего текста.
- Референция (обозначение)** — речевое использование номинативных единиц для замещения в знаковой форме представлений адресанта о реальных и идеальных объектах окружающего мира.
- Рецептор (информации)** — см. **Адресат**.
- Реципиент** — см. **Адресат**.
- Речевая ситуация** — условия осуществления конкретного акта речевой коммуникации.
- Речевой слух** — слух, подготовленный для восприятия речи на том или ином языке.

Свободный перевод — см. **Вольный перевод**.

Семантическая информация — информация, содержащаяся в высказывании и передаваемая через значения единиц речи.

Семантический буквализм — ошибка переводчика в результате передачи семантических компонентов слова или словосочетания без учета других факторов.

Синтаксический контекст — синтаксическая структура, в рамках которой употреблено данное слово.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) — способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ЯП с сохранением набора полнозначных слов и порядка их расположения в оригинале и переводе.

Синхронный перевод — устный перевод, осуществляемый одновременно со слуховым восприятием исходного текста.

Система записи в переводе — вспомогательное средство памяти, включающее правила отбора и записи информации, поступающей к переводчику в последовательном переводе.

Ситуативная модель перевода — модель перевода, представляющая процесс перевода как процесс описания средствами ЯП той же ситуации, которая описана в оригинале.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст — обстановка, время и место, к которым относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает адресату правильно интерпретировать значения языковых в высказывании.

Ситуационная информация — информация, поступающая к адресату по экстралингвистическим каналам и способствующая акту коммуникации.

Ситуационное клише — стереотипное выражение, обязательное для данной ситуации. Например, *Говорит Москва!*, *Добро пожаловать!*

Ситуация — совокупность идеальных или материальных компонентов и связей между ними, существующих в момент речевого действия или описываемых в высказывании. См. также: **Реальная ситуация**, **Речевая ситуация**, **Предметная ситуация**, **Референтная ситуация**.

Смешанный перевод — перевод с использованием значительной доли традиционной (или машинной) переработки текста.

- Смысл высказывания** — содержание речевого произведения в данной конкретной ситуации, результат взаимодействия семантической и ситуационной информации.
- Смысловая доминанта** — наиболее важная часть содержания оригинала, которая должна быть непременно сохранена в переводе и ради сохранения которой могут быть принесены в жертву другие элементы переводимого сообщения.
- Смысловая память** — память, основанная на выделении и запоминании смысловых вех в речевом произведении.
- Смысловой анализ** — одна из важнейших операций переводчика при восприятии исходного текста. Имеет своей целью определение смысла, выделение смысловой доминанты и формирование инварианта.
- Сокращенный перевод** — перевод, при котором осуществляется опущение отдельных частей оригинала по моральным, политическим или иным соображениям практического характера.
- Сообщение** — информация, предназначенная для передачи.
- Сопоставительный анализ перевода** — анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием текста оригинала.
- Способ описания ситуации** — часть содержания высказывания, указывающая на признаки ситуации, через которые она отражается в высказывании.
- Субъективно-зрительный код** — внутренний язык человека, в котором отдельные слова соседствуют с образами, представлениями.
- Текст** — любая последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченная единым назначением.
- Тематические высказывания** — высказывания, содержание которых определяется заданной ситуацией (темой) и ситуационной информацией.
- Теория несоответствия** — теория, основывающаяся на том положении, что переводной текст всегда содержит некоторое количество информации, отсутствующей в исходном тексте, и что часть информации исходного текста не представлена в переводном тексте. Сопоставительный анализ текстов в переводе на основе несоответствий дает возможность вскрыть особенности процесса перевода, выявить трудности работы переводчика, закономерности перехода с одного языка на другой.

Точный перевод — перевод, в котором эквивалентно воспроизведена лишь предметно-логическая часть содержания оригинала при возможных отклонениях от жанрово-стилистической нормы и визуальных правил употребления ЯП.

Транскрипция — способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее звуковой формы с помощью букв ЯП.

Транслитерация — способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв ЯП.

Транспозиция — перевод текста одного жанра или функционального стиля в другой жанр или функциональный стиль.

Трансформационно-семантическая модель перевода — модель перевода, представляющая процесс перевода как ряд преобразований, с помощью которых переводчик переходит от единиц ИЯ к единицам ЯП.

Трансформация — основа большинства приемов перевода. Заключается в изменении формальных или семантических компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи.

Узкий контекст (микрконтекст) — лингвистический контекст в пределах одного словосочетания или предложения.

Уникальная информация — см. **Ключевая информация**.

Уровень (тип) эквивалентности — степень смысловой близости оригинала и перевода, определяемая частью содержания оригинала, сохраняемой при переводе.

Устный перевод — вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной (устной) форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения.

Уточняющая информация — сведения, которые подразумеваются другими словами текста.

Учебный перевод — перевод, используемый в учебном процессе для подготовки переводчиков или как один из приемов обучения иностранному языку.

Фоновая информация — информация, поступающая по нетекстовым каналам.

Целевые высказывания — высказывания, смысл которых совпадает с целью речевых действий и определяется через соотнесение ситуационной и семантической информации.

Частная теория перевода — раздел переводоведения, изучающий аспекты перевода.

Членение предложения — способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры в ЯП.

Широкий контекст (макроконтекст) — лингвистический контекст, выходящий за пределы предложения, в котором употреблена данная языковая единица.

Эквивалент — равнозначное и постоянное соответствие, не зависящее от контекста.

Эквивалентность перевода — общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода.

Эквивалентный перевод — перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности.

Экспериментальный перевод — перевод, выполненный с исследовательской целью.

Экспликация (описательный перевод) — лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т. е. дающим более или менее полное объяснение этого значения на ЯП.

Экстралингвистический контекст — см. **Ситуативный контекст**.

Язык перевода (ЯП) — язык, на который осуществляется перевод.

Язык-посредник — промежуточный язык между исходным и переводным текстами, например, записи в последовательном переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белкин В. М.* Арабская лексикология. — М., 1975.
- Боднар С. Н.* Арабский язык. Жанр коммерческих деловых бумаг и их языковая специфика. — М., 2002.
- Вартанов Ю. П.* Проблемы теории и практики литературного перевода с арабского. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — С.Пб., 1992.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. — М., 2002.
- Гранде Б. М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. — М.: Восточная литература, 1963.
- Губанов Ю. П.* Стилистическая стратификация арабских фразеологизмов // Научно-практическая конференция. Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. — М., 1989.
- Губанов Ю. П.* Структурно-семантическая характеристика арабской военной терминологии (на материале военной терминологии Сирии и Египта). Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1974.
- Данилов И. С.* О военной терминологии в арабских странах // Иностранные языки.— М., 1965. № 1.
- Делюкин Д. А.* Некоторые аспекты передачи реалий в переводе // Союз переводчиков России. Ассоциация военных переводчиков. — Научный альманах № 1 (2). — М., 1997.
- Дехтярев В. В.* Анализ способов формирования терминологии арабской научной письменной речи (в сопоставлении русским языком) // Актуальные проблемы арабистики и тюркологии. Материалы научной конференции, посвященной 40-летию кафедры ближневосточных языков ВУ МО РФ. — М., 2007.
- Долинина А. А.* Арабески на тему Эткинда // Взаимодействие литератур Европы и Азии и проблемы перевода. — СПб., 1999.

- Дьяконов Е. В.* Метафизическая метафора и переводы Священного Писания // Актуальные проблемы арабистики и тюркологии. Материалы научной конференции, посвященной 40-летию кафедры ближневосточных языков ВУ МО РФ. — М., 2007.
- Еловков Д. И.* Некоторые проблемы перевода с европейских языков на кхмерский и с кмерхского на европейские // Взаимодействие литератур Европы и Азии и проблемы перевода. — СПб., 1999.
- Зубкова Л. Г.* Язык как форма. Теория и история языкознания. — М., 1999.
- Игнатъев А. С.* Обучение использованию фигур стилистического синтаксиса в публичных выступлениях на арабском языке. — М., 1982.
- Касевич В. Б.* О категории времени и таксиса в бирманском языке // Востоковедение. — Л.: ЛГУ, 1990.
- Комиссаров В. Н.* Теория перевода на современном этапе // Тетради переводчика. — М., 1976.
- Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. — М., 2001.
- Котов А. М.* Проблемы сопоставительной стилистики китайского языка // Научно-практическая конференция. Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. — М., 1989.
- Кратива Г. П.* Синонимический ряд и классификация синонимов в литературном арабском языке // Восточные языки. — М., 1971.
- Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М., 2002.
- Крюков А. Н.* Методологические основы интерпретативной концепции перевода. Автореф. ... д-ра филол. наук. — М., 1994.
- Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М.: Наука, 1983 г.
- Курдюмов В. А.* Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. — М., 1999.
- Кухарева Е. В.* Клише как отражение национального менталитета (на примере арабских паремий). Автореф. ... канд. филол. наук. — М., 2005.
- Латышев Л. К.* Технология перевода. — М., 2000.
- Ленкин А. Б., Шитов Б. А.* Грамматические и стилистические аспекты употребления предлогов при однородных членах арабского предложения // Научно-практическая конференция. Функцио-

- нально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. — М., 1989.
- Леонтьев А. А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М., 1993.
- Майзель С. С.* Пути развития корневого фонда семитских языков. — М., 1983.
- Методы современной коммуникации: проблемы теории и современной практики.* Материалы 1-й международной конференции 27–29 ноября 2002 г. — М., 2002.
- Мирам Г. Э.* Переводные картинки. Профессия: переводчик. — Киев, 2001.
- Мишкуров Э. Н.* Ислам и арабский язык (опыт лингвосоциального и лингвокультурологического анализа) // Союз переводчиков России. Ассоциация военных переводчиков. — Научный альманах № 1 (2). — М., 1997.
- Морозова В. С.* Коммуникативно значимые формулы вежливости (приветствия) в арабском языке и проблемы их перевода // Союз переводчиков России. Ассоциация военных переводчиков. — Научный альманах № 1 (2). — М., 1997.
- Морозова В. С.* Арабские фразеологизмы с компонентом-антропонимом // Актуальные проблемы арабистики и тюркологии. Материалы научной конференции, посвященной 40-летию кафедры ближневосточных языков ВУ МО РФ. — М., 2007.
- Осипов В. Д.* О выделении эпистолярного стиля в арабском языке // Научно-практическая конференция. Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. — М., 1989.
- Палажченко П.* Все познается в сравнении, или Несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. — М., 2000.
- Пантюхин Н. Я.* О критериях идентификации научного стиля в арабском языке // Сборник статей № 29–30. — М.: Изд-во Воен. ин-та, 1993.
- Рыбалкин В. С.* Арабская лексикографическая традиция. — Киев, 1990.
- Сивохо М. И.* Особенности передачи реалий при переводе художественной прозы (на материале переводов произведений русской классической литературы на арабский язык) // Вестник Россий-

- ского университета дружбы народов. — Серия лингвистика. — 2007. — № 3.
- Сидоров Е. В.* Некоторые мифы стилистики в свете системной концепции речевой коммуникации // Научно-практическая конференция. Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. — М., 1989.
- Спешнев Н. А.* К вопросу о стилистических особенностях художественного китайского текста // Взаимовлияние литератур Европы и Азии и проблемы перевода. — СПб., 1999.
- Спиркин А. Л.* Речевая реализация стилевых черт арабских официально-деловых текстов // Актуальные проблемы арабистики и тюркологии. Материалы научной конференции, посвященной 40-летию кафедры ближневосточных языков ВУ МО РФ. — М., 2007.
- Попович А.* Проблемы художественного перевода. — Благовещенск, 2000.
- Тарасов Е. Ф.* Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М., 1996.
- Тереженко В. В.* Лексико-грамматические особенности образования многокомпонентных военных и военно-технических терминов в арабском языке (в сопоставлении с русским языком). Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2001.
- Тулицына И. Н.* Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение. — М., 2005.
- Уфимцева Н. В.* Системность языкового сознания как отражение системности образа мира // Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы межвузовской конференции. — М.: МОСУ, 2003.
- Финкельберг Н. Д.* Исследование структурных отношений в семантической системе арабских имен. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1975.
- Финкельберг Н. Д., Майбуров Н. А.* Учебник общественно-политического перевода. Арабский язык. — Ч. 1-я и 2-я. — М., 1986.
- Финкельберг Н. Д.* Теория семантических доминант (на материале арабского литературного языка). Автореф. ... д-ра филол. наук. — М., 1994.
- Финкельберг Н. Д.* Арабский язык. Курс теории перевода. — М., 2004.

- Финкельберг Н. Д. Этнический образ мира и проблемы синтаксиса в переводе // Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе. — М., 2005.
- Финкельберг Н. Д. Ономаσιологический путь познания национального образа мира // Актуальные проблемы арабистики и тюркологии. Материалы научной конференции, посвященной 40-летию кафедры ближневосточных языков ВУ МО РФ. — М., 2007.
- Финкельберг Н. Д. Национальные особенности арабской концептосферы // Тезисы научной конференции «Ковалевские чтения-2». — М., 2007.
- Финкельберг Н. Д. Коннотация: переводоведческий и дидактический аспекты // Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс. — М.: Военный университет, 2007.
- Фролов Д. В. Предлоги в арабской грамматической традиции // Языки зарубежного Востока. — М., 1977.
- Фролов Д. В. Способы оформления понятий в традиционной арабской грамматике // Проблемы арабской литературы. — М., 1987.
- Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций в их естественной классификации // Типология итеративных конструкций. — Л., 1989.
- Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания. — М., 2001.
- Шитов Б. А. Учебник по военному переводу арабского языка. — М.
- Штанов А. В. Коммуникативно-речевая основа преподавания иностранного языка (на примере турецкого языка) // Актуальные проблемы арабистики и тюркологии. Материалы научной конференции, посвященной 40-летию кафедры ближневосточных языков ВУ МО РФ. — М., 2007.

أمين مصطفى و علي الجارم — البلاغة الواضحة — القاهرة ،
تمام حسان — القرائن النحوية — «اللسان العربي» ، الرباط ، 1963 .
الجرجي عبد القاهر — كتاب دلائل المجاز في علم المعاني — القاهرة ،
1938 .

عبد القاهر حسين — فن البلاغة — القاهرة ، 1964 .
مالك المطلبي — استجابة العربية للتحديات المعاصرة — دراسة في
النول والنسيج — «الأقلام» ، سنة 1985 ، ص. 80 — 101 .

СЛОВАРИ

- Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. — М., 1986.
- Арсланян Г., Шубов Я.* Русско-латино-арабский медицинский словарь. — М., 1993.
- Аттая М. О.* Словарь арабско-русский. — М., 1913.
- Баранов Х. К.* Арабско-русский словарь. — М., 1976.
- Белкин В. М.* Карманный русско-арабский словарь. — М., 1970.
- Борисов В. М.* Русско-арабский словарь. — М., 1967.
- Гиргас В.* Словарь к Арабской хрестоматии и Корану. — Казань, 1881.
- Жузе П. К.* Полный арабско-русский словарь (составил П. К. Жузе). Часть первая и вторая. — Казань, 1903.
- Киреев П. М., Минеджян Г. З.* Краткий русско-англо-арабский медицинский словарь. — М., 1971.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* — М., 1990.
- Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка. — М., 1984.
- Рыжков В. И., Тхоржевский Л. Л., Шагаль В. Э.* Русско-арабский технический словарь. — М., 1988.
- Словарь синонимов русского языка.* — Т. 1–2. — Л., 1970–1971.
- Фразеологический словарь русского языка.* — М., 1967.
- Шарбатов Г. Ш.* Русско-арабский учебный словарь. — М., 1964.
- Шарбатов Г. Ш.* Арабско-русский учебный словарь. — М., 1981.
- Шахбаз А. С. А., Зотов В. И.* Арабско-русский разговорник для туристов. — М., 1979.
- Юнусов К. О.* Краткий русско-арабский словарь экономических терминов. — СПб., 1996.

- إبراهيم مصطفى أحمد حسن الزيات , حامد عبد القادر , محمد علي
النجار — المعجم الوسيط — القاهرة , 1951.
- إلياس انطوان إلياس و أدوار إ. إلياس — القاموس العصري —
إنجليزي — عربي — القاهرة , 1977
- إلياس انطوان إلياس و أدوار إ. إلياس — القاموس العصري عربي —
إنجليزي — القاهرة , 1968.
- أنطوان الدحداح — قاموس الجيب في لغة النحو العربي — بيروت,
مكتبة لبنان.
- الرائد , معجم لغوي , تأليف جبران مسعود , الطبعة الثانية , بيروت.
رفائيل نخلة اليسوعي — منجد في المترادفات والمتجانسات , بيروت,
1969.
- علي بن هاديه , بلحسن البليش — القاموس الجديد للطلاب — تونس,
1985.
- محيط المحيط , تأليف ب. البستاني , 1 — 2 , بيروت , 1950 —
1951.
- المنجد في اللغة و الأدب و العلوم , تأليف لويس معلوف , بيروت
1956,
- المنجد الأبجدي , الجزائر , 1988.

Учебное издание

Финкельберг Наталья Дмитриевна

АРАБСКИЙ ЯЗЫК

Теория и технология перевода

Учебное пособие

Корректор *Е. А. Соседова*

Верстка *О. Б. Русакова*

Дизайн обложки *А. А. Конохова*

ООО «Восточная книга»

127273, Москва, Олонецкая ул., д. 23

(495) 545-07-69

E-mail: muravei@muravei.ru

Адрес для корреспонденции:

127106, Москва, а/я 12

Подписано в печать 02.10.2009.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25,0. Тираж экз.

Заказ №

Дорогие друзья!

В нашем издательстве действует система «Книга — почтой». Мы высылаем литературу наложенным платежом в любой регион РФ, а также по предоплате в страны ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес интернет-магазина издательства:

www.muravei.ru

Телефон: 8-916-933-16-52

e-mail: zakaz@muravei.ru

ЖДЕМ ВАШИХ ЗАЯВОК!